

Вестник Московского университета

ISSN 0201-7385

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

ПОСВЯЩАЕТСЯ 270-ЛЕТИЮ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Серия 7

философия

Том 49

5/2025

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Серия 7 ФИЛОСОФИЯ

Том 49 • № 5 • 2025 • СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит с 1977 г. один раз в два месяца

LOMONOSOV PHILOSOPHY JOURNAL

Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

История философии

Потопов М.М. Лобачевский и Кант: контексты «воображаемой геометрии» 3

Чепелева Н.Ю. Понятие аффицирования в контексте учения о пространстве и времени у Канта 19

Философия и методология науки

Волошин М.Ю. Визуализация компьютерных симуляций и цифровая объективность 35

Философия сознания

Белогова В.О. Минимальное самосознание и телесная воплощенность в феноменологической парадигме 53

Социальная философия

Вершинина И.А., Мартыненко Т.С., Хомякова К.Л. «География отчаяния»: экологические беженцы в эпоху изменения климата 67

Эстетика

Жуков Д.К. Документальное искусство в свете эстетической незаинтересованности И. Канта: между жанровым своеобразием и феноменальной спецификой 87

Религиоведение

Каимова А.С., Оренбург М.Ю., Хомушку О.М. Полиморфизм буддизма в российском социокультурном пространстве: к вопросу о методологии исследования 103

Памяти Михаила Александровича Маслина (1947–2025) 121

CONTENTS

History of Philosophy

- P o t a p o v M.M. Lobachevsky and Kant: contexts of “imaginary geometry” 3
- C h e p e l e v a N.Yu. The concept of affection in the context of Kant’s doctrine of space and time 19

Philosophy and Methodology of Science

- V o l o s h i n M.Yu. Visualization of computer simulations and digital objectivity 35

Consciousness Studies

- B e l o n o g o v a V.O. Minimal self-consciousness and embodiment in the phenomenological paradigm 53

Social Philosophy

- V e r s h i n i n a I.A., M a r t y n e n k o T.S., K h o m y a k o v a K.L. “Geography of despair”: environmental refugees in the epoch of change in the climate 67

Aesthetics

- Z h u k o v D.K. Documentary art in the light of I. Kant’s aesthetic disinterest: between genre originality and the specificity of phenomenal experience 87

Religious Studies

- K a i m o v a A.S., O r e n b u r g M.Yu., K h o m u s h k u O.M. Polymorphism of Buddhism in the Russian socio-cultural space: on the research methodology 103

- To the memory of Mikhail Aleksandrovich Maslin (1947–2025) 121*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 114

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-5-3-18

ЛОБАЧЕВСКИЙ И КАНТ: КОНТЕКСТЫ «ВООБРАЖАЕМОЙ ГЕОМЕТРИИ»

М.М. Потапов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991,
Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», г. Москва,
Россия

Аннотация. Лобачевский получил образование под влиянием различных философских направлений. Несмотря на то что его взгляды тяготеют к эмпиризму Нового времени, заметную роль в становлении философского мировоззрения ученого сыграл Кант. Казанский математик был хорошо знаком с трансцендентальной эстетикой и пользовался понятийным аппаратом Канта, а также с логикой немецкого мыслителя, о чем свидетельствует рукопись «Начальные основания логики». Сложившееся философское мировоззрение Лобачевского можно охарактеризовать как эмпирический фундаментализм. Он стремился найти обоснование постулатов геометрии в опыте, однако дальнейшее построение положений дисциплины у него связано с аналитическим методом. Эта тенденция проявила себя как поиск геометрии, которая обладает наибольшим эмпирическим потенциалом. Представленная статья предлагает реконструкцию философского мировоззрения Лобачевского, которое стало основой «воображаемой геометрии».

Ключевые слова: Лобачевский, Кант, воображаемая геометрия, эмпиризм, пространство, время, пятый постулат Евклида, неевклидова геометрия

Благодарности/Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10071 «Пространство и время в британской, немецкой и русской философии XVII–XIX веков», <https://rscf.ru/project/24-78-10071/>

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

LOBACHEVSKY AND KANT: CONTEXTS OF “IMAGINARY GEOMETRY”

M.M. Potapov

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Teaching and Scientific Building “Shuvalovsky”, 119991, Russia

Abstract. Lobachevsky was educated under the influence of various philosophical trends. Despite the fact that his views tended towards Modern empiricism, Kant played a significant role in shaping the philosophical worldview of the scientist. The Kazan mathematician was well-acquainted with transcendental aesthetics and used Kant’s conceptual apparatus. He was also familiar with the logic of German thinkers, as evidenced by his manuscript “The Initial Foundations of Logic”. Lobachevsky established a philosophical worldview that can be described as empirical fundamentalism. His search for justification for geometry’s postulates in experience led to a construction of its provisions based on analytical methods. This trend manifested itself in a search for a geometry with the greatest empirical potential. The presented article offers a reconstruction of Lobachevsky’s philosophical worldview, which became the basis for “imaginary geometry”.

Keywords: Lobachevsky, Kant, imaginary geometry, empiricism, space, time, Euclid’s fifth postulate, non-Euclidean geometry

Acknowledgements/Funding Support

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-78-10071 “Space and time in British, German, and Russian philosophy of the 17th–19th Centuries”, <https://rscf.ru/project/24-78-10071/>

Наследие Николая Ивановича Лобачевского обширно. Ученый предложил метод приближенного решения уравнений, сформулировал несколько теорем о тригонометрических рядах, уточнил понятие непрерывной функции. Помимо этого Лобачевский писал статьи по механике и астрономии. Ему принадлежит несколько трудов, посвященных специфике образовательной деятельности, а также несколько технических изобретений, в частности термометр для измерения температуры почвы. С большой самоотдачей Лобачевский выполнял обязанности ректора Казанского университета. Однако важнейшее место в наследии математика занимает гиперболическая (или названная самим Лобачевским «воображаемой») геометрия.

Судьба этой концепции тесно связана с философским мировоззрением ученого.

Философское мировоззрение Лобачевского формировалось в условиях, когда Россия продолжала открывать мир европейской философии. Став «первым студентом» Казанского университета, будущий математик вдохновлялся философскими идеалами Нового времени. Также в период студенчества Лобачевского были популярны идеи идеалистов. Так, личные убеждения ученого формировались на фоне разных философских течений.

Заметное влияние на Лобачевского оказал Кант. Отдельные факты биографии казанского математика указывают на то, что он был хорошо знаком с научными достижениями немецкого философа. Более того, некоторые понятия, которые использует Лобачевский, напрямую восходят к философии Канта или его последователям. История публикации работ, посвященных «воображаемой геометрии», показывает, что противоположные, на первый взгляд, эмпиризм Лобачевского и философия Канта тесно связаны между собой.

История публикации «воображаемой геометрии»

На лекциях М.Ф. Бартельса по истории математики Лобачевский познакомился с проблемой параллельных прямых, а также с актуальными доказательствами пятого постулата Евклида. Они стали отправной точкой для «воображаемой геометрии». В 1817 г. казанский математик совершил попытку доказательства пятого постулата [1, 209].

Первое уведомление о создании «воображаемой геометрии» было представлено 7 февраля¹ 1826 г. В Отделение физико-математических наук Казанского университета Лобачевский направил статью «Сжатое изложение начал геометрии со строгим доказательством теоремы о параллелях». Работа не была опубликована [2, 11]. В 1829 г. уже в статусе ректора Казанского университета Лобачевский в «Казанском вестнике» опубликовал знаменитую статью «О началах геометрии», которая считается первым в мире изложением неевклидовой геометрии. Новые идеи не были приняты научным сообществом. В частности, М.В. Остроградский — один из самых авторитетных математиков своего времени — написал разгромную статью в ответ на статью Лобачевского. Остроградский указал на вычислительную ошибку, допущенную в работе, и подчеркнул ее избыточный характер. Статья получила оценку «ниже посредственного» [3, 333].

¹ 17 февраля по старому стилю.

Позднее в «Сыне отечества» вышел еще один критический отзыв, посвященный работе Лобачевского [4, 407–416].

Высоко оценил идеи Лобачевского К.Ф. Гаусс, однако положительных отзывов в научных журналах он не опубликовал. Положительно оценили идеи Лобачевского П.И. Котельников и Фаркаш Бойяи — отец Яноша Бойяи, еще одного ученого, внесшего вклад в создание неевклидовой геометрии [2, 24].

В большинстве же случаев идеи Лобачевского не вызывали отклика со стороны научного сообщества. Несмотря на критику, Лобачевский публиковал свои идеи и в зарубежных журналах. В 1837 г. статья “*Géométrie imaginaire*” («Воображаемая геометрия») (на французском языке) появилась в немецком «Крелле». В 1840 г. на немецком языке была опубликована работа “*Geometrische Untersuchungen zur Theorie der parallellinien*” («Геометрические исследования по теории параллелей») [2, 23]. Потребовалось еще несколько десятилетий, чтобы имя ученого вписали в ряды величайших математиков своего времени. Дурная слава автора непризнанной теории не позволила получить достойную должность после окончания ректорской работы. Лобачевский умер в бедности. Однако критика «воображаемой геометрии» не заставила казанского математика бросить эту область исследования.

Становление философского мировоззрения Н.И. Лобачевского

Знакомство Лобачевского с идеями Канта и работами других философов проходило через друзей, преподавателей и коллег. Изучая логику в Казанском университете среди таких профессоров, как Ф.К. Броннер и М.Ф. Бартельс², пройти мимо Канта и его «Логики» оказывалось невозможной задачей. Лобачевский познакомился с философией как с научной дисциплиной на лекциях К.А. Фойгта в 1809–1811 гг. [5, 576]. В университетской программе было запланировано обучение логике, метафизике и этике. Из лекций Бартельса Лобачевский узнал основные положения логики и идеи кантианцев [6, 234]. Немецкий преподаватель высоко ценил талант Лобачевского³.

Перед тем как принять предложение С.Я. Румовского о преподавательской работе, в 1806 г. Бартельс несколько лет занимал ка-

² Ф.К. Броннер и М.Ф. Бартельс получили профессиональное образование в Германии.

³ Интересен также факт, что Бартельс был преподавателем еще одного создателя неевклидовой геометрии — Гаусса. Как и Лобачевский, он также был удостоен чести дополнительно заниматься с Бартельсом.

федру философии в Йенском университете, предварительно заочно получив звание доктора философии [7, 121]. Однако, судя по всему, его диссертация “*Elementa Calculi Variationum*” («Элементы вариационного исчисления») была посвящена математическому анализу.

Еще один знаменитый учитель Н.И. Лобачевского — Ф.К. Броннер. А.В. Васильев пишет, что участие в кружке иллюминатов, а также мягкий, но требовательный характер Броннера сделали из него выдающегося преподавателя [8, 21]. В свой юношеский период Броннер написал два философских эссе, названия которых говорят сами за себя: «О средствах заставить молодого человека с особенным уважением относиться к изучению морали» и «О том, как в юноше пробуждать любовь к самостоятельному мышлению» [9, 24–25]. В биографии Броннера отмечен его интерес к “*Profession de foi du vicaire Savoyard*” («Исповедание веры савойского vicария») Ж.Ж. Руссо и «Критике чистого разума» И. Канта [8, 21]. Волновали немецкого преподавателя и вопросы соотношения философии и естественной науки. В одной из своих дневниковых записей Броннер рассуждает о границах пространства: «...воображение представляло себе только громадный шар, все более и более расширяющийся в бесконечное пространство и никогда не достигающий до пределов» [8, 21]. Хорошо известно и о его поэтической деятельности. В исторических документах, связанных с ранней деятельностью Казанского университета, отмечается, что Броннер был более известен как поэт, чем как ученый [6, 275]. Он издал три тома стихотворений и рассказов.

В 1812/1813 г. Лобачевский состоял в студенческом кружке, в котором заметную роль играл И.И. Давыдов. Будучи учеником И.Ф. Буле, Давыдов был последователем английского эмпиризма, а впоследствии стал сторонником философии Шеллинга [8, 210]. Предположительно Лобачевский был знаком с философской интерпретацией пространства и времени Т.Ф. Осиповского, а также с одной из первых работ по логике в России «Письма к немецкой принцессе» Л. Эйлера. Однако свидетельств, доказывающих это, нет.

На мировоззрение Лобачевского [10] повлияли также и его коллеги по Казанскому университету. А.В. Васильев отмечает, что несколько человек в университетской среде Лобачевского были хорошо знакомы с работами Канта. С 1812 г. кафедре умозрительной и практической философии занимал автор первого в России академического исследования критической философии А.С. Лубкин. Заменявший его И.Е. Срезневский также проявил интерес к знаменитому немецкому философу [8, 211]. Известен факт, что его актовая речь 1817 г. была посвящена Канту [11]. С 1819 г. должность

ректора Казанского университета занимал Г.И. Солнцев, однако спустя год по инициативе М.Л. Магницкого он был представлен университетскому суду и впоследствии уволен за распространение на занятиях идеей Канта.

Философское мировоззрение Н.И. Лобачевского

Безусловно, Лобачевский не был философом. Среди его произведений нет философских работ. Однако происхождение и история публикаций идей «воображаемой геометрии» указывает на наличие конкретного философского мировоззрения⁴, напоминающего идеи Томаса Гоббса и Джона Локка. В.Я. Перминов называет философское мировоззрение Лобачевского эмпирическим фундаментализмом [12].

Ученый высоко оценивал математику и стремился заменить ее абстрактные основания на понятия, оправданные опытом. В статье 1823 г. «Происхождение и распространение звука в воздухе» ученый подчеркивал: «Но то однако ж правда, что ум, приученный к вычислениям, далеко продолжает еще идти за ту границу, которую не переступит ум, не посвященный в таинства науки чисел» [13, 50]. От математики Лобачевский требовал прочных оснований, «чтобы строгость и ясность сохранялись в самых ее началах, так как они делаются первым ее достоинством в продолжении» [14, 370]. Однако, по мнению российского математика, такое основание не должно быть философским знанием. «Нахожу также бесполезным... искать к ним (естественным наукам) ключа в философии. Математика должна быть совершенно независима от сей науки» [3, 205], — писал Лобачевский.

С точки зрения Лобачевского, познание мира начинается с восприятия и интерпретации факта взаимодействия твердых тел. Однако, развивая свою теорию, математик придерживался аналитического метода. Одно из ключевых его требований к научной теории — непротиворечивость. Все понятия геометрии Лобачевский считает искусственными, существующими только в разуме. Опыт определяет

⁴ Важность философского бэкграунда для создания неевклидовой геометрии подчеркивает история еще одного ученого, в научные интересы которого входила проблема параллельных прямых. Карл Фридрих Гаусс в своей переписке с Яношом Бойяи 1799 г. признавался в том, что уже занимался вопросами создания неевклидовой геометрии. Исследователи архива немецкого математика указывают, что ученый интересовался проблемой параллельных прямых с 90-х гг. XVIII в. Однако он не опубликовал результаты своих научных изысканий, поскольку научные результаты не соответствовали мировоззрению Гаусса. Немецкий математик побоялся быть непонятым.

их происхождение лишь отчасти. Аналитическая методология не позволяет Лобачевскому полностью отказаться от произвольных (не связанных с опытом) положений теории. Однако они должны вписываться в общую теорию, основания которой оправданы опытом. Этому критерию отвечает «воображаемая геометрия». Однако альтернативный пятый постулат, предложенный математиком, также не сводится к опыту. Основной аргумент в пользу «воображаемой геометрии» у Лобачевского носит функциональный характер: «Итак, очень вероятно, что Евклидовы положения одни только истинные, хотя и останутся навсегда недоказанными. Как бы то ни было, новая геометрия, основания которой здесь уже положены, если и не существует в природе, тем не менее может существовать в нашем воображении и, оставаясь без употребления для измерений на самом деле, открывает новое обширное поле для взаимных применений геометрии и аналитики» [10, 209–210].

На основе небольшого количества отрывков из работ Лобачевского, в которых поднимаются философские вопросы, можно выделить три темы, которые ему интересны. В первую очередь, конечно же, это вопрос о природе познания. Далее следует вопрос о возможности сведения науки к строгим основаниям. И наконец, вопрос об организации образовательного процесса.

Философское мировоззрение Лобачевского иллюстрирует вступление к «Новым началам геометрии с полной теорией параллельных», где он стремится брать за основные понятия геометрии те, которые «непосредственно соединены с представлением тел в нашем уме» и которые «можно проверять в природе, не прибегая наперед к другим и посторонним» [15, 168]. Фундаментальной основой любой науки Лобачевский считал движение тел и их взаимодействия, такие как сечение и соприкосновение [15, 168].

Пространство казанский математик называет понятием, «подлежащим толкованию» и сводимым к другим. Его Лобачевский объясняет как интерпретацию движения. Ученый считает, что все геометрические понятия «произведены нашим умом искусственно». Таким образом, «пространство, само собой, отдельно для нас не существует» [15, 159]. Здесь же можно найти еще одно любопытное утверждение Лобачевского: «В нашем уме не может быть никакого противоречия, когда мы допускаем, что некоторые силы в природе следуют одной, другие своей особой геометрии». И далее: «...нельзя сомневаться в том, что силы все производят одни: движение, скорость, время, массу, даже расстояние и углы» [15, 159]. В таких словах несложно увидеть предпосылки специальной и общей теории относительности.

Другим философским интересом казанского математика была логика. Еще со студенческих лет Лобачевского волновал вопрос строгости и ясности математического знания и его начал. В период создания «воображаемой геометрии» в 1826 г. относительно геометрических понятий он писал: «Поверхности и линии не существуют в природе, а только в воображении: они предполагают, следовательно, свойства тел, познание которых должно родить в нас понятия о поверхностях и линиях. Никто до сих пор не предпринимал труда восходить к сим источникам, и основания геометрии остаются темными; а после этого не мудрено, что в ней и многое не выдержит строгого разбора» [3, 177]. А в предисловии к «Новым началам геометрии» он высказывал такую мысль: «Пространство, протяжение, место, тело, поверхность, линия, точка, направление, угол — слова, которыми начинают геометрию, но с которыми не связывают ясного понятия» [15, 168]. Так, к примеру, математик считал, что «тройное измерение тел» (с помощью понятий «длина», «ширина», «толщина») «толкуется недостаточно» [15, 162]. Но, безусловно, ярчайший пример неудовлетворенности Лобачевского основаниями математики — критика пятого постулата Евклида и попытки его доказательства в 1817 г. [1, 209].

Рассматривая вопросы о специфике образовательного процесса, Лобачевский нередко обращался к философии Нового времени. Казанский математик высоко оценивал эпоху, в условиях которой наука освободилась от схоластических предрассудков [16, 424]. В «Речи о важнейших предметах воспитания» Лобачевский отмечал ценность «прямого (эмпирического) метода научного познания», цитировал Бэкона: «Оставьте, говорил он, трудиться напрасно, стараясь извлечь из одного разума всю мудрость; спрашивайте природу, она хранит все истины и на вопросы ваши будет отвечать вам непременно и удовлетворительно» [16, 424]. Разделял казанский математик и пафос философии Нового времени, направленной против излишне умозрительных рассуждений: «Гений Декарта разрушил схоластическую науку и теперь едва тень древней схоластики бродит по университету». И далее: «Здесь учат тому, что на самом деле существует, а не тому, что изобретено одним праздным умом» [16, 424–425]. Цитируя такого рода изречения, Лобачевский находил параллель между своим временем и возражениями философов Нового времени по отношению к преподававшейся в университетах схоластике. В высших школах во времена Лобачевского нередко преподавалась идеалистическая философия Шеллинга. Казанский математик не разделял подобные идеи. В одном из своих писем М.Н. Мусину-Пушкину 1831 г. казанский математик шутливо высказывался

о нефилософских идеях Шеллинга. Немецкий философ, по словам Лобачевского, считал, что употребление мяса молодых животных и сочных плодов вредно для организма [11, 626].

Лобачевский и Кант в советской литературе

Несложно заметить, что фундаментальный эмпиризм Лобачевского противоположен философским идеям Канта. Трансцендентальные формы познания, такие как пространство, время, у казанского математика сводятся к свойствам движения, а евклидова геометрия определяется как не единственная возможная метрика окружающего мира. Место априорных понятий Канта занимает дотошный сенсуализм. Также идеи Лобачевского и Канта не сходятся в вопросе математических оснований, которые в философии Канта сводятся к проблеме пространства и времени. Велик соблазн противопоставить идеи казанского математика и знаменитого немецкого философа. И подобная оптика исследования используется многими советскими авторами.

В советских академических исследованиях идеи Лобачевского и Канта о пространстве и времени подаются как противоположные. Однако такой компаративный анализ нередко выглядит преувеличенным. Так, предисловие Н.И. Бронштейна к знаменитой работе В.Ф. Кагана «Лобачевский и его геометрия» фактически начинается со слов о «нанесении сокрушительного удара господствующей в то время идеалистической философии Канта» [17, 5]. Подобным образом противопоставляет Лобачевского Канту Э.Я. Кольман [18, 30]. В работе С.А. Яновской «О мировоззрении Н.И. Лобачевского» идеи казанского математика также противостоят идеям «реакционных формалистов» [19, 178]. Конечно, идеологическая ангажированность отдельных положений в советских биографиях Лобачевского не зачеркивает их вклад в академическую литературу. Однако это приводит к неточностям в трактовке философского смысла «воображаемой геометрии». Так, В.Ф. Каган, сравнивая идеи Лобачевского и Канта, делает следующий вывод: «Если раньше для людей, материалистически мыслящих, было ясно, что наши геометрические представления сложились и окрепли в многовековом опыте, то теперь, в свете открытий Лобачевского, вопрос стал совершенно иначе: только опыту, измерениям... надлежало еще установить, должны ли быть во Вселенной, как в целом, в макрокосмосе сохранены геометрические соотношения классической геометрии» [17, 121]. Все же такое определение статуса классической геометрии, с точки зрения казанского математика, связано не с опытом, но с умом. Альтернативный пятый постулат Лобачевского не основан на эмпирических

данных и имеет синтетическую природу. «Воображаемая геометрия» не указывает на то, что любые основания геометрии должны быть выведены исключительно из опыта. Лобачевский считает, что постулаты и аксиомы должны быть выведены синтетическим путем (как воображаемые) и выдерживать «столкновение» с опытом, то есть не приводить к противоречиям. Так, во всех своих работах по геометрии Лобачевский придерживался аналитического метода изложения, который в большинстве случаев отличает произведение по математике от работы по философии. Российский математик создавал, в первую очередь, геометрию, свободную от противоречий, и не ставил задачи опровергнуть какую-либо философскую систему. Безусловно, не стоит опускать в целом отрицательное отношение Лобачевского к идеализму в математике, но важно подчеркнуть, что российский ученый никогда не противопоставлял свои идеи каким-либо философским течениям. Его критика всегда была ограничена общими вопросами и не касалась конкретных концепций. В этом смысле противопоставление идей Лобачевского философии Канта и других мыслителей представляет собой стремление уравнивать математику и философию на концептуальном уровне. Не стоит также упускать из виду тот факт, что идеи Канта сыграли заметную роль в становлении философского мировоззрения Лобачевского.

«Советская» оптика исследования Лобачевского привела и к другим неточностям. В частности, к искажению цели «воображаемой геометрии» и к некорректному пониманию основных проблем, на решение которых были направлены исследования. Эти несоответствия подробно рассматривает В.Я. Перминов [19, 27–29].

Влияние Канта на Лобачевского

В своем предисловии к лекционному курсу по чистой математике 1825–1826 гг. Лобачевский ссылается на «Метафизические начала естествознания» Канта и возражает его позиции. Российский ученый пишет: «Все те понятия, которые не могли быть приобретены нашими чувствами, как например бесконечность пространства и времени, должны быть откинута. Те, которые хотели ввести в математику подобные понятия, не нашли себе последователей. Такую участь имели основания форономии Канта, разнородность линий с углами, и, в последнее время, бесконечные в анализе» [3, 204].

Вероятно, самое убедительное свидетельство о том, что Лобачевский был увлечен философией Канта, можно найти в лекциях по алгебре 1825 г.: «...вещи в отношении к познавательной способности человека суть двоякого рода: одни суть предметы чистого разума, и разум сам от себя дает им все свойства; другие же основываются

еще на опыте. Первые принадлежат чистой математике; в кругу же последних смешанная математика выбирает свои предметы. Вещи внутреннего чувства должны быть во времени; внешнего же еще и в пространстве. Таков закон чистого разума. Время есть последовательное представление чистой вещи; оно даст нам понятие величины и числа. Та часть чистой математики, которая рассуждает вообще о величинах, а следовательно и о числах, называется арифметикою, та же, которая занимается и пространством, — геометрию» [8, 209]. По этому высказыванию видно, что Лобачевский использует понятийный аппарат Канта. Впоследствии взгляды Лобачевского меняются. Однако нельзя сказать, что эта цитата демонстрирует философское мировоззрение, абсолютно противоположное эмпирическому фундаментализму. В своих дальнейших работах казанский математик не использует понятие «чистый разум», а математические понятия, которые не связаны с опытом, оправдывает непротиворечивостью теории, частью которой они являются. При этом ряд положений из этого высказывания остается актуальным для сложившегося эмпирического фундаментализма. Так, Лобачевский продолжает определять геометрию как «часть чистой математики, в которой предписываются способы измерять пространство» [3, 205]. Также не меняется интерпретация «вещей в отношении к познавательной способности человека» как синтетических.

Еще одно ключевое свидетельство интереса Лобачевского к философии Канта — рукопись, озаглавленная «Начальные основания логики». Точный год написания этой работы неизвестен, однако можно заключить, что она была написана после 1809 г. Работа представляет собой ряд параграфов с различными логическими положениями. Впервые данная работа была опубликована советским математиком и историком математики А.П. Норденом с комментарием, в котором он высказал предположение, что «Начальные основания логики» представляют собой конспект «Логики» Канта, опубликованной в 1800 г. Советский математик провел детальный (постатейный) анализ, сопоставляя положения Лобачевского и Канта.

Так, Норден обратил внимание, что «наибольшей характерной и существенной чертой, сближающей «Начальные основания логики» и логику Канта, является систематическое использование четырех кантовских категорий⁵: количества, качества, отношения и модальности» [5, 577]. Он также отметил общее сходство в структуре рукописи Лобачевского и кантовской логики. Так, работы включают в себя введение, общее учение об элементах и общее учение о методе.

⁵ Очевидно, Норден имеет в виду группы категорий.

Оба произведения состоят из 130 параграфов. Однако все же работы имеют ряд отличий. Содержание параграфов не совпадает между собой. Рукопись Лобачевского содержит значительно более краткое введение к основной части, а также не включает в себя параграф, посвященный бесконечным суждениям. Таким образом, версию о том, что «Начальные основания логики» являются конспектом логики Канта, уже с самого начала можно было назвать неправдоподобной.

Возникли и другие версии происхождения «Начальных оснований логики». Так, Б.В. Бирюков, ознакомившись с рукописью Лобачевского, обратил внимание на то, что произведение содержит теорию вопросов и ответов, полностью отсутствующую у немецкого философа. Ученый сделал вывод, что работа Лобачевского не является конспектом логики Канта [20]. Также и сам Норден упомянул другую версию, написав, что «Начальные основания логики» могут быть конспектом пособия по логике Иоганна Кизеветтера — одного из учеников Канта. Однако год перевода на русский язык этой работы не соответствовал предполагаемой дате написания, что не позволило Нордену принять эту точку зрения.

О том, что «Начальные основания логики» — действительно конспект одного из пособий И. Кизеветтера, было сказано А.В. Васильевым. Несколько произведений Кизеветтера на немецком языке содержалось в библиотеке Московского университета. Очевидно, по одному из них и был выполнен конспект [8, 207].

Выводы

Изучая отрывки работ Лобачевского, которые посвящены общим вопросам, можно выделить две особенности его философского мировоззрения. С одной стороны, ученый призывает находить в опыте подтверждение фундаментальным основаниям геометрии. С другой стороны, все дальнейшее построение дисциплины связано с аналитическим методом и не имеет прямого отношения к опытным данным. Впрочем, именно поэтому казанский математик назвал свою неевклидову геометрию «воображаемой». Таким образом, эмпиризм Лобачевского оказывается строго ограничен.

Исследовательской литературе, которая посвящена мировоззрению математика, редко удается соблюсти баланс в изложении эмпирического и аналитического подходов Лобачевского. Отдельные исследователи характеризуют идеи математика исключительно как эмпиризм и опускают значительную аналитическую часть его работ. Сюда можно отнести советские публикации, посвященные казанскому математику, а также работы Нормана Дэниэлса [21]. В противовес этому стоит отметить тенденцию исследовать Лобачевского как

формалиста. Однако особый интерес представляет вопрос соотношения эмпиризма и формализма в идеях Лобачевского. Аналитический метод казанского математика обусловлен не только спецификой математического знания, но и выступает рецепцией идей Канта. Это подтверждают отдельные понятия и заключения эмпирического фундаментализма, в которых Лобачевский либо повторяет немецкого философа, либо близок к этому. Факт влияния Канта на казанского математика позволяет иначе взглянуть на современную дискуссию о том, насколько соотносимы положения неевклидовой геометрии с трансцендентальной эстетикой (Н. Кальхбреннер, М.Э. Каффаро). Также благодаря соотношению эмпиризма и формализма в своих идеях Лобачевский сыграл заметную роль в споре между неокантианцами и позитивистами в России [22].

Вслед за Кантом Лобачевский считает все геометрические суждения синтетическими и определяет их как «представления, соединенные в нашем уме с первыми понятиями». И в концепциях трансцендентальной эстетики, и в философских основаниях «воображаемой геометрии» ключевую роль в познании играет разум, «который, без сомнения, принадлежит исключительно человеку» [16, 423]. Оба ученых подчеркивают принадлежность разума субъекту и не допускают наличия противоречий, выявляемых анализом. Также Лобачевский близок к Канту в понимании аксиом как абсолютных утверждений о реальности [12, 14]. Еще одним убедительным философским аргументом в пользу того, что идеи мыслителей не противопоставлены друг другу, можно считать заключение Э. Бельтрами о непротиворечивости «воображаемой геометрии» в силу ее сводимости к евклидовой. Так, философское мировоззрение Лобачевского и его аналитическое развитие в виде «воображаемой геометрии» скорее расширяют потенциал трансцендентальной эстетики, хотя, конечно, и зачеркивают ряд ее важнейших положений. Таким образом, рецепция философии Канта в сложившемся мировоззрении Лобачевского⁶ наглядно показывает, что неевклидова геометрия не

⁶ Сложившимся философским мировоззрением Лобачевского следует называть идеи, созданные и опубликованные после 1826 г. Переломным моментом можно считать первое свидетельство о создании Лобачевским новой геометрии, а именно «Сжатое изложение начал геометрии со строгим доказательством теоремы о параллелях». Работы, опубликованные позже, в частности «О началах геометрии», «Алгебра или вычисление конечных», «Речь о важнейших предметах воспитания», «Воображаемая геометрия», «Геометрические исследования по теории параллельных прямых» (на немецком языке), «Пангеометрия» содержат философские идеи, которые характеризуют идеи Лобачевского как эмпирический фундаментализм. Эти произведения включают непротиворечивую систему взглядов на вопросы общего характера.

выступает антиподом кантовского понимания пространства и времени. Их концептуальная связь заметно сложнее.

С момента возникновения классической науки философская интерпретация пространства и времени претерпела немало изменений. Несмотря на то что философия во многом прояснила облик классической науки, развитие научного знания также повлияло на философию. Научные достижения Х. Лоренца, А. Пуанкаре, А. Эйнштейна и многих других изменили философскую интерпретацию пространства и времени. Новая наука указала на несостоятельность априорных и абсолютных параметров пространства и времени. Неевклидова геометрия Лобачевского положила начало этой тенденции. Так, тема философских оснований «воображаемой геометрии» вызывает интерес в современной философии науки и ее разработка позволяет увидеть наглядную взаимосвязь между философскими достижениями Канта и его последователей с современным состоянием математики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Лаптев Б.Л.* Теория параллельных прямых в ранних работах Н.И. Лобачевского // Историко-математические исследования. Вып. 4. 1951. С. 201–230.
2. *Лаптев Б.Л.* Николай Иванович Лобачевский, 1792–1856. Казань: Издательство Казанского университета, 2001. 76 с.
3. Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / Сост. и ред. Л.Б. Модзалевский. М.: АН СССР, 1948. 827 с.
4. Сын Отечества и Северный Архив, журнал словесности, политики и истории, издаваемый Н. Гречем и Ф. Булгариным. Т. XLV. СПб.: Типография Н. Греча, 1834. 516 с.
5. *Лобачевский Н.И.* Научно-педагогическое наследие: Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма. М.; Л.: Наука, 1976. 664 с.
6. Казанский университет: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904): В 2 ч. / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань: Типо-лит. Императорского университета, 1904. Ч. 1. 553 с.
7. *Бирман К.Р.* О первых научных работах М.Ф. Бартелиса // Вопросы истории естествознания. М.: 1974. С. 119–122.
8. *Васильев А.В.* Николай Иванович Лобачевский, 1792–1856. М.: Наука, 1992. 227 с.
9. *Литвинова Е.Ф.* Н.И. Лобачевский, его жизнь и ученая деятельность. СПб.: Издательство Ф. Павленкова, 1895. 79 с.
10. *Лобачевский Н.И.* Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Гостехиздат, 1946. Т. 1. 416 с.
11. *Срезневский И.Е.* Рассуждения о разных системах нравоучения, сравненных по их началам: Говоренное в торжественном собрании Императорского Казанского университета п.э. профессором Срезневым. Казань, 1817.
12. *Перминов В.Я.* Философское и методологическое мышление Н.И. Лобачевского // Историко-математические исследования. Вып. 12 (47). М.: Янус-К, 2007. С. 9–32.

13. *Лобачевский Н.И.* Происхождение и распространение звука в воздухе // Казанский Вестник. Ч. VII, кн. I. 1823. С. 49–60.
14. *Лобачевский Н.И.* Полное собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Сочинения по алгебре. М.; Л.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1948. 488 с.
15. *Лобачевский Н.И.* Полное собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Сочинения по алгебре. М., Л.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1948. 604 с.
16. *Лобачевский Н.И.* Избранные труды по геометрии. М.: Издательство АН СССР, 1956. 596 с.
17. *Каган В.Ф.* Лобачевский и его геометрия: Общедоступные очерки. М.: Гостехиздат, 1955. 304 с.
18. *Кольман Э.Я.* Великий русский мыслитель Н.И. Лобачевский. М.: Госполитиздат, 1944. 100 с.
19. *Яновская С.А.* О мировоззрении Лобачевского // Историко-математические исследования. Вып. 3. 1950. С. 30–75.
20. *Бирюков Б.В., Кузичева З.А.* Зарубежные направления в философии математики и их преломление в философско-логической и историко-математической мысли России XVIII – начала XX веков // Логические исследования. 2005. № 12. С. 67–108.
21. *Daniels N.* Lobachevsky: Some anticipations of later views on the relation between geometry and physics // *Isis*. Mar. 1975. Vol. 66, N 1. P. 75–85.
22. Catherine Evtuhov an unexpected source of Russian Neo-Kantianism: Alexander Vvedensky and Lobachevsky's geometry // *Studies in East European Thought*. Dec. 1995. Vol. 47, N ¾. Neo-Kantianism in Russian thought. Dec. 1995. P. 245–258.

REFERENCES

1. Laptev B.L. Teoriya paralel'nyh pryamyh v rannih rabotah N.I.Lobachevskogo. *Istoriko-matematicheskie issledovaniya*. Vyp. 4. 1951. P. 201–230. (In Russ.)
2. Laptev B.L. Nikolaj Ivanovich Lobachevskij, 1792–1856. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo un-ta, 2001. 76 p. (In Russ.)
3. Materialy dlya biografii N.I. Lobachevskogo. Sost. i red. L.B. Modzalevskij. Moscow: AN SSSR, 1948. 827 p. (In Russ.)
4. Syn Otechestva i Severnyj Arhiv, zhurnal slovesnosti, politiki i istorii, izdavaemyj N. Grechem i F. Bulgarinym. Vol. XLV. SPb. : Tipografiya N. Grecha. 1834. 516 p. (In Russ.)
5. Lobachevskij N.I. Nauchno-pedagogicheskoe nasledie : Rukovodstvo Kazanskim universitetom. Fragmenty. Pis'ma. Moscow; L.: Nauka, 1976. 664 p. (In Russ.)
6. Kazanskij universitet. Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: Za sto let (1804–1904): V 2 vol. Pod red. N.P. Zagoskina. Ch. 1. Kazan': Tipo-lit. Imperatorskogo universiteta, 1904. 553 p. (In Russ.)
7. Birman K.R. O pervyh nauchnyh rabotah M.F. Bartel'sa. *Voprosy istorii estestvoznaniya*. Moscow: 1974. P. 119–122. (In Russ.)
8. Vasil'ev A.V. Nikolaj Ivanovich Lobachevskij, 1792–1856. Moscow: Nauka, 1992. 227 p. (In Russ.)
9. Litvinova E.F. N.I. Lobachevskii, ego zhizn' i uchënaya deyatel'nost'. SPb.: Izdatel'stvo F. Pavlenkova, 1895. 79 p. (In Russ.)
10. Lobachevskij N.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 5 vol. Moscow; L.: Gostehizdat, 1946. Vol. 1. 416 p. (In Russ.)

11. Sreznevskij I.E. Rassuzhdeniya o raznyh sistemah nravoucheniya, sravnennyh po ih nachalam: Govorennoe v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta p.e. professorom Sreznevskim. Kazan', 1817. (In Russ.)

12. Perminov V.Ya. Filosofskoe i metodologicheskoe myshlenie N.I. Lobachevskogo. *In: Istoriko-matematicheskie issledovaniya*. Vyp. 12 (47). Moscow: Yanus-K, 2007. P. 9–32. (In Russ.)

13. Lobachevskij N.I. Proiskhozhdenie i rasprostranenie zvuka v vozduhe. *Kazanskij Vestnik*. Ch. VII, kn. I. 1823. P. 49–60. (In Russ.)

14. Lobachevskij N.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 5 vol. Vol. 4. Sochineniya po algebre. Moscow, L.: Gos. izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoy literatury, 1948. 488 p. (In Russ.)

15. Lobachevskij N.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 5 vol. Vol. 2. Sochineniya po algebre. Moscow, L.: Gos. izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoy literatury, 1948. 604 p. (In Russ.)

16. Lobachevskij N.I. Izbrannye trudy po geometrii. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. 596 p. (In Russ.)

17. Kagan V.F. Lobachevskij i ego geometriya: Obshchedostupnye ocherki. Moscow: Gostekhizdat, 1955. 304 p. (In Russ.)

18. Kol'man E.Ya. Velikij russkij myslitel' N.I. Lobachevskij. Moscow: Gospolitizdat, 1944. 100 p. (In Russ.)

19. Yanovskaya S.A. O mirovozzrenii Lobachevskogo. *In: Istoriko-matematicheskie issledovaniya*. Vyp. 3. 1950. P. 30–75. (In Russ.)

20. Biryukov B.V., Kuzicheva Z.A. Zarubezhnye napravleniya v filosofii matematiki i ih prelomlenie v filosofsko-logicheskoy i istoriko-matematicheskoy mysli Rossii XVIII – nachala XX vekov. *Logicheskie issledovaniya*. 2005. N 12. P. 67–108. (In Russ.)

21. Daniels N. Lobachevsky: Some anticipations of later views on the relation between geometry and physics. *Isis*. Mar. 1975. Vol. 66, N 1. P. 75–85.

22. Catherine Evtuhov an unexpected source of Russian Neo-Kantianism: Alexander Vvedensky and Lobachevsky's geometry. *Studies in East European Thought*. Dec. 1995. Vol. 47, N ¾. Neo-Kantianism in Russian thought. Dec. 1995. P. 245–258.

Информация об авторе: *Потапов Михаил Михайлович* — кандидат философских наук, младший научный сотрудник философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (960) 100-95-82; mmpotapov@bk.ru

Information about the author: *Mikhail M. Potapov* — Cand. Sci. (Philosophy), Junior Researcher, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (960) 100-95-82; mmpotapov@bk.ru

Поступила в редакцию 14.03.2025;
принята к публикации 02.06.25

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 115.4

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-5-19-34

ПОНЯТИЕ АФФИЦИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ У КАНТА

Н.Ю. Чепелева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена прояснению особенностей аффицирования априорных форм чувственности вещами самими по себе в философии Канта, важных для понимания его аргумента в пользу трансцендентальной идеальности пространства и времени. Показано, как теория аффицирования используется Кантом при разработке новой теории пространства и для критики моделей пространства у Ньютона и Лейбница-Вольфа. Сделан акцент на негативности аффицирования и его косвенном подтверждении существования внешнего мира. Продемонстрировано, как теория аффицирования проявляется в контексте учения о времени как форме внутреннего чувства на примере самоаффицирования. Утверждается, что, позволяя Канту справиться с некоторыми ключевыми метафизическими вопросами, теория аффицирования в свою очередь порождает новые затруднения. В частности, самоаффицирование заново ставит проблему существования внешнего мира, а также проблему тождества субъекта и структуры сознания. Эти затруднения, а также их возможные решения обсуждаются в контексте современных дискуссий вокруг данной проблематики.

Ключевые слова: аффицирование, пространство, время, внешнее чувство, внутреннее чувство, трансцендентальная идеальность, самоаффицирование, душа (Gemüt)

Благодарности/Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10071 «Пространство и время в британской, немецкой и русской философии XVII–XIX веков», <https://rscf.ru/project/24-78-10071/>

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE CONCEPT OF AFFECTION IN THE CONTEXT OF KANT'S DOCTRINE OF SPACE AND TIME

N.Yu. Chepeleva

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Teaching and Scientific Building "Shuvalovskiy", 119991, Russia

Abstract. The article deals with the clarification of the peculiarities of the a priori forms of sensuality's affection of things in themselves in Kant's philosophy, which are important for understanding his argument in favor of the transcendental ideality of space and time. The paper shows how the theory of affection is used by Kant to develop a new theory of space and to criticize Newton's and Leibniz-Wolf's models of space. The article emphasizes the negativity of affection and its indirect confirmation of the existence of the external world. The paper demonstrates how the theory of affection manifests itself in the context of the doctrine of time as a form of inner sense through the example of self-affrication. We argue that while allowing Kant to deal with some key metaphysical issues, the theory of affection in turn raises new quandaries. In particular, self-affection raises anew the problem of the existence of the external world, as well as the problem of the identity of the subject and the structure of consciousness. These difficulties, as well as their possible solutions, are discussed in the context of contemporary debates around this issue.

Keywords: affection, space, time, external sense, inner sense, transcendental ideality, self-affection, soul (Gemüt)

Acknowledgements/Funding Support

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 24-78-10071 «Space and Time in British, German, and Russian Philosophy of the 17th–19th Centuries».

Введение

Кантовский лексикон, интерактивный словарь важнейших понятий и терминов философии Канта, определяет понятие «аффицирование» через отношение вещи самой по себе к воспринимающему субъекту [1]. Вместе с тем надо отметить, что в оригинальной «Критике чистого разума» нет субстантивированного понятия «аффицирование» — используется глагол “affizieren”, либо существительное “Affektion”. Эти слова происходят от латинского “affectio”, “afficiere” — «воздействовать», «воздействие». «Исторический сло-

варь немецкого языка» сообщает, что эти понятия были введены в эпоху схоластики и позже использовались Декартом для описания воздействия объекта на чувства в «Страстях души», но свое концептуальное значение понятия обрели именно в философии Канта [2, 594–598]. К сожалению, в русскоязычных переводах «Критики чистого разума» понятие аффицирования зачастую скрывается за выражением «воздействует», поэтому в статье приводятся цитаты с уточнением немецкого варианта. Помимо этого, сопоставление с немецким первоисточником было необходимо при работе с ключевым для аффицирования понятием души “Gemüt”, поскольку в русскоязычных вариантах разные понятия “Seele” и “Gemüt” переводятся одинаково как «душа».

Понятие аффицирования негативно: оно выражает идею, согласно которой пассивно воспринимающий субъект не продуцирует свои ощущения (Empfindungen) самостоятельно. Такой ход позволяет Канту успешно справиться с многообразными опасностями идеализма, однако иногда эта негативность сама порождает проблемы. Например, при самоаффицировании: в некоторых случаях сам субъект является источником своих ощущений, поэтому он сам для себя оказывается лишь явлением, что станет важной деталью для учения Канта о сознании.

Пространство и время, будучи априорными формами чувственности, напрямую связаны с теорией аффицирования. Согласно моей гипотезе, именно аффицирование позволяет Канту разобраться с проблемами, возникающими в связи с развитием его философской системы: сначала при разработке новой теории пространства и связанной с ним критики теории Лейбница-Вольфа, а затем в связи с трансформацией учения о душе. Концептуальная реконструкция будет сопровождаться анализом актуального состояния кантоведческих дискуссий вокруг аргумента Канта в пользу трансцендентальной идеальности пространства и времени.

Понятие аффицирования

Аффицирование является одним из ключевых концептов кантовской трансцендентальной эстетики, поскольку связано с воздействием на нашу чувственность. В «Критике чистого разума» понятие аффицирования впервые появляется в первом же параграфе «Трансцендентальной эстетики»: «Созерцание имеет место, только если нам дается предмет; а это в свою очередь возможно, по крайней мере для нас, людей, лишь благодаря тому, что предмет некоторым образом **аффицирует нашу душу (das Gemüt auf gewisse Weise affiziere)**. Эта способность (восприимчивость) получать представления тем спосо-

бом, каким **предметы воздействуют на нас (wir von Gegenständen affiziert werden)**, называется чувственностью». [3, 89; В 34 (А 19)]

Сравнивая русскоязычный текст с немецкоязычным оригиналом, мы видим, что один и тот же глагол “affizieren” переводится в первом случае глаголом «аффицировать», а во втором случае — глаголом «воздействовать». Этот нюанс может оказаться важным, поскольку закрывает от русскоязычного читателя концептуальное словоупотребление: созерцание имеет место благодаря тому, что душа аффицируется предметом, и способность получать представления посредством этого аффицирования называется чувственностью.

Что интересно, в старом переводе этого фрагмента из восьмитомника под общей редакцией А.В. Гулыги (и «частной» редакцией И.С. Андреевой) глагол «аффицировать» не используется вовсе — в обоих случаях ставится глагол «воздействовать» [4, 62]. В сноске к этому фрагменту издатели уточняют, что оставляют в данном случае вариант «воздействовать», поскольку Н.О. Лосский, автор перевода, пользуется именно этим вариантом при переводе глагола “affizieren” [3, 693]. Для новой редакции перевода «Критики чистого разума» Б. Тушлинга и Н.В. Мотрошиловой, которая вышла в 2006 г., было принято решение отказаться от варианта Лосского «воздействовать» (или «действовать») и использовать латинизированную кальку «аффицировать» [5, 733–735]. Хотя, вопреки данному решению, переводчики и в этот раз не всегда использовали глагол «аффицировать», что мы заметили выше на примере фрагмента А 19/В 34 и заметим далее.

Согласно В.И. Молчанову, именно Лосский вводит в русский язык существительное «аффицирование» — для перевода кантовского понятия “Affektion” [6, 123]. В немецкоязычных и англоязычных текстах понятие “Affektion” традиционно используется для обозначения процесса аффицирования, например уже упомянутая статья об аффицировании из Кантовского лексикона называется именно “Affektion”, в то время как на русском языке понятие «аффектация» (или «аффекция») встречается значительно реже. Эта ситуация имеет место, поскольку в текстах самого Канта глагол “affizieren” в субстантивированном виде (например, как “Affizieren” или “Affizierung”) практически не употребляется, вместо него используется существительное “Affektion” (хотя А.Н. Круглову и удалось обнаружить субстантивированный вариант “Affizieren” в поздних лекциях Канта [7, 154]).

Учитывая эти особенности, я буду использовать традиционное для современного русскоязычного контекста понятие «аффицирование», когда речь идет и об “Affektion”, и об “affizieren”.

Итак, Кант вводит понятие «аффицирование» в контексте обсуждения «созерцания» (*Anschauung*) и «чувственности» (*Sinnlichkeit*). С аффицированием напрямую связано и следующее важнейшее понятие трансцендентальной эстетики — «ощущение» (*Empfindung*): «Действие предмета на способность представления, поскольку мы аффицированы предметом, есть ощущение». [3, В 35 (А 20)].

С этим действием связана знаменитая критика первого издания «Критики» Канта у Ф. Якоби: без предположения об аффицирующем нас предмете в кантовскую систему невозможно войти, а с ним в ней невозможно остаться [8, 223]. Если категории применяются только к явлениям, а не к вещам самим по себе, то как можно утверждать, что вещи «воздействуют»? Однако аффицирование не следует отождествлять с каузальностью: Кантовский лексикон поясняет, что вещь сама по себе мыслится как основа (*Grund*) наших ощущений, но без категории причинности [1]. Кроме того, понятие аффицирования негативно, поскольку ничего не сообщает о воздействующем на нас предмете.

Убежденность в том, что мы аффицированы именно вещью самой по себе, давно стала общим местом в кантоведческих исследованиях, в то время как сам Кант в «Критике чистого разума» обычно пишет, что мы аффицируемся предметами (*Gegenstände*) или объектами (*Objekten*). Это даже позволяло некоторым исследователям предполагать, что Кант ни в одной печатной работе прямо не утверждает аффицирование человеческих чувств вещью самой по себе [9]. Однако такие примеры есть. О том, что речь идет все же о вещи самой по себе, нам говорят фрагмент В 235 из «Трансцендентальной аналитики» и §32 «Пролегомен»: «Мы имеем дело только со своими представлениями; каковы **вещи сами по себе (*Dinge an sich selbst*)** (безотносительно к представлениям, через которые **они воздействуют на нас (*sie uns affizieren*)**), это целиком находится за пределами сферы нашего познания» [3, 323; В 235].

«В самом деле, правильно считая предметы чувств лишь явлениями, мы ведь тем самым признаем, что в основе их лежит **вещь сама по себе (*Ding an sich selbst*)**, хотя мы не знаем, какова она сама по себе, а знаем только ее явление, т.е. способ, каким это неизвестное нечто **воздействует на наши чувства (*unsere Sinnen affiziert werden*)**» [10, 74].

Отдельный вопрос: что именно аффицируется предметом/объектом/вещью самой по себе? В.И. Молчанов обращает внимание на трансформацию кантовской позиции: в первом издании «Критики» речь идет о воздействии на душу, а в предисловии ко второму появляется воздействие на наши органы чувств (*Sinne*) [6, 123]. Впро-

чем, чаще всего Кант использует местоимение «мы» (*wir von etwas affiziert werden*). Тем не менее тема аффицирования чувств остается дискуссионной, поскольку с самого первого параграфа как в первом, так и во втором издании Кант неизменно связывает аффицирование с душой. Причем, говоря о нашей «восприимчивости», Кант использует пассивную форму “*affiziert werden*”, поэтому речь идет о пассивной способности души.

Можно заметить, что в фрагменте A 19/B 34 из первого параграфа «Критики», упомянутого в начале статьи, аффицируется не душа как “*Seele*”, а душа как “*Gemüt*”. На русский язык оба этих понятия переводятся одинаково, и тем самым их значения смешиваются, в то время как в философии Канта они имеют важное концептуальное различие.

Определение души “*Gemüt*” представлено у Канта в сноске из заметки «Об органе души» 1796 г.: под душой (*Gemüth*) следует понимать лишь способность суммировать данные представления и создавать единство эмпирической апперцепции (*animus*), а не субстанцию (*anima*) в ее полностью различной от материи природе. [11, 220–221]. “*Gemüt*” оказывается способностью души и выражает ее функциональный, деятельный аспект, в то время как душа “*Seele*” будет связываться с традиционным метафизическим субстанциальным пониманием. В “*Opus Postumum*” (1796–1804) Кант также уточнит, что под “*Gemüt*” он подразумевает *animus* без *anima* [12, 504].

В случае с душой как “*Seele*” позиция Канта от докритических лекций «Метафизика L1» через первое издание «Критики чистого разума» ко второму претерпела значительную трансформацию. Согласно мысли докритического Канта из набросков к лекциям 1778–1780 гг., душа “*Seele*” аффицирует мозг мышлением, а тело, в свою очередь, аффицирует душу посредством телесной конституции [13, 161]. Эти рассуждения Кант предлагает в контексте проблемы взаимодействия души с телом, при этом душа “*Seele*” понимается им как простая субстанция. В первом издании «Критики» Кант также готов отчасти согласиться с положением «душа есть субстанция» [14, 443; A 351], однако во втором издании он резко откажется от этой позиции и предложит новое определение души: «Я, как мыслящее существо, емь предмет внутреннего чувства и называюсь душой (*Seele*)» [3, 511; B 400]. Также душа является одной из трех (душа, мир, Бог) трансцендентальных идей — необходимых понятий разума, которым в опыте не может быть дан соответствующий предмет. Новый тезис Канта во втором издании заключается в том, что как бессмертие души “*Seele*”, так и ее субстанциальность являются теоретически недоказуемыми. Итак, теперь аффицирование работает

с “Gemüt”, а не с “Seele”, и поэтому глагол “affizieren” в исследованиях связывается именно с “Gemüt” как с чувствующей душой [5, 775].

Таким образом, понятие аффицирования у Канта является важнейшим концептом, тесно связанным с ключевыми понятиями души, чувственности, созерцания, ощущения, а также с основными метафизическими проблемами доступа к внешнему миру и философии сознания. Вместе с тем истолкование кантовского аффицирования оказывается затрудненным в связи с самыми разными факторами: от значительной трансформации авторской позиции Канта до проблем с переводом на русский язык. В данной статье понятие аффицирования меня интересует в контексте темы пространства и времени — априорных форм чувственности, представление о которых вне аффицирования, согласно положениям самого Канта, не означает ничего.

Аффицирование и пространство

Аффицирование касается самой дефиниции понятия «пространство» у Канта, предложенной в разделе «Выводы из вышеизложенных понятий» A 26/B 42. В русскоязычном переводе эта связь не очевидна, однако при сопоставлении с немецким оригиналом становится ясно, что пространство a priori дано в душе “Gemüt” в связи со способностью субъекта быть аффицированным предметами: «...b) Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, т.е. субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможны для нас внешние созерцания. Ибо раз восприимчивость субъекта, способность его **подвергаться воздействию предметов (von Gegenständen affiziert zu werden)** необходимо предшествуют всякому созерцанию этих объектов, то отсюда понятно, каким образом форма всех явлений может быть дана **в душе (im Gemüte)** раньше всех действительных восприятий и, следовательно, a priori ...» [3, 99; B 42 (A 26)].

Отдельное внимание необходимо обратить на понятие восприимчивости “Rezeptivität”, с которым Кант связывает аффицирование. Восприимчивость субъекта для Канта — это способность быть аффицированным предметами. И эта способность быть аффицированным необходимо предшествует всякому созерцанию. Представление о пространстве без аффицированного предметами человека не означает ровно ничего [3, 99; B 43 (A 27)].

Во времена Канта конкурировали две влиятельные теории пространства: учение Ньютона об абсолютном пространстве-емстелище и лейбницианско-вольфовская модель, согласно которой пространство является динамической средой, чьи свойства отно-

сительны и зависят от вещей, наполняющих его. До конца 1760-х гг. Кант был горячим противником теории абсолютного пространства Ньютона и симпатизировал релятивистской концепции Лейбница-Вольфа, однако в докритическом тексте «О первом основании различения сторон в пространстве» 1768 г. он сближается с позицией Ньютона и критикует лейбницианство. На трансформацию позиции Канта повлияла тема неконгруэнтных подобий: существование подобных, но неконгруэнтных вещей в пространстве демонстрирует, что чувственные отношения не могут быть полностью описаны рассудком, в то время как в лейбницианстве чувственное трактуется именно как спутанное рассудочное [15, 8–9], [16, 223–224]. В «Прологоменах» Кант повторит это рассуждение: никаким понятием мы не можем объяснить различие подобных и равных, но тем не менее не конгруэнтных вещей, например раковины улитки; это различие касается непосредственно созерцания [10, 42]. Несводимость пространственных отношений к принципам рассудка означала для Канта необходимость отказа от старого понимания пространства и инициировала разработку собственного трансцендентального учения о пространстве.

В современном кантоведении ведется активная дискуссия о кантовском концептуализме и нон-концептуализме. Представители концептуализма (У. Селларс, Дж. Макдауэлл, Х. Гинсборг) утверждают, что созерцание зависит от рассудка так же, как и от чувственности, а представители нон-концептуализма (Г. Эванс, Р. Ханна, Л. Эллайс) считают, что созерцания продуцируются только чувственностью и не зависят от рассудка [17]. В текстах Канта есть множество противоречивых фрагментов, ссылаясь на которые, исследователи убедительно доказывают как то, что он был концептуалистом, так и то, что он концептуалистом не был. Среди наиболее распространенного аргумента нон-концептуалистов — кантовское рассуждение о неконгруэнтных подобиях, касающееся непосредственно созерцания. Этот фрагмент нельзя считать незначительным, поскольку, как уже было показано, благодаря неконгруэнтным подобиям Кант преодолевает лейбницианско-вольфовское учение и начинает разрабатывать собственное понимание пространства. Поскольку пространственное созерцание несводимо к рассудку (тезис нон-концептуалистов), лейбницианское понимание чувственного как спутанно-рассудочного оказывается дискредитированным. Так обсуждаемая нами проблематика встраивается в современное дискуссионное поле, поскольку предлагает богатый материал для разработки нон-концептуалистских подходов. В частности, поэтому в рамках нон-концептуализма возможна разработка кантовских

моделей пространства без времени, которые связывают эпистемологию Канта с новейшими исследованиями сознания животных [18].

Тем не менее в «Критике чистого разума» решающим контраргументом против Лейбница-Вольфа является не проблема неконгруэнтных подобий, иницилирующая построение трансцендентального учения о пространстве, а тот факт, что геометрия как аподиктическая наука невозможна, если пространство динамично и зависит от отношений между вещами [3, 117; В 57 (А 40)]. Таким образом, Кант использовал сильную сторону ньютонианства, вместе с тем избегая его очевидных слабостей, и теория абсолютного пространства стала учением об априорных формах чувственности. В разделе об амфиболии рефлексивных понятий Кант предлагает развернутую критику учения Лейбница, смешивающего чувственность и рассудок, два совершенно разных источника представления: «Лейбниц интеллектуализировал явления, подобно тому как Локк согласно своей системе ноогонии сенсифицировал все рассудочные понятия» [3, 429; В 327].

Отдельного интереса в контексте исследования данной темы заслуживает кантовское использование понятия аффицирования при критике учения о пространстве Лейбница-Вольфа. Об этом он пишет в «Общих примечаниях к трансцендентальной эстетике»: поскольку представление о теле в созерцании выражает лишь явление чего-то и способ, каким это нечто нас аффицирует, мы не можем познавать чувственностью вещи сами по себе. А при устранении наших субъективных свойств окажется, что представляемый объект с качествами, приписываемыми ему чувственным созерцанием, просто нигде не встречается. Вот почему учение Лейбница-Вольфа, признающее различие между чувственностью и интеллектом только логическим различием, ошибочно [3, 123; В 62 (А 44)].

О вещах мы знаем лишь то, какими они нам являются, и то, что мы ими аффицируемся — этот второй пункт часто опускается в изложениях теории Канта, однако без него кантовское учение о пространстве оказывается лишь новой версией классического идеализма. Теория аффицирования Канта становится важным аргументом в пользу существования внешних нам вещей, и таким образом аффицирование является косвенным свидетельством существования внешнего мира, темой которого Кант особенно внимательно будет заниматься в «Опровержении идеализма». Будучи пассивной способностью души, аффицирование, хотя и не является свойством вещи самой по себе, негативным образом свидетельствует о ее реальном существовании — через ее воздействие на нас. В частности, это позволяет Канту утверждать не только трансцендентальную идеальность пространства, но и его эмпирическую реальность.

Аффицирование и время

Раздел «Трансцендентальной эстетики» о времени во втором издании «Критики чистого разума» структурно и отчасти содержательно дублирует раздел о пространстве. Как и в случае с пространством, представление о времени вне аффицированного предметами субъекта не означает ничего [3, 111; В 52 (А 35)]. В этом и состоит трансцендентальная идеальность времени: если отвлечься от субъективных условий чувственного наглядного созерцания, оно ничего не означает. Вместе с тем его эмпирическая реальность будет состоять в объективной значимости времени для всех предметов нашей чувственности [3, 111–113; В 52–53 (А 35–36)].

Когда Кант в том же разделе с выводами предлагает дефиницию времени, он дает свое знаменитое разделение, где пространство оказывается формой внешнего созерцания, а время — и внешнего, и внутреннего. И там внезапно появляется понятие “Seele”: «...с) Так как все представления, все равно, имеют ли они своим предметом внешние вещи или нет, принадлежат сами по себе как определения **нашей души (des Gemüts)** к внутреннему состоянию, которое подчинено формальному условию внутреннего созерцания, а именно времени, то время есть априорное условие всех явлений вообще: оно есть непосредственное условие внутренних явлений (**нашей души (unsere Seelen)**) и тем самым косвенно также условие внешних явлений» [3, 108–111; В 51 (А 34)].

На русском языке этой разницы в понятиях нет, в обоих случаях указывается «душа», однако в случае с текстом Канта разница оказывается принципиальной. Поскольку все представления принадлежат внутреннему состоянию нашей души “Gemüt”, то именно время, будучи априорной формой чувственности, которая касается не только внешнего, но и внутреннего, будет обуславливать появление нашей души как “Seele”.

Рассуждение Канта о пространстве показало, что аффицирование — это воздействие на нас как на «Gemüt», оказываемое предметами, это пассивная эмпирическая способность души. Но, описывая время, Кант внезапно начинает говорить о том, что наша душа “Gemüt” аффицирует сама себя своей собственной деятельностью [3, 129; В 68]. Принцип самоаффицирования объясняется Кантом через трансцендентальный синтез способности воображения в рассудке: рассудок не находит во внутреннем чувстве связь многообразного, а создает ее благодаря аффицированию внутреннего чувства [3, 231; В 155]. Поскольку душа созерцает себя сообразно тому, как она аффицирована изнутри, она созерцает себя не такой, какая она есть, а так, какой она себе является [3, 131; В 69]. Неудивительно, что это

рассуждение появляется только во втором издании «Критики», поскольку в первом издании Кант еще допускал мысль о том, что душа может быть воспринимаема непосредственно [14, 461; A 367] и даже может быть субстанцией [14, 443; A 351].

Самоаффицирование позволяет показать, что душа тоже знает себя не непосредственно, а лишь как явление. Здесь ярко проявляется проблема, которую можно назвать «парадоксом сознания» у Канта. Суть парадокса в следующем: если мы созерцаем самих себя лишь так, как мы внутренне аффицированы, то мы должны сами к себе относиться пассивно [3, 227; B 153]. Парадоксальным образом Я как мыслящий субъект воспринимаю себя как мыслимый объект [3, 231; B 155]. Еще сильнее проблема обостряется, когда Кант сталкивается с проблемой тождества сознания в разделе о паралогизмах чистого разума: поскольку душа есть предмет только внутреннего чувства, ее постоянство остается недоказуемым [3, 529; B 415]. Субъект оказывается расщепленным, и более того, в текстах Канта даже можно встретить некоторые намеки на сложную структуру сознания, когда он говорит о ясных и темных представлениях. Впрочем, наше Я, как будет утверждать Кант, двойственно только по форме, но не по содержанию [3, 527; B 413].

В разделе о пространстве было показано, что введение аффицирования позволяет нам доказать, что объекты внешнего чувства являются свидетельством существования внешних нам вещей. Однако введение самоаффицирования снова актуализирует проблему внешнего мира, ведь все наши восприятия могут оказаться лишь результатом неосознаваемого воздействия субъекта на себя. Чтобы доказательство внешнего мира из «Опровержения идеализма» было полностью верным, необходимо было исключить возможность самоаффицирования. Эта проблема не будет решена во втором издании «Критики». В.В. Васильев нашел решение этой загадки в более поздних заметках Канта конца 1780-х – начала 1790-х гг. [20]. В них Кант указывает, что если мы признаем, что наше представление о внешнем мире — результат действия самоаффицирования, то в нашем сознании возникла бы только форма внутреннего чувства и мы не могли бы представить себе никакого внешнего нам пространства. Иными словами, в таком случае пространство стало бы формой внутреннего чувства, то есть временем. Из этого следует, что изначальные представления протяженных объектов в нашей душе аффицируются внешними объектами — это становится решающим аргументом Канта в его затянувшемся споре с идеализмом. Это рассуждение заслуживает интереса еще и в контексте новейших кантианских исследований, в которых рассматривается возможность построения моделей пространства без времени или времени без пространства [18].

Наиболее вероятной причиной, объясняющей, почему Кант все-таки допускает все многообразные проблемы, порождаемые самоаффицированием, является новое учение о душе, защищаемое им во втором издании «Критики». Трансформация его позиции позволила преодолеть проблемы рациональной психологии, обсуждаемые им в разделе о паралогизмах, однако поставила перед ним новые вызовы. Реконструкции кантовских решений новых парадоксов был посвящен анализ Р. Энскаата, опубликованный в журнале «Кантовский сборник» 2020 г. Во-первых, он предлагает обратиться к «Антропологии», в которой Кант показывает, что Я человека двойственно по форме (по способу представления), но не по материи (по содержанию), и, во-вторых, ссылается на кантовское рассуждение 1790-х гг., согласно которому логический акт «Я мыслю» — это логический акт по форме без содержания [21, 12–13]. Таким образом, каждый акт мыслящего процесса суждения оказывается актом спонтанного основания логической формы соответствующего акта суждения. Способность души Gemüt к самоаффицированию, мыслимая таким образом, не работает в области обоснования синтетических суждений a priori. Однако, и это уже было показано М. Бондели, благодаря самоаффицированию, проявляющемуся при переходе от пространства ко времени, мы можем извлекать формы нашего познания и тем самым прояснять, уточнять и развивать их [22, 1122–1123]. Г. Иррлитц объясняет, что Кант вводит самоаффицирование, чтобы, во-первых, отделить логический синтез Я-апперцепции от внутреннего чувства и, во-вторых, чтобы показать, что субъект саморефлексивных высказываний остается явлением [19, 219]. Наконец, еще один аргумент добавляет Л. Си: концептуализация, совершающаяся в чистом самоаффицировании, играет решающую роль в генезисе единства созерцания [23, 38].

В заметке «О внутреннем чувстве», написанной ориентировочно в период подготовки второго издания «Критики», Кант подчеркивает зависимость внутреннего чувства от внешнего, указывая, что мы можем представить себе время, только аффицируя себя описанием пространства [24, 655–658]. Поэтому самоаффицирование возможно только благодаря тому, что мы аффицируемся внешними вещами. В итоге можно сказать, что Кант выделяет два вида аффицирования: один связан с воздействием предметов, а второй — с воздействием нас на себя самих. В.В. Васильев в своей статье для «Нового философского словаря» тоже говорит о двух видах аффицирования, но выделяет их по другому основанию: к первому он относит воздействие вещей самих по себе на априорные формы чувственности (включая самоаффицирование), в результате которого появляется

феноменальный мир модификаций первичных качеств, а ко второму относит воздействие пространственных объектов на органы чувств, результатом которого становится мир вторичных качеств, или «явления явлений» [25, 207]. Еще один штрих к классификации можно почерпнуть у Си, который отдельно выделяет чистое и эмпирическое самоаффицирование [23, 29]. Так или иначе, можно согласиться в том, что выделение форм внешнего и внутреннего чувства напрямую связано со сложной структурой аффицирования и прояснение его особенностей играет ключевую роль для понимания кантовского аргумента в пользу эмпирической реальности и трансцендентальной идеальности как пространства, так и времени.

Заключение

Понятие аффицирования раскрывается через пассивную способность нашей души “*Gemüt*” подвергаться воздействию со стороны внешних предметов и от самой себя. Аффицирование становится своего рода мостом между нашей восприимчивостью и внешним миром. Вопреки критике Ф. Якоби, оно не имеет каузальной природы и свидетельствует о существовании вещей самих по себе негативным образом.

Аффицирование используется Кантом для решения важных метафизических проблем, таких как существование внешнего мира и уже упомянутая проблема субстанциальности души, однако, решая старые проблемы, теория аффицирования в свою очередь порождает новые, с которыми имеют дело как сам Кант, так и современные продолжатели его дела. Например, во второй части статьи было показано, как в связи с разработкой новой теории пространства аффицирование позволило Канту предложить решение проблемы внешнего мира, а в третьей части статьи было описано, как возникшее вместе с аффицированием самоаффицирование заново поставило проблему внешней реальности уже в контексте разговора о времени. Нетривиальные мыслительные ходы, предложенные Кантом и его исследователями для выхода из такого рода затруднений, позволяют говорить о непреходящей актуальности данной проблематики и встраивать проблему аффицирования пространства и времени в самые разнообразные интеллектуальные контексты современности от эпистемологии науки до философии сознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Eisler R.* (ed.) *Affektion // Kant-Lexikon Nachschlagewerk Zu Kants Sämtlichen Schriften, Briefen Und Handschriftlichem Nachlass.* Berlin: Georg Olms Publishers, 1930. URL: <https://www.textlog.de/eisler/kant-lexikon/affektion>

2. *Herring H.* Affektion, affizieren // *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Basel: Schwabe Verlag, 2007. URL: <https://clck.ru/3PkQzL>
3. *Кант И.* Критика чистого разума (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: В 4 т. / Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг (ред.). М.: Наука, 2006. Т. 2 (1). 1081 с.
4. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Издательство «ЧОРО», 1994. Т. 3. 741 с.
5. *Мотрошилова Н.В.* Комментарии к новой редакции перевода «Критики чистого разума» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: В 4 т. / Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг (ред.). Т. 2 (2). М.: Наука, 2006. С. 692–777.
6. *Молчанов В.И.* Безотносительное и независимое: О различии терминов и слов в «Критике чистого разума» Канта // *Историко-философский ежегодник*. 2017. № 2017. С. 103–133.
7. *Круглов А.Н.* О некоторых источниках и проблемах перевода кантовского термина “Ding an sich” // *Историко-философский ежегодник* 2018. Т. 33. С. 137–164.
8. *Jacobi F.H.* David Hume über den Glauben oder Idealismus und Realismus. Breslau, 1787. 230 s.
9. *Круглов А.Н.* Афффицирование / Гуманитарный портал: концепты. Центр гуманитарных технологий, 2002–2025 (последняя редакция: 06.03.2025). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7329>
10. *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Издательство «ЧОРО», 1994. Т. 4. 630 с.
11. *Кант И.* Об органе души // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Издательство «ЧОРО», 1994. Т. 8. С. 217–229.
12. *Кант И.* Opus postumum // Кант И. Из рукописного наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 321–588.
13. *Кант И.* Из лекций по метафизике // Кант И. Из рукописного наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 134–218.
14. *Кант И.* Критика чистого разума (А) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: В 4 т. / Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг (ред.). М.: Наука, 2006. Т. 2 (2). 936 с.
15. *Васильев В.В.* Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М.: Наследие, 1998. 160 с.
16. *Жучков В.А.* Из истории немецкой философии XVIII в.: Предклассический период: От вольфовской школы до раннего Канта. М.: ИФ РАН, 1996. 260 с.
17. *McLear C.* Kantian conceptualism/nonconceptualism // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Spring. 2025. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/kant-conceptualism/>
18. *Чепелева Н.Ю.* Проблема мышления животных: взгляд Иммануила Канта // *Философские науки*. 2025. Т. 68, № 2. С. 67–87.
19. *Irrlitz G.* Kant Handbuch. Leben und Werk. 3. Auflage. Berlin: Verlag J.B. Metzler, 2015. 554 s.
20. *Vasilyev V.V.* Kant and Idealismus: Realität und Illusionen // 10. Internationale Kant Konferenz. Klassische Vernunft und die Herausforderungen der modernen Zivilisation: Materialien der internationalen Konferenz: In 2 Bd / Hrsg. W.N. Brjuschkina. Kaliningrad: Verlag der Immanuel Kant Universität Kaliningrad, 2010. Bd 1. S. 134–141.
21. *Энскат Р.* Кант о бытии и времени, а также о мышлении и бытии: Самопознание посредством самоафффицирования // *Кантовский сборник*. 2020. Т. 39, № 3. С. 7–23.

22. *Bondeli M.* Kant über das sich selbst affizierende Subjekt. Zur Funktion der Selbstaffektion in Kants Kritik der reinen Vernunft // *The Court of Reason. Proceedings of the 13th International Kant Congress*. Ed. by B. Himmelman and C. Serck-Hanssen. Berlin; Boston: Verlag de Gruyter, 2021. S. 1115–1125.

23. *Су Л.* Кант о внутреннем чувстве, созерцании времени и самоаффицировании // *Кантовский сборник*. 2021. № 2. С. 27–66.

24. *Кант И.* О внутреннем чувстве // *Кант И. Собрание сочинений*: В 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Издательство «ЧОРО», 1994. Т. 8. С. 655–658.

25. *Васильев В.В.* Афффицирование // *Новая философская энциклопедия*: В 4 т. 2-е изд. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 207.

REFERENCES

1. Eisler R. (ed.) Affektio. *In: Kant-Lexikon Nachschlagewerk Zu Kants Sämtlichen Schriften, Briefen Und Handschriftlichem Nachlass*. Berlin: Georg Olms Publishers, 1930. URL: <https://www.textlog.de/eisler/kant-lexikon/affektion>

2. Herring H. Affektion, affizieren. *In: Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Basel: Schwabe Verlag, 2007. <https://clck.ru/3PkQzL>

3. Kant I. Kritik der reinen Vernunft (B). *In: Kant I. Werke*. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. N. Motroschilova, B. Tuschling (Hrsg.). Moskau: Nauka, 2006. Bd 2 (1). 1081 s.

4. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. *In: Kant I. Sobranie sochineniy*: In 8 vol. Moscow: Izdatelstvo “ChORO”. Vol. 3. 741 p. (In Russ.)

5. Motroschilova N.W. Kommentare zur neugefaßten Übersetzung der “Kritik der reinen Vernunft”. *In: Kant I. Werke*. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. N. Motroschilova, B. Tuschling (Hrsg.). Moskau: Nauka, 2006. Bd 2 (1). S. 692–777.

6. Molchanov I. On the difference between terms and words in Kant’s “Critique of pure reason”. *In: Istoriko-filosofskii ezhegodnik [History of philosophy yearbook]*. 2017. N 2017. P. 103–133. (In Russ.)

7. Krouglov A.N. On some sources and problems of Kant’s “Ding an sich” translation. *In: Istoriko-filosofskii ezhegodnik [History of Philosophy Yearbook]*. 2018. Vol. 33. P. 137–164. (In Russ.)

8. Jacobi F.H. David Hume über den Glauben oder Idealismus und Realismus. Breslau, 1787. 230 s.

9. Krouglov A.N. Afficirovanie. Gumanitarnyj portal: koncepty.Centr humanitarnyh tekhnologij, 2002–2025. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/732>. (In Russ.)

10. Kant I. Prolegomeny ko vsyakoi budushchei metafizike, kotoraya mozhet poayvitsya kak nauka [Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik die als wissenschaft wird auftreten können]. *In: Kant I. Sochineniya*: In 8 vols. Ed. by A.V. Gulyga. Moscow: Izdatelstvo “ChORO”, 1994. Vol. 4. 630 p. (In Russ.)

11. Kant I. Ob organe dushi [Über das Organ der Seele]. *In: Kant I. Sochineniya*: In 8 vols. Ed. by A.V. Gulyga. Moscow: Izdatelstvo “ChORO”, 1994. Vol. 8. P. 217–229. (In Russ.)

12. Kant I. Opus postumum. *In: Kant I. Iz rukopisnogo naslediya*. Moscow: Progress-Tradiciya, 2000. P. 321–588. (In Russ.)

13. Kant I. Iz lekcij po metafizike [Vorlesungen über Metaphysik]. *In: Kant I. Iz rukopisnogo naslediya*. Moscow: Progress-Tradiciya, 2000. P. 134–218. (In Russ.)

14. Kant I. Kritik der reinen Vernunft *In: Kant I. Werke*. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. N. Motroschilova, B. Tuschling (Hrsg.). Moskau: Nauka, 2006. Moskau: Nauka, 2006. Bd 2 (1). 946 s.

15. Vasilyev V.V. Podvaly kantovskoi metafiziki (deduktsiia kategorii) [Basements of Kant's Metaphysics: Deduction of the Categories]. Moscow: Nasledie. 1998. 160 p. (In Russ.)
16. Zhuchkov V.A. Iz istorii nemetskoii filosofii XVIII v.: Predklassicheskii period: Ot vol'fovskoi shkoly do rannego Kanta [From the History of German Philosophy in the 18th Century: Pre-classical Period: From Wolffian School to Early Kant]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 1996. 260 p. (In Russ.)
17. McLear C. Kantian conceptualism/nonconceptualism. In : Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Spring. 2025. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/kant-conceptualism/>
18. Chepeleva N.Yu. Problema myshleniya zhivotnyh: vzglyad Immanuila Kanta [Issue of animal thinking: Immanuel Kant's perspective]. *Filosofskie nauki*. 2025. Vol. 68, N 2. P. 67–87. (In Russ.)
19. Irrlitz G. Kant Handbuch. Leben und Werk. 3. Auflage. Berlin: Verlag J.B. Metzler, 2015. 554 s.
20. Vasilyev V.V. Kant und Idealismus: Realität und Illusionen. In: 10. Internationale Kant Konferenz. Klassische Vernunft und die Herausforderungen der modernen Zivilisation: Materialien der internationalen Konferenz: In 2 Bd. Hrsg. W.N. Brjuschinkin. Kaliningrad: Verlag der Immanuel Kant Universität Kaliningrad, 2010. Bd 1. S. 134–141.
21. Enskat R. Kant über Sein und Zeit und Denken und Sein: Selbsterkenntnis durch Selbstaffektion. *Kantian Journal*. 2020. Vol. 39 (3). P. 7–23.
22. Bondeli M. Kant über das sich selbst affizierende Subjekt. Zur Funktion der Selbstaffektion in Kants Kritik der reinen Vernunft. In: The Court of Reason. Proceedings of the 13th International Kant Congress. Ed. by B. Himmelmann and C. Serck-Hanssen. Berlin; Boston: Verlag de Gruyter, 2021. S. 1115–1125.
23. Luo Xi. Kant über inneren Sinn, Zeitanschauung und Selbstaffektion. *Kantian Journal*. 2021. Vol. 40 (2). P. 27–66. (In Russ.)
24. Kant I. O vnutrennem chuvstve [Über inneren Sinn] In: Kant I. Sochineniya: In 8 vols. Ed. by A.V. Gulyga. Moscow: Izdatelstvo "ChORO, 1994. Vol. 8. P. 655–658. (In Russ.)
25. Vasilyev V.V. Afficirovanie. In: Novaya filosofskaya enciklopediya: In 4 vols. [New philosophical encyclopedia]. 2-e izd. Moscow: Mysl', 2010. Vol. 1. P. 207. (In Russ.)

Информация об авторе: *Чепелева Наталья Юрьевна* — кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (495) 939-23-15; chepeleva.philos@gmail.com

Information about the author: *Natalia Yu. Chepeleva* — Cand. Sci. (Philosophy), Junior Researcher, Department of History of World Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 939-23-15; chepeleva.philos@gmail.com

Поступила в редакцию 12.03.2025;
принята к публикации 02.06.25

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-5-35-52

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ СИМУЛЯЦИЙ И ЦИФРОВАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ

М.Ю. Волошин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», г. Москва, Россия

Аннотация: Производство визуальных репрезентаций научных объектов с помощью компьютеров и актуальная практика взаимодействия с ними предполагают неявную трансформацию методологических регулятивов научного познания. В статье раскрываются три аспекта этой трансформации: 1) использование компьютера как вспомогательного средства субъективной способности воображения, позволяющего получать новые научные образы с неясным статусом; 2) понимание данных по аналогии с природой, подлежащей экспериментальному анализу; 3) квазителесный характер манипулирования виртуальными объектами. Автоматизация значительной части процесса производства знания, передача многих его существенных этапов компьютерам могут вызывать недоверие. Мы полагаем, что перечисленные особенности компьютерных визуальных репрезентаций по-своему обеспечивают объективность результатов.

Ключевые слова: компьютерная симуляция, вычислительный эксперимент, визуализация, объективность, моделирование

Благодарности/финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00804, <https://rscf.ru/project/23-28-00804/>

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Original article

VISUALIZATION OF COMPUTER SIMULATIONS AND DIGITAL OBJECTIVITY

M. Yu. Voloshin

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Teaching and Scientific Building “Shuvalovsky”, 119991, Russia

Abstract: The production of visual representations of scientific objects using computers and the current practice of interacting with them involve an implicit transformation of the methodological regulations of scientific knowledge. The article reveals three aspects of this transformation: 1) the use of a computer as an auxiliary means of the subjective ability of imagination, which allows obtaining new scientific images with an unclear status; 2) understanding data by analogy with nature, subject to experimental analysis; 3) the quasi-embodied manner of manipulating virtual objects. Automation of a significant part of the knowledge production process, the transfer of many of its essential stages to computers can raise distrust. We believe that the listed features of computer visual representations provide the objectivity of the results in their own way.

Keywords: computer simulation, computational experiment, visualization, objectivity, modeling

Acknowledgments/Financial Support

The study was supported by grant N 23-28-00804 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/23-28-00804/>

1. Введение

С середины 2000-х гг. идет философская полемика вокруг сравнительно новой для эпистемологии темы — компьютерных симуляций. Возникновение того, что называется «вычислительными экспериментами», принято относить к середине 1940-х гг. [1; 2], но их превращение в часть повседневной практики ученого датируется не ранее чем 1990-ми гг., так как к этому моменту получают массовое распространение персональные компьютеры — компактные, с достаточно высокой производительностью и «дружественным» интерфейсом. То, что ученые делают на компьютерах, в чем-то напоминало экспериментальные практики (распространенное выражение «эксперимент *in silico*», по аналогии с *in vivo* и *in vitro*),

в чем-то — традиционные теоретические расчеты (в конце концов, компьютер используется как вычислительное устройство для теоретических предсказаний), но в то же время не совпадало ни с тем, ни с другим, что заставило Питера Галисона уже в 1996 г. объявить их «ничейной землей, одновременно везде и нигде на методологической карте» [2, 120].

Неясность статуса компьютерных симуляций порождает законный интерес философов к этой области и стимулирует попытки пересмотра общепринятых представлений о структуре научного знания. Некоторые философы полагают, что «философские проблемы, поднятые симуляциями, имеют аналоги в контекстах моделирования, экспериментирования, мысленных экспериментов, и потому не являются совершенно новыми» [3, 611], так как практически вся научная работа ученого на компьютере может быть интерпретирована как работа с моделями (объектов, явлений, данных, теорий) и вычислительный эксперимент, соответственно, является подвидом моделирования (эксперимент с моделями, модельный эксперимент, компьютерное моделирование), другие — настаивают на необходимости «новой эпистемологии» [4]. Обсуждается несколько вариантов того, что могло бы выступать такими основаниями, причем обычно они действуют в комплексе и гарантией «особенного» статуса симуляций служит синергия сразу нескольких признаков. Среди наиболее часто обсуждаемых и повторяющихся у разных исследователей тем — эпистемическая непрозрачность (невозможность для человека проследить в деталях производство компьютером выводов из входных данных к результатам), дискретизация (неизбежное дробление любого симулируемого процесса на единичные шаги) и визуализация (принципиально новые возможности компьютера в репрезентации входных данных, процесса экспериментирования и результатов работы) [5]. В этой статье мы сосредоточимся на последней из перечисленных особенностей — визуализации.

2. Визуализация как объективное и интерсубъективное

Наиболее известный анализ представлений о том, как добиться объективной репрезентации научного объекта, был предложен в монографии Л. Дастон и П. Галисона «Объективность», где авторы выделяют и анализируют ряд «эпистемических добродетелей», ориентировавших научную практику репрезентации объектов в XVIII–XXI вв. Общим побудительным мотивом для этих разных ориентиров был страх перед субъективностью: «Всякая эпистемология рождается из страха — страха того, что мир слишком сложен, чтобы разум смог постичь его; страха, что восприятие слишком немощно,

а интеллект слишком хрупок; страха, что память притупляется даже между двумя последовательными шагами математического доказательства; страха, что власть и конвенция ослепляют; страха, что у Бога могут быть тайны, а демоны одурачивают... Объективность страшится субъективности, лежащей в основе самости» [6, 528–529]. Изобразить нечто объективно — значит самоустраниться из процесса изображения. Это не обязательно обозначает пассивное восприятие: объекты могут «скрывать» свою суть, их нужно «подготовить» (лат. “praeparare”, отсюда «препарировать»), выпытать из них правду, часто — с помощью специальных инструментов. Нужно сделать так, чтобы «сама природа» заговорила о себе самой.

В основе различных способов решения этой проблемы лежит «коллективный эмпиризм» науки. «Каждая наука сталкивается с проблемой отбора и создания “рабочих объектов”, противопоставляемых изобильной и изменчивой множественности естественных объектов... Ни одна наука не может обойтись без этих стандартизированных научных объектов, так как неочищенные естественные объекты слишком индивидуальны, чтобы участвовать в обобщениях и сравнениях» [6, 60]. Необходимость конструирования такого рода объектов прямо связывается авторами с необходимостью трансляции научного знания. Научный субъект — коллективный субъект *par excellence*; отдельный ученый, сколь бы самостоятельным он ни был, вынужден предъявлять свои результаты коллегам и публике в понятном для них виде, иначе производимое знание не станет интересующим.

Научный субъект не является таковым по умолчанию — он должен быть воспитан, «возделан» специальным образом для участия в научных практиках. Так формируется особый тип самости — «научная самость», которая «реализовывалась и усиливалась специальными техниками себя: ведением лабораторных журналов в режиме реального времени; дисциплиной, регулируемой сеткой рисования; искусственным разделением самости на активного экспериментатора и пассивного наблюдателя; интроспективной сортировкой физиологами органов чувств собственных чувственных восприятий на объективные и субъективные; тренировкой свободного внимания» [6, 84].

Мы полагаем, что компьютерная симуляция, являясь научным инструментом, также претендует на своего рода «объективность», и для ее использования также требуется свой тип субъектности, или самости. Такой субъект должен уметь различать в визуальных репрезентациях то, что значимо. Период, который нас интересует, — активное использование вычислительных экспериментов — время

распространенности эпистемической добродетели «тренированного суждения», когда достоверное знание здесь производится не столько (само)устранением субъекта, сколько привлечением субъекта определенного типа, «эксперта», умеющего отсеивать и высвечивать главное содержание опыта без значимого ущерба для информативности.

Наш тезис состоит в том, что использование компьютерных средств визуализации постепенно производит новую версию «тренированного суждения». В 1966 г. Луис Альварес говорил, оправдывая использование «тренированного взгляда» физиков для анализа данных (результатов экспериментов в пузырьковых камерах ЦЕРНа): «Что более важно, чем мое негативное отношение к разнообразным способностям цифровых компьютеров в распознавании паттернов — так это моя твердая позитивная убежденность в том, что люди имеют потрясающие врожденные способности к анализу изображений. Я полагаю, что следует использовать эти способности, так как они лучше, чем все, что можно встроить в компьютер... Определенно, было бы ошибкой попытаться превзойти человека компьютером» [7, 406]. Однако к началу XXI в. многое изменилось: автоматические программы визуализации данных распознают паттерны и требуют минимум специальной тренировки или даже не требуют вообще никакой.

Можно привести в пример пакет программ *Tableau Software*, который фактически автоматизирует процесс «визуальной экзегезы» данных, оставляя пользователю минимум работы. Кнопка «Покажи мне» предлагает посмотреть на участок или фрагмент графика, выбранный компьютером, в котором, предположительно, содержится важная для пользователя информация. При этом «если он показывает не то, что вы хотите увидеть, или вам трудно это понять, просто нажмите кнопку еще раз для выбора другого варианта» [8, 48]. В 2024 г. вместо сложной и продолжительной тренировки, описанной Дастан и Галисоном, *Tableau Software* предлагает пользователю серию бесплатных обучающих видеороликов общей продолжительностью 53 минуты. А для особенно «правильных и быстрых решений» современная версия программы предлагает воспользоваться AI-сервисом *Tableau Pulse* [9]. Пользователю остается только решить, *хочет* ли он воспользоваться этим вариантом компьютерной интерпретации или предпочтет другую; в тренировку не входит объяснение того, на какие принципы и признаки должны опираться его предпочтения. *Tableau Software* позиционирует себя как преимущественно продукт для бизнеса. Однако, например, Корнелльский университет (№ 20 в рейтинге *Times Higher Education* в 2024 г.) имеет лицензию на профессиональную версию *Tableau*, которую в начале 2010-х гг. исполь-

зовал для презентаций информации о развитии университета (для спонсоров), а уже в конце 2010-х гг. — для обработки исследовательских экспериментальных данных.

Кателайн Купманс пишет об акте обнаружения полезной информации в данных как об «искусном откровении» (*artful revelation*): с одной стороны, инсайт приходит неожиданно и как будто бы ниоткуда, с другой — его приходу предшествует долгая работа по овладению навыками «видения» и манипуляций с данными. Но при этом автоматизация визуальной аналитики приводит к «взаимоналожению тренированного видения и прямого зрения: “видения” как труда, того, что должно быть *достигнуто*, и “видения” без труда, как *непосредственного*» [8, 49]. Компьютеры ранее были призваны облегчить человеку работу по вычислению, теперь они облегчают работу по распознаванию образов.

Аналогичный переход можно зафиксировать в молекулярной биологии. Доминирование качественных методов над количественными в биологии до XX в. и одновременно рост количественных методов в «развитых» науках (физике, химии) порождали, в соответствии с кантовским правилом «сколько математики, столько и научности», естественное (для «механической объективности») желание квантифицировать эту дисциплину. Генетика, а затем и молекулярная биология стали образцовыми примерами такой квантификации (а заодно и редукционистской методологической установки). Конец XX в. ознаменовался возвратом к качественным методам исследования, причем не столько во имя борьбы с редукционизмом, сколько из-за невероятного объема накопленных количественных данных, которым трудно придать разумный смысл, просто «подсчитывая» их. «Выработка новых научных идей требует способности создавать внутренние образы... ментальные визуализации» [10, 256]¹. Однако человеческая способность создавать ментальные образы — *во-ображение* — ограничена, особенно если речь идет о длинных колонках цифр. «Визуализации могут служить в качестве строительных лесов, как внешняя поддержка человеческих способностей... Изображения наиболее эффективны там, где есть много информации, но при этом неясно, на какие ее свойства следует обратить внимание» [10, 256].

Визуализация облегчает и упрощает обработку данных человеком — в том числе потому, что математические и текстовые данные

¹ Там же цитируется А. Эйнштейн: «Мои способности состоят не в математических вычислениях, а скорее, в визуализации эффектов, возможностей и последствий».

практически всегда представлены как линейная последовательность, порядок чтения которой определяет интерпретацию, и потому они требуют постепенной пошаговой процедуры, в то время как «свойственная изображениям информация может быть обработана непосредственно» [10, 258]. Так, долгое время не удавалось установить связь между белком *p53*, мутации в гене которого часто сопровождаются раком у человека, и множеством киназ (ферментов, отвечающих за фосфорилирование белков, то есть регулирующих их активность): «Гора литературы о киназах и *p53* росла гораздо быстрее, чем способность научного сообщества переварить ее содержание» [10, 257]. Только метаанализ этой литературы, визуализированный в виде карты, смог выявить интересующие паттерны, а заодно предсказать возможное существование других аналогичных киназ. Другой пример визуализации, остающейся продуктивной даже несмотря на дискредитацию ее теоретической базы, — это концепция «ключ-замок» (взаимодействие фермента и лиганда, основанное на геометрическом совпадении их форм), сформулированная еще в конце XIX в. Хотя с 1960-х гг. от этой концепции активно отказываются в пользу менее механистичных и более экспериментально подтвержденных идей «индуцированного соответствия» и «кооперативной регуляции», на визуальном уровне все еще используется модель «ключ-замок» не в последнюю очередь потому, что она легко и удачно моделируется в 3D [10, 259–260].

3. Данные как новая природа

Достаточно распространенным является словосочетание “data mining” (букв. «добыча данных»): среди «отвалов пустых пород» иногда встречается ценный и полезный материал, и требуется специальная работа по его распознаванию. Для «добычи данных» необходимо «тренированное зрение», однако в ситуации неконтролируемого роста данных оно не справляется и существенную часть этой работы отдают на откуп программам визуализации. Для экспериментального получения знаний природа в лаборатории должна быть «подготовлена» серией специальных процедур, и только после них можно надеяться сделать какой-то полезный вывод. Мы полагаем, что «сырые данные» (raw data) выступают теперь в роли новой «природы»: они тоже должны быть «подготовлены», чтобы человек мог что-то понять.

Тимоти Уэбмур описывает этнометодологическое исследование организации, специально занимающейся «добычей» и визуализацией геолокационных данных по Лондону, — «лаборатории визуализации» [11]. Нам представляется, что слово «лаборатория» здесь

не случайно: формат исследования, состоящий в искусственном выделении и стабилизации значимого паттерна из многообразия природы/данных, здесь тот же, что и в классических «мокрых» лабораториях². Т. Уэбмур, подобно Б. Латуру, фиксирует, как затем происходит переинтерпретация «внешней» природы (то есть данных) из перспективы лабораторно произведенного знания.

Кажется, что «сырые данные» существуют независимо от того, какое программное обеспечение занимается их обработкой («добычей»). Но пока сырых данных нет, навыки и способы их получения обращают на себя особое внимание: например, то, как выгрузить данные в едином формате, чаще всего в CSV, или перевести в CSV результаты веб-скрейпинга.³ Здесь очевиден статус данных как результата определенных манипуляций. «Когда данные уже получены, они отступают на уровень фона, базового слоя, субстрата, над которым нужно работать, используя навыки программирования... Многие воспринимали данные как достаточно «статичные и фиксированные», а поэтому менее проблематичные и менее интересные для работы» [11, 29]. Широкое разнообразие и постоянное развитие средств визуализации в то же время требует стабильности слоя данных.

Код — подвижная надстройка над неподвижными данными, по крайней мере, в самоописаниях дата-аналитиков. Данные кумулятивны, код трансформативен. Но оборотной стороной работы кода, столь же очевидной, сколь и незаметной, оказывается его способность влиять на сами данные, причем не только на формат их представления, но и на то, что вообще можно считать «данными». Так, обрабатывая данные Государственной картографической службы Великобритании, исследователь заметил, что в его визуализации есть дорожное движение на участке карты, где нет никаких дорог. Оказалось, что в этом месте есть эстакада, которая по ошибке картографической службы не была учтена [11, 32]. Похожий пример из области нейронаук: при составлении цифровых атласов изображений мозга компьютер объединяет множество плоских «срезов», сделанных МРТ, в трехмерную модель, но среди этих срезов перио-

² Любопытный факт: по запросу «visualization laboratory» site:*.edu», то есть поиску дословного сочетания «visualization laboratory» на сайтах американских университетов (исследовательских центров по преимуществу), Google в октябре 2024 г. выдает около 9,4 тыс. результатов.

³ Web-scraping — автоматизированный (обычно) процесс сбора в Интернете информации, существующей в читабельном для человека формате (грубо говоря, то, что вы реально видите на сайтах). Многие процедуры веб-скрейпинга, кроме технических трудностей, усложняются тем, что они потенциально нарушают действующее законодательство сразу нескольких стран.

дически попадают калибровочные снимки так называемых «фантомов» (манекенов, имитирующих соответствующие части организма). Компьютер ничего не «замечает» и благополучно подгружает их в построение 3D-модели, но пользователь, который благодаря интерфейсу атласа способен переключаться между отдельными срезами и трехмерным образом, легко фиксирует ошибку в «сырых» данных [12, 136–138]. Если бы данные были стабильной и неизменной основой, было бы разумнее искать ошибку в алгоритме. Выходит, что средства визуализации не только выявляют «внутренние» закономерности в данных, но и позволяют отсеять «несущественные» аномалии, отклонения от этих закономерностей.

Другой аргумент против идеи «стабильные данные — подвижный код»: распространенность и активное использование средств визуализации, неизбежно имеющих ограниченный перечень «читаемых» форматов данных, ведет к стандартизации самих данных. Для возможности визуального анализа требуется как минимум унификация средств хранения (общие стандарты для баз данных). У стандартного CSV есть известная проблема: невозможно отличить запятые как разделители от запятых в самих данных, из-за чего приходится либо использовать другие разделители (*DSV*, *TSV*), то есть усложнять представление о «данных», либо не воспринимать как «данные» то, что такие разделители содержит. Актуальная рекомендация от 2005 г., RFC 4180, предлагающая стандартную версию CSV, мотивирует пользователей в ситуации отсутствия единой спецификации «быть консервативными в отношении ваших действий [с данными] и либеральными в отношении того, что получено от других» [13]. «Консервация» собственных способов работы с данными в совокупности с ростом популярности и эффективности используемых средств визуализации ведет к тому, что как поставщики данных, так и конечные пользователи визуальных продуктов подстраивают под него собственные средства работы.

Таким образом, код, ставший успешным, начинает определять, какими должны быть данные, чтобы он с ними успешно работал, и данные таковыми становятся.

4. Визуализация, манипулируемость и экспериментальность

Мы можем продолжить параллель между лабораторными и вычислительными экспериментами. Так, экспериментально-лабораторный характер научной практики включает интересубъективную репрезентацию природы, и в случае компьютерных симуляций это способы визуализации данных. Он также включает ее «допрос» и,

как пишет Кьяра Амброзио по поводу данных, «цель — “допросить” данные, вынести на передний план предпосылки, которые слишком часто остаются скрытыми за предполагаемой самоочевидностью [данных]... Вовсе не являясь “обнаруженными объектами”, данные собираются и конструируются в соответствии со специальными актами суждения [judgement]» [14, 137]. Кроме того, лабораторная наука включает переинтерпретацию природы через расширение лабораторной предметности (переинтерпретацию самих данных через распространение способов их обработки).

Однако, возможно, наиболее важной особенностью эксперимента как практики является *манипулятивность*. «Экспериментальная работа предоставляет самый сильный довод в пользу научного реализма. Это происходит не потому, что мы проверяем гипотезы об объектах, а потому, что с объектами, которые в принципе не “наблюдаемы”, можно манипулировать регулярным образом, с тем чтобы получать новые явления... Они являются средствами, инструментами не мысли, а дела», — говорит Ян Хакинг [15, 269]. В то время как между представлением и бытием всегда существует известный зазор, осмысление которого составляет одну из древнейших проблем эпистемологии, «вмешательство» в природу — это средство прямого доступа. Результатом этого доступа, по Хакингу, является возможность «реализма относительно объектов», хотя наши теории о вещах могут быть ошибочны, в существовании самих вещей, поддающихся манипуляции, усомниться нельзя. Джеймс Вудворд полагает, что манипулятивность также влияет на формирование представлений о каузальных связях. Когда мы говорим: « X — причина Y », это означает, что, если бы мы поставили эксперимент, в котором мы бы манипулировали X , мы бы получили соответствующие изменения в Y . Таким образом, именно возможность вмешиваться в мир является основанием наших представлений о причине и следствии [16].

Манипулируемость визуальным образом в компьютерных симуляциях, с нашей точки зрения, играет аналогичную роль. Визуальная репрезентация результатов вычислений превращается во «властный образ»⁴ — образ, не только predetermined данными о природе, но и определяющий дальнейшие представления о данных и о природе. Например, для создания 3D-атласов головного мозга используются те же «классические» технологии съемки (типа МРТ), что и для аналоговых изображений, но каждый срез здесь

⁴ “Authoritative image” — одновременно и «авторитетный» в смысле повышенного доверия, и «властный» в смысле влияния на формирование научных представлений [12].

интерпретируется как слой дискретных вокселей (то есть n вокселей, каждый воксель имеет m атрибутов — тип ткани, характер активации и т.д.)⁵. Такая репрезентация позволяет исследователю, работающему с атласом, произвольно выбрать отображаемые слои и атрибуты и сгенерировать собственное изображение, соответствующее его исследовательским задачам. Программы типа *DTI Studio* обеспечивают многообразие возможностей манипулировать изображениями, но не регламентируют однозначно «правильный» формат репрезентации. Напротив, «В *DTI Studio* “реальные” или “объективные” изображения — это не статичные визуализации мозга, а гибкие инструменты, позволяющие дальнейшую обработку» [12, 144]. Манипуляции визуальными образами повышают доверие к формату репрезентации, так как открывают пространство критических возможностей: конкретное изображение не навязывается одним источником, а выбирается и формируется на основе сравнения результатов манипуляций.

Практика обращения с симуляциями носит выражено *телесный* характер — как со стороны взаимодействия с интерфейсом, так и со стороны виртуальной реализации телесности объектов. Так, на итоговых снимках фМРТ можно различить непроизвольное перемещение головы пациента в томографе, если *манипулировать* этими снимками: взаимоналагать некоторые из них, визуально фиксировать «абберрации», оцениваемые как «артефакты», и тем самым «очищать» данные. Морана Алач подробно анализирует процесс обучения этому навыку: опытная сотрудница лаборатории сидит рядом с неопытной за компьютером, на котором открыты результаты фМРТ, и фактически демонстрирует на *собственном теле* референциальную связь между сдвигом наложенных изображений и предполагаемым перемещением отсканированной головы. Ученица повторяет движение головы, чтобы на опыте собственного тела осознать (или, скорее, прочувствовать) это перемещение. На следующем «подозрительном» фрагменте опытная сотрудница спрашивает ученицу, было ли здесь движение головы в сканере. Чтобы ответить на вопрос, ученица пробует подвигать *собственной* головой и попытаться вообразить, могло ли то или иное движение произвести наблюдаемый эффект. «[Хотя] практиканты никогда не видели и не могли видеть или ощутить движение субъекта в процессе сканирования... они могут координировать свою работу на мониторе и свои живые тела, чтобы понять ошибку в данных. Они могут понять причину дефекта... переживая ее телесно» [17, 76–77].

⁵ “Voxel” — от “volumetric pixel”, минимальная единица 3D-изображения, аналог пикселя в 2D.

Аннамария Карузи и Аврора Хул предлагают более общую артикуляцию этого тезиса, ссылаясь ни больше ни меньше как на концепцию «плоти» в феноменологии М. Мерло-Понти. «Вычислительные технологии (особенно те, в которых техники моделирования, симуляции и визуализации тесно связаны с техниками эксперимента и наблюдения) вставлены в циклические связи между наблюдателем и наблюдаемым и встроены в измеряющее тело, действующее в этих контекстах» [18, 214]⁶. Телесное измерение субъектности, конечно, значимо для познавательных процессов, но если для телесности врача или физика-экспериментатора это интуитивно понятно, то телесность программиста, оператора базы данных или сотрудника «сухой» лаборатории, напротив, естественно недооценивать. Работы Алач, Карузи и Хул показывают, что это — ошибка.

Квазителесный характер виртуальных объектов хорошо заметен на примерах из молекулярной биологии. Инженерные метафоры — «молекулярные машины», «машинерия жизни», «клеточный механизм» — это не только удобный способ переописания биологических объектов, это также способ *объяснения и манипулирования*. «Для непосвященных [студентов-новичков] липкие субстанции, болтающиеся в извивающейся клетке, совсем не похожи на машины. Но для тех, кто овладел практическим искусством моделирования, бурлящая клетка не просто *похожа* на машину; она становится таковой в их руках» [20, 155]. Процесс превращения клетки в набор машин называется «рендерингом». Это слово (render) сейчас часто употребляется как раз для процесса компьютерного производства изображений и видео, однако его другие значения — «приводить к существованию», «исполнить», «оказать (услугу)», «вынести (вердикт, суждение)», «превратить», «вернуть, восстановить» — достаточно явно выражают интуицию активного, перформативного жеста. Целая область молекулярной и клеточной биологии — структурная биология — занимается таким «рендерингом».

Важность манипулируемости для молекулярной биологии можно проиллюстрировать с помощью спора между Томасом Генри Гексли и Лайонелом Билом в конце XIX в. Гексли развивал своеобразную «протоплазматическую теорию жизни», согласно которой живое состоит из «молекулярных машин», и «говорить о жизни как о чем-то кроме серии операций — это все равно что говорить о “временности” часов» [20, 157]. Бил резонно возражал, что сравнивать жизнь и часы абсурдно: «[Гексли сопоставляет] невидимую,

⁶ Опора на Мерло-Понти, похоже, постепенно становится общим местом в социальных исследованиях научных, особенно медицинских, репрезентаций (см., например: [19]).

непредъявляемую и необнаружимую “машинерию” своих предполагаемых “молекулярных машин” и актуальную видимую работу настоящих часов, которые любой может увидеть и потрогать, остановить и заставить идти дальше» [20, 158]⁷. Не потому ли сейчас мы спокойно говорим о «молекулярных машинах», что эти машины теперь можно увидеть, потрогать, остановить, запустить? Средства наблюдения нам все еще не предъявляют клеточную машинерию, если только заранее не подразумевать, что она там есть: так, один из информантов выражает свой восторг по поводу рентгеноструктурной кристаллографии, которая позволяет — как круто! — сделать «мгновенный снимок машины». С нашей точки зрения, критика Била в адрес Гексли базировалась на добродетели «механической объективности» — тщательная фиксация «протоплазмы» в деталях при максимальном устранении воображающего субъекта не предъявляла никаких «машин», но и сама практика рентгеновских снимков является формой реализации той же добродетели [22]. Что-то должно было существенно измениться, чтобы снимок кристалла стал снимком машины, на котором можно различать отдельные детали механизма и выяснять их назначение. Как выражается информант, трехмерная виртуальная модель дает «ощущение, как будто держишь что-то и чувствуешь это» [20, 165]. Мы полагаем, что принципиальное, что дает такая визуализация, — ощущение телесного контакта, и возможность такого квазиощущения сближает классический экспериментализм и симуляции.

5. Заключение: цифровая объективность

Вышесказанное до некоторой степени дезавуирует рассуждения некоторых исследователей о том, что компьютерная визуализация увеличивает дистанцию между миром и репрезентацией, добавляя еще один «черный ящик» — непонятно как работающий компьютер. Так, Майкл Линч еще в 1991 г. писал: «Сырые данные, собранные фотографией или микрографией, могут быть “улучшены”, но не перерисовкой или ретушированием оригинала, а серией математических трансформаций, которые удаляют шум или как-то иначе создают механически “улучшенное”, “усовершенствованное” изображение... [Обработанное с помощью программ] изображение могут считать более заслуживающим “доверия” или “аутентичным” свидетельством, чем сырые данные» [23, 221]. З.А. Сокулер предупреждает об опасности: «Картинки [полученные в процессе компьютерного моделирования] настолько ярки и подробны, что можно забыть об их

⁷ Подробнее об этой истории и ее роли в развитии биологии см.: [21, 165–179].

происхождении: они появились не в окуляре замечательного оптического устройства, а построены в результате работы компьютера... Это не репрезентации, а симулякры... [Ученые] вынуждены помнить о допущениях и условностях, которые применяют в своей работе. Но наглядные результаты [вычислительных экспериментов] ... распространяются в социуме от людей, знающих сильные и слабые стороны таких симулякров, к тем, кто этого не знает и будет принимать их за репрезентации и на их основе определять свои действия» [24, 62–63]. Сообщество исследователей разделяет эти же опасения: в 2000-е гг. редакции ведущих научных журналов типа “Science”, “Nature”, “PLoS Biology” начинают выражать беспокойство по поводу публикаций программно-обработанных изображений, которые «эстетически привлекательны, но с научной точки зрения — вводят в заблуждение» [25, 249].

В какой мере эти визуальные объекты заслуживают доверия? Понятно, что за дружественным (user-friendly) интерфейсом программной оболочки скрывается «черный ящик», содержание которого может оказаться вовсе не «дружественным», если оно вообще доступно обнаружению. Но наш тезис состоит в том, что в данном случае мы сравниваем компьютерные симуляции с практиками, которые страдают аналогичными «недостатками». Натуралист XVIII в., искавший «истину-по-природе», пытался усмотреть в одной или нескольких виденных им вещах универсальную форму, требовавшую выражения. «Механическая объективность» требовала фиксации единичного явления, но в максимально возможной детализации, даже в ущерб интерпретируемости и максимально устраняя интерпретатора. Анна Болье предлагает концепцию «цифровой объективности», которую она описывает как компьютерную квантификацию и автоматизацию процесса сопоставления образа и объекта. Дискретизация феноменов, перевод анализа на количественный уровень, «черный ящик» вычислений и выдача нового качественного образа характеризуют эти исследовательские практики. Последующие данные автоматически пополняют «коллекцию», сопоставляются с имеющейся репрезентацией и выдают количественные характеристики результатов сравнения, и все это — без участия человека [26]. Таким образом, те особенности, которые вызывают тревогу у исследователей, одновременно являются условиями производства объективного знания.

«Цифровая объективность» XXI в. снова ищет универсальную форму (под которую должны подпадать и последующие частные данные), но на основе множества «механически объективных» данных, причем такого множества, которое человек не способен обработать,

и потому оказывается оправданным также вынести человека за скобки вычислительного процесса, сохранив за ним роль интерпретатора и даже позволяя ему «очищать» данные от ненужного или ошибочного содержания. Но если для «классических» эпистемических добродетелей главным проблемным местом было выстраивание соотношения между природой и знанием о ней, то вычислительные технологии проблематизируют новое соотношение — между данными и знанием о данных. И то, как строится знание о данных, может переоформлять представление о том, как данные соотносятся с природой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Keller E.F. Models, simulation and “computer experiments” // The philosophy of scientific experimentation / Ed. by Radder H. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003. P. 198–215.
2. Galison P. Computer simulation and the trading zone // Disunity of science: Boundaries, contexts, and power / Ed. by P. Galison & D. Stump. California: Stanford University, 1996. P. 118–157.
3. Frigg R., Reiss J. The philosophy of simulation: hot new issues or same old stew? // Synthese. 2009. Vol. 169, N. 3. P. 593–613.
4. Humphreys P. The philosophical novelty of computer simulation methods // Synthese. 2009. Vol. 169, N. 3. P. 615–626.
5. Lenhard J. Calculated surprises: A philosophy of computer simulation. Oxford: Oxford University Press, 2019. 256 p.
6. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
7. Galison P. Image and logic: a material culture of microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 982 p.
8. Coopmans C. Visual analytics as artful revelation // Representation in scientific practice revisited / Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 37–59.
9. Tableau pulse. URL: <https://www.tableau.com/en-gb/products/tableau-pulse>
10. Sarto-Jackson I. Overcoming the limits of quantification by visualization // Biological Theory. 2015. Vol. 10. P. 253–262.
11. Webmoor T. Algorithmic alchemy, or The work of code in the age of computerized visualization // Visualization in the age of computerization / Eds Carusi A., Sissel Hoel A., Webmoor T., Woolgar S. N.Y.: Routledge, 2015. P. 19–39.
12. Rijcke S., Beaulieu A. Networked neuroscience: brain scans and visual knowing at the intersection of atlases and databases // Representation in scientific practice revisited / Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 131–152.
13. Shafranovich Y. Request for comments: 4180. Common Format and MIME Type for Comma-Separated Values (CSV) Files // IETF Datatracker. October 2005. URL: <https://datatracker.ietf.org/doc/rfc4180/>
14. Ambrosio C. Objectivity and representative practices across artistic and scientific visualizations // Visualization in the age of computerization / Eds Carusi A., Sissel Hoel A., Webmoor T., Woolgar S. N.Y.: Routledge, 2015. P. 118–144.

15. Хакинз Я. Представление и вмешательство: Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998. 296 с.
16. Woodward J. Experimentation, causal inference and instrumental realism // The philosophy of scientific experimentation / Ed. by H. Radder. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003. P. 87–118.
17. Alač M. Digital scientific visuals as fields for interaction // Representation in scientific practice revisited / Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 61–87.
18. Carusi A., Hoel A.S. Toward a new ontology of scientific vision // Representation in scientific practice revisited / Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 201–221.
19. Мол А., Ло Дж. Воплощенное действие, осуществленные тела: пример гипогликемии // Логос. 2017. Т. 27, №. 2. С. 233–262.
20. Myers N. Rendering machinic life // Representation in scientific practice revisited / Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 153–175.
21. Циммер К. Живое и неживое: В поисках определения жизни. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 370 с.
22. Волошин М.Ю. 3D-визуализация макромолекул в биоинформатике: эпистемологический аспект // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Т. 30, №. 4. С. 12–35.
23. Lynch M. Science in the age of mechanical reproduction: moral and epistemic relations between diagrams and photographs // Biology and Philosophy. 1991. Vol. 6. P. 205–226.
24. Сокулер З.А. Вычислительный эксперимент как проблема для эпистемологии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. №. 4. С. 49–64.
25. Frow E. In images we trust? Representation and objectivity in the digital age // Representation in scientific practice revisited / Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 249–267.
26. Beaulieu A. Voxels in the brain: neuroscience, informatics and changing notions of objectivity // Social Studies of Science. 2001. N. 31. P. 635–680.

REFERENCES

1. Keller E.F. Models, simulation and “computer experiments” In: The philosophy of scientific experimentation. Ed. by Radder H. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003. P. 198–215.
2. Galison P. Computer simulation and the trading zone. In: Disunity of science: Boundaries, contexts, and power. Ed. by P. Galison & D. Stump. California: Stanford University, 1996. P. 118–157.
3. Frigg R., Reiss J. The philosophy of simulation: hot new issues or same old stew? *Synthese*. 2009. Vol. 169, N. 3. P. 593–613.
4. Humphreys P. The philosophical novelty of computer simulation methods. *Synthese*. 2009. Vol. 169, N. 3. P. 615–626.
5. Lenhard J. Calculated surprises: A philosophy of computer simulation. Oxford: Oxford University Press, 2019. 256 p.
6. Daston L., Galison P. Obektivnost’ [Objectivity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. 584 p. (In Russ.)
7. Galison P. Image and logic: a material culture of microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 982 p.

8. Coopmans C. Visual analytics as artful revelation. *In: Representation in scientific practice revisited*. Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 37–59.
9. Tableau pulse. URL: <https://www.tableau.com/en-gb/products/tableau-pulse>
10. Sarto-Jackson I. Overcoming the limits of quantification by visualization. *Biological Theory*. 2015. Vol. 10. P. 253–262.
11. Webmoor T. Algorithmic alchemy, or The work of code in the age of computerized visualization *In: Visualization in the age of computerization*. Eds Carusi A., Sissel Hoel A., Webmoor T., Woolgar S. N.Y.: Routledge, 2015. P. 19–39.
12. Rijcke S., Beaulieu A. Networked neuroscience: brain scans and visual knowing at the intersection of atlases and databases. *In: Representation in scientific practice revisited*. Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P.131–152.
13. Shafranovich Y. Request for comments: 4180. Common Format and MIME Type for Comma-Separated Values (CSV) Files. *IETF Datatracker*. October 2005. URL: <https://datatracker.ietf.org/doc/rfc4180/>
14. Ambrosio C. Objectivity and representative practices across artistic and scientific visualizations. *In: Visualization in the age of computerization*. Eds Carusi A., Sissel Hoel A., Webmoor T., Woolgar S. N.Y.: Routledge, 2015. P.118–144.
15. Hacking I. Predstavlenie i vmeshatel'stvo: Vvedenie v filosofiyu estestvennykh nauk [Representing and intervening: Introductory topics in the philosophy of natural science]. Moscow: Logos, 1998. 296 p. (In Russ.)
16. Woodward J. Experimentation, causal inference and instrumental realism. *In: The philosophy of scientific experimentation*. Ed. by H. Radder. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003. P. 87–118.
17. Alač M. Digital scientific visuals as fields for interaction. *In: Representation in scientific practice revisited*. Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 61–87.
18. Carusi A., Hoel A.S. Toward a new ontology of scientific vision. *In: Representation in scientific practice revisited / Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 201–221.*
19. Mol A., Law J. Voploshchennoe dejstvie, osushchestvlennye tela: primer gipoglikemii [Embodied action, enacted bodies: The example of hypoglycaemia]. *Logos*. 2017. Vol. 27, N. 2. P. 233–262. (In Russ.)
20. Myers N. Rendering machinic life. *In: Representation in scientific practice revisited*. Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 153–175.
21. Zimmer K. Zhivoe i nezhive: v poiskah opredeleniya zhizni [Life's edge: The search of what it means to be alive]. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2022. 370 p. (In Russ.)
22. Voloshin M.Y. 3D-vizualizatsiya makromolekul v bioinformatike: epistemologicheskij aspekt [3D-visualization of macromolecules in bioinformatics: an epistemological aspect]. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki*. 2021. Vol. 30, N. 4. P. 12–35.
23. Lynch M. Science in the age of mechanical reproduction: moral and epistemic relations between diagrams and photographs. *Biology and Philosophy*. 1991. Vol. 6. P. 205–226.
24. Sokuler Z.A. Vychislitel'nyj eksperiment kak problema dlya epistemologii [A computing experiment as a problem for epistemology]. *Lomonosov Philosophy Journal*. Seriya 7. Filosofiya. 2014. N. 4. P. 49–64. (In Russ.)

25. Frow E. In images we trust? Representation and objectivity in the digital age. *In: Representation in scientific practice revisited*. Eds Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 249–267.

26. Beaulieu A. Voxels in the brain: neuroscience, informatics and changing notions of objectivity. *Social Studies of Science*. 2001. N. 31. P. 635–680.

Информация об авторе: *Волошин Михаил Юрьевич* — преподаватель кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (495) 939-24-09; allrour95@rambler.ru

Information about the author: *Mikhail Yu. Voloshin* – lecturer, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 939-24-09; allrour95@rambler.ru

Поступила в редакцию 30.10.2024
принята к публикации.02.06.2025

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 165.62

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-5-53-66

МИНИМАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ТЕЛЕСНАЯ ВОПЛОЩЕННОСТЬ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

В.О. Белоногова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991,
Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», г. Москва,
Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие минимального дорефлексивного самосознания (минимального «Я») и его связь с телесностью и встроенностью в среду. С точки зрения феноменологического подхода, дорефлексивное телесное самосознание является базовой структурной характеристикой сознательного опыта. Оно предоставляет субъекту доступ к собственному сознательному опыту и обуславливает восприятие и взаимодействие с объектами мира через интенциональность.

Ключевые слова: сознание, самосознание, дорефлексивное самосознание, самость, минимальная самость, телесная воплощенность

CONSCIOUSNESS STUDIES

Original article

MINIMAL SELF-CONSCIOUSNESS AND EMBODIMENT IN THE PHENOMENOLOGICAL PARADIGM

V.O. Belonogova

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Teaching and Scientific Building “Shuvalovsky”, 119991, Russia

Abstract. The article examines minimal pre-reflective self-consciousness (minimal self) and its embodiment and enactive aspects. From the phenomenological standpoint, embodied pre-reflective self-awareness is the core structural characteristic of conscious experience. It provides the subject with access to their own conscious experience and underlies perception and interaction with objects of the world via intentionality.

Keywords: consciousness, self-consciousness, self-awareness, pre-reflective self-awareness, self, minimal self, embodiment

Введение

Понятие самосознания, как и связанные с ним понятия самости и сознания, представляет некоторую сложность для определения, поскольку в областях философии сознания и когнитивных наук нет консенсуса или даже доминирующего подхода к их изучению. В настоящей статье эти понятия рассматриваются с позиции феноменологии. Феноменологическая традиция, уходящая корнями в работы Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти, представляет минималистский взгляд на понятие самосознания. Дорефлексивное самосознание в феноменологии рассматривается как неотъемлемая структурная характеристика сознательного опыта. Это минимальное осознание себя, которое предшествует рефлексивному самоанализу или саморепрезентации. Феноменологическое исследование дорефлексивного самосознания также восходит к работам Жана-Поля Сартра и Мартина Хайдеггера, которые исследовали феноменальный аспект самости. В настоящей статье я обращаюсь к классическим трудам Гуссерля и Мерло-Понти, но также в значительной степени опираюсь на работы современных феноменологов Дэна Захави и Шона Галлахера, которые продолжили это исследование и внесли весомый вклад в понимание природы самосознания.

Сторонники феноменологического подхода также склонны считать, что самосознание является телесно воплощенным и встроеным

ным в среду. Уже начиная с работ Гуссерля и Мерло-Понти в феноменологической традиции самосознание рассматривалось как базовая субъектность, укорененная в телесно-воплощенном взаимодействии с миром. Например, в феноменологии Гуссерля тело, субъектность и интенциональность неразрывно переплетены. По его мнению, не существует взгляда из ниоткуда — есть только воплощенная субъективная точка зрения, перспектива от первого лица [1, 98]. Поскольку субъект может существовать в пространстве и иметь точку зрения только в силу своей телесной воплощенности, мы вправе утверждать, что пространственные объекты могут быть конституированы только воплощенным субъектом. При этом конституирование и исследование объектов влекут за собой одновременное конституирование и исследование самого себя. Мы можем воспринимать объекты, только осознавая собственное тело и взаимодействие между ними. Отсюда, в свою очередь, следует, что восприятие физических объектов невозможно без сопутствующего телесного самосознания.

Современные феноменологи также уделяют много внимания телесности. Например, в полном согласии с феноменологическим взглядом на связь субъектности и телесности Галлахер и Захави также утверждают [2, 137], что минимальное «Я» является телесно воплощенным и включенным в среду. Согласно их позиции, дорефлексивное телесное самосознание позволяет субъекту взаимодействовать с объектами и другими субъектами и ощущать себя агентом в мире. Именно через активное взаимодействие воплощенного субъекта с окружающей средой ему явлен мир и даны осмысленные переживания.

Нам представляется, что феноменологический метод подходит для изучения самосознания, поскольку исследуемое явление само принадлежит субъективному измерению человеческого опыта. Сознание в целом характеризуется перспективой от первого лица: мы осознаем себя и свой опыт непосредственно, напрямую. Чтобы прояснить понятие самосознания, нам следует рассматривать его и тесно связанные с ним понятия самости и сознательного опыта в совокупности. При этом сложно проследить взаимосвязанность этих явлений только через их внешние выражения в поведении или с помощью изучения результатов нейроисследований, то есть с точки зрения третьего лица, не прибегая к исследованию субъективного опыта. Феноменологический подход позволяет рассмотреть их так, как они даны в опыте, тем самым уделив должное внимание субъективной точке зрения от первого лица.

Дорефлексивное самосознание

Исследование понятия самосознания следовало бы начать с определения этого термина. Однако одна из сложностей исследования самосознания заключается в том, что не представляется возможным четко определить концептуальные рамки исследуемого феномена из-за значительных расхождений между подходами к его изучению. Даже представить исчерпывающий обзор подходов к самосознанию сложно, поскольку это понятие является предметом изучения разных дисциплин: философии сознания, когнитивной психологии, психологии развития, социальной философии, философии языка, когнитивных нейронаук и других областей. При этом ни в одной из них не был достигнут консенсус по поводу того, как определять это понятие, не говоря уже о междисциплинарном консенсусе.

Дэн Захави в работе «Субъектность и самость» [3, 13] приводит внушительный список существующих подходов к понятию самосознания: разные исследователи самости в рамках разных дисциплин рассматривали самосознание как способность думать Я-мысли, узнавать себя в зеркале, воспринимать себя как субъекта, которому принадлежат различные переживания, или объективировать себя с точки зрения других субъектов в социальном контексте. Он отмечает, что все эти подходы действительно имеют отношение к восприятию себя и имеют право на существование.

Феноменологическая традиция представляет, на наш взгляд, самый согласованный и минималистичный взгляд на самосознание. Практически все феноменологи сходятся в том, что любой сознательный опыт характеризуется также и минимальным осознанием себя [2, 46]. Мы знаем, что ключевой характеристикой сознания является интенциональность — направленность сознания на объект. Однако, когда субъект воспринимает какой-то объект, он одновременно должен быть осведомлен о своем переживании этого объекта — в противном случае это переживание не будет сознательным, у субъекта не будет к нему доступа. В субъективном опыте эта осведомленность выражена как «самоданность» опыта — эпизоды сознательного опыта очевидно и напрямую даны мне как «мои». При этом мне нет необходимости объективировать переживание и рефлексировать над ним, чтобы определить его как «мое». Это минимальное осознание себя, которое дано в опыте до рефлексии, обозначается термином «дорефлексивное самосознание». В литературе также можно встретить выражения «тонкое самосознание», «минимальное самосознание» и «минимальное Я» [3, 16, 100, 106].

Итак, феноменологи считают, что самость в своем «тонком» проявлении встроена в сознательный опыт на самом базовом уровне. Большинство людей согласятся, что любое сознательное переживание ощущается определенным образом. Когда субъект воспринимает объект мира, например стакан с водой на столе, он может сказать, что у него есть сознательный опыт стакана (он его осознает, или сознательно воспринимает). Но можем ли мы говорить о том, что субъект осознает стакан, если бы он не был одновременно осведомлен о своем опыте восприятия стакана? Логично предположить, что ответ отрицательный. Поскольку такая осведомленность, по сути, представляет собой осознание своего сознательного опыта, мы справедливо можем назвать это минимальной формой самосознания. При этом такая осведомленность существует одновременно с опытом и не нуждается в последующем обдумывании. Это указывает на то, что любой феноменальный опыт обладает минимальной самореферентностью, которая существует до рефлексии.

Таким образом, самосознание в минимальном смысле этого термина можно определить как встроенную структурную характеристику сознательного опыта, которая обеспечивает непосредственную самоданность сознательных переживаний как принадлежащих субъекту.

Д. Захави и Ш. Галлахер предлагают следующую аргументацию в пользу этой позиции [2, 50]. Когда я осознаю сиюминутное ощущение боли, восприятие или мысль, этот опыт дан мне как *мой* напрямую без логического обоснования (*non-inferentially*). Я не переживаю нейтральный анонимный опыт, чтобы потом логически прийти к выводу, что он мой. Если я ощущаю тошноту, я не могу ни сомневаться, ни ошибаться в отношении того, кто является субъектом этого переживания. Было бы крайне глупо спрашивать, уверен ли я, что именно я ощущаю тошноту, или просить предоставить критерии, в соответствии с которыми я определил, что тошнит именно меня. Все мои сознательные переживания имеют это качество принадлежности мне. Это не означает, что я всегда обращаю внимание на это качество или всегда тематически осознаю свой опыт как «мой». Однако есть неоспоримый факт: я могу вернуться к прошлому переживанию и вспомнить его как «мое» даже если в момент этого переживания это качество не было тематизировано в опыте (не было темой, фокусом этого опыта). Если бы переживание изначально было полностью анонимным, если бы у него не было качества принадлежности мне в момент его проживания, последующее присвоение этого опыта себе в памяти объяснить крайне сложно. Однако если мы принимаем существование дорефлексивного минимального самосознания,

становится понятно, каким образом мы можем схватить пережитый опыт как «свой» в последующей рефлексии.

Позицию основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля в отношении дорефлексивного «Я» сложно изложить кратко и однозначно, поскольку, во-первых, его видение этой проблемы менялось на протяжении его научной карьеры, а во-вторых, разные исследователи интерпретируют позицию Гуссерля по-разному. Для целей настоящей работы мы принимаем трактовку Захава. Гуссерль пишет [4, 412], что поток сознания характеризуется “Für-sich-selbst-erscheinen” — самопроявлением, или самоочевидностью. Это значит, что речь идет о базовом, фундаментальном слое сознания, который фундирует, пронизывает сознание на любом уровне и является основой для самой возможности рефлексии. Самосознание присутствует не только тогда, когда мы обращаем внимание на свой сознательный опыт, но является характеристикой субъективности как таковой вне зависимости от того, на что обращено сознание в любой момент времени. В «Феноменологии intersубъективности» он пишет: «Быть субъектом — значит быть в режиме осознания себя» [5, 151].

Итак, нам представляется обоснованным утверждать, что существует минимальная разновидность самосознания, которая без необходимости рефлексии обеспечивает наш сознательный опыт «бытия субъектом» и сопровождает любое феноменальное переживание. Самосознание не совпадает с феноменальным сознанием, но является его неотъемлемой структурной характеристикой. Мы говорим о «субъективности» опыта именно потому, что он ощущается определенным образом для кого-то, для субъекта. Все эпизоды сознательной жизни имеют общее свойство — они всегда существуют для кого-то, то есть характеризуются данностью от первого лица. Именно это качество феноменального опыта позволяет нам утверждать, что сознание всегда обладает минимальной формой самосознания. Если оно не обладает этим качеством, мы не можем назвать такой опыт сознательным.

Телесная воплощенность и энактивность

Феноменологи начиная с Гуссерля и Мерло-Понти обращали внимание на то, что тело дано нам не как объект мира, но скорее как способ восприятия объектов. Для того, чтобы мир был явлен субъекту, субъект должен быть в мире и взаимодействовать с ним, то есть быть телесно воплощенным и включенным в среду. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» говорит о теле как о воплощенной субъектности, которая конституирует мир [6, 198]. Тело не дано нам как интенциональный объект, оно не есть объект среди

прочих объектов мира, но является априорной структурой, обязательным условием для самого существования сознательного опыта. Познание осуществляется путем активного телесного взаимодействия субъекта с окружающим миром через интенциональность. Дорефлексивное самосознание с этой точки зрения представляет собой не просто самореферентность сознательного опыта, но и телесный опыт ощущения тела как субъекта действия в мире. Таким образом, осознание тела как субъекта действия является аспектом минимальной самости.

Обратимся к феноменологии тела, которая была изначально исследована Гуссерлем во втором томе работы «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии». Его целью было провести трансцендентальное философское исследование, которое впоследствии внесло огромный вклад в фундаментальное понимание отношений субъектности и мира. Впоследствии эта тема была подробно разработана Мерло-Понти, который занимался исследованием телесной воплощенности.

Гуссерль рассматривает тело как условие самой возможности восприятия и взаимодействия с пространственными объектами [5, 540]. Он утверждает, что любой сознательный опыт субъекта в мире опосредован нашей телесностью и возможен благодаря ей [7, 56]. Обращаясь к теме телесности, он неоднократно подчеркивает, что крайне важно провести различие между необъективирующим дорефлексивным осознанием тела, которое сопровождает и опосредует любой пространственный опыт, и последующим восприятием тела как объекта [8, 240]. Для этого Гуссерль предлагает различать два разных подхода к пониманию тела — *Körper* и *Leib* (*Le corps objectif* и *corps propre/corps vécu*, в терминологии Мерло-Понти). Первый термин означает тело как физический организм в среде, а второй — субъективно и дорефлексивно проживаемое тело как воплощенную перспективу от первого лица. Это различие феноменологическое, а не онтологическое — в физическом смысле мы говорим про одно и то же тело.

Итак, *Körper* — это физическое тело, тело в обычном понимании, тело-воспринятое-как-объект-мира. *Körper* появляется в фокусе внимания как объект, например, когда вы ударили палец. В свою очередь, *Leib* — это живое тело, феноменологическое тело, тело-опосредованное-сознанием. Его невозможно свести к простому объекту опыта, который мы видим, слышим и ощущаем. Вместо этого, феноменологическое тело становится фундаментальным трансцендентальным принципом, который позволяет нам в принципе иметь опыт восприятия объектов мира. Это способ существования в мире.

Именно Leib является предметом интереса феноменологического анализа Гуссерля и Мерло-Понти.

Живое тело не отделено от сознания и не является для него «сосудом». Наоборот, живое тело с сознанием — это одно целое и взаимодействует оно с объектами мира через интенциональность. Разделение «моего тела» и окружающего мира также исчезает в феноменологической перспективе — все, на что направлено мое восприятие, включается в рамки моего тела и в мой телесный опыт. С помощью интенциональности тело захватывает и включает в себя весь мир, конституируя смыслы в интенциональных актах и превращая его в мир-для-меня.

Живое тело структурирует и делает возможным сознательный опыт. Гуссерль пишет, что мы изначально не ощущаем свое тело как объект в объективном пространстве [12, 53], мы воспринимаем его как единое поле активности и аффективности, как структуру волеизъявления, потенциал мобильности, как «Я делаю» и «Я могу». При этом «Я могу» отражает самоопределяющую природу сознания, поскольку подчеркивает способность субъекта интенционально направлять сознание на объекты и возможности. Через «Я могу» субъект не просто пассивно получает чувственные данные, но активно конституирует объекты и формирует свой эмпирический мир.

Продолжая и развивая идеи Гуссерля, в своей ключевой работе «Феноменология восприятия» Мерло-Понти сосредоточивается на проблемах восприятия и телесной воплощенности и исследует отношения между сознанием и телом, субъектом и воспринимаемым миром. Понятие восприятия является центральным в его феноменологии — он принимает его в качестве основы существования субъекта в мире, на которой формируются человеческие смыслы и значения. Чтобы описать это существование, Мерло-Понти, черпая вдохновение у Хайдеггера, использует его термин «бытие-в-мире» (*être au monde*). Для него бытие-в-мире субъекта реализуется в восприятии через телесно-воплощенную интенциональность.

Философы зачастую рассматривали человека как бестелесного духовного или рационального субъекта, а тело появлялось в их работах только как часть противопоставления «сознание (разум, дух) — тело». Мерло-Понти же считает, что именно благодаря телесности человек может воспринимать окружающую действительность и взаимодействовать с ней. Одна из главных идей «Феноменологии восприятия» заключается в том, что тело не заключает в себе сознание и субъекта — тело и есть форма сознания, оно само является субъектом. Как пишет Мерло-Понти, «покидая объективный мир, тело увлекает за собой интенциональные нити, которые соединяют его

с окружением, и в итоге являет нам как воспринимающего субъекта, так и воспринимаемый мир» [6, 107].

Тело определяет взгляды Мерло-Понти на субъектность: он считает, что субъектность укоренена в телесности, а точнее, что тело и есть субъект, который взаимодействует с миром через действующую интенциональность. Рассмотрим цепочку аргументов, с помощью которой Мерло-Понти связывает тело и среду через дорефлексивное самосознание.

Он считает, что восприятие предоставляет человеку возможности в виде объектов, которые имеют для него значение или ценность с точки зрения его способности взаимодействовать с ними. Он воспринимает окружающую среду, как будто она «предлагает» определенные возможности для действия и «запрещает» другие [13, 74].

С феноменологической точки зрения, в повседневной жизни мы не взаимодействуем с предметами, которые обладают «объективными» свойствами вроде размера, формы и так далее. Мы воспринимаем предметы окружающего мира в терминах того, что мы можем с ними сделать: съедобными или отвратительными, достигаемыми или слишком далекими, доступными для взаимодействия или нет. Человеческое восприятие также имеет аффективный, или эмоциональный аспект. Аффективное значение воспринимаемого объекта для субъекта влияет на потенциальное взаимодействие с ним. Например, помещение, в которое я вхожу, может выглядеть уютным и светлым, благодаря чему я буду в более расслабленном состоянии, или же зловещим и опасным, что заставит меня быть начеку.

Мерло-Понти считает, что способность воспринимать такие возможности в среде и реагировать на них действиями — это физическая способность, которая базируется на навыках сенсомоторной системы. Обладать двигательными навыками — значит уметь что-то делать в диапазоне от простых навыков, вроде почесаться, до более сложных, таких как умение печатать на клавиатуре. Чтобы применить телесный навык, нужно находиться в подходящей среде: например, чтобы я смогла печатать, в окружающем меня пространстве должна быть клавиатура. И поскольку для применения моторного навыка требуется определенная среда, владение этим навыком, по сути, предполагает способность идентифицировать среду, подходящую для его применения.

Ключевой момент здесь в том, что умение определить подходящую среду происходит не с помощью рационального мышления. Вместо этого субъект напрямую, *дорефлексивно* воспринимает подходящую среду как возможность проявить свои моторные способности. Таким образом, приобретение моторного навыка включает

в том числе приобретение способности напрямую воспринимать возможности для его применения.

Более того, эти возможности для действия формируют наше восприятие. Субъект воспринимает окружающее его пространство как требующее определенного поведения и предлагающее возможности для такого поведения. То есть когда субъект приобретает моторный навык какой-то деятельности, он воспринимает мир в терминах возможностей для этой деятельности. И когда среда предлагает такие возможности, он немедленно реагирует действием без необходимости сознательного размышления.

Моторные навыки, полагает Мерло-Понти, — это практический вид знания. Хотя практическое знание и отличается от концептуального, оно, тем не менее, представляет собой понимание мира. В эпистемологии знания принято разделять на «знание-что» и «знание-как». В то время как знание-что — это пропозициональное концептуальное знание, знание-как состоит в способности индивида совершить определенное действие в определенных обстоятельствах. Согласно Мерло-Понти, моторные навыки представляют собой второй вид знания. Например, можно уметь печатать на клавиатуре, при этом не помня, где на ней находится каждая буква. Субъект, таким образом, дорефлективно *понимает* свое окружение в этом практическом смысле с точки зрения потенциала среды для своих действий. Мерло-Понти утверждает, что когда субъект применяет моторный навык, он демонстрирует понимание среды, в которой он находится.

«Стало быть, уметь печатать — не значит знать расположение каждой буквы на клавиатуре или даже выработать для каждой буквы условный рефлекс, который она запускала бы, как только предстанет взгляду. Что же такое навык, если он не является ни знанием, ни автоматизмом? Это знание, которое находится в моих руках» [6, 193].

При этом восприятие возможности для действия в среде не является пассивным приемом информации из мира. Скорее субъект проецирует ситуацию вокруг себя, наделяет среду телесным значением.

Мерло-Понти пишет: «Всякая механицистская теория сталкивается с тем фактом, что научение происходит в системном виде: субъект не сращивает конкретные движения с конкретными стимулами, но приобретает способность отвечать решениями определенного типа на ситуации определенной формы; ситуации могут сильно различаться от случая к случаю, выполнение ответных движений может поручаться то одному органу, то другому, и сходство ситуаций и решений в различных случаях проявляется не столько в частичном совпадении их элементов, сколько в общности их *смысла*» [6, 191].

Наконец, последний элемент цепочки связывает все выше-описанное с самостью и телесным самосознанием. Мерло-Понти утверждает, что описанное выше практическое понимание своего окружения одновременно является и практической формой самопознания. Это знание собственного тела. Субъект понимает свое тело так же, как он понимает свое окружение — в контексте своего поведения. Цепочка выглядит так.

Я воспринимаю свое окружение как требующее определенных действий.

Я воспринимаю свое окружение как требующее, чтобы Я повел себя определенным образом.

Таким образом, мое восприятие окружающего мира как требующего от меня определенных действий сопровождается имплицитным дорефлексивным осознанием того, что мое тело обладает способностью совершить эти действия.

Субъект воспринимает объекты как расположенные в пространстве вокруг него и достижимые различными способами. Точно так же, как человек осознает объекты в пространстве с точки зрения возможностей для действия, которые они предлагают, он так же осознает свое собственное тело и его ориентацию с точки зрения его способности выполнить действия, которых требует от него среда. Таким образом, восприятие субъектом своего окружения и взаимодействие с ним идут рука об руку с осознанием собственного тела — телесным самосознанием.

Например, обсуждая синдром фантомной конечности, Мерло-Понти утверждает, что его не объяснить ни редуктивным физиологическим, ни нередуцируемым психологическим способом, ни даже искусственным сопоставлением того и другого. Для Мерло-Понти фантомная конечность является результатом фундаментальной двойственности нашего бытия в мире, в котором поле нашего опыта структурировано в соответствии с неявным набором телесных возможностей. Он пишет: «Иметь фантомную конечность — значит оставаться открытым для всех действий, на которые способна только рука, и оставаться в практическом поле, которое имелось до увечья». Мое «привычное тело» структурирует внешний вид объектов в моем мире и на доличностном или анонимном уровне оживляет поле объектов, которые кажутся управляемыми сами по себе. После ампутации объекты просто продолжают апеллировать к «руке, которой у меня больше нет».

Дорефлексивное восприятие своего тела и пространства обычно остается на задворках сознания, оно имплицитно. Феноменологи

называют такие ощущения “pre-reflective sense of myself as embodied” (дорефлексивное чувство собственной телесности). Эти телесные ощущения обуславливают восприятие субъектом мира. Как заметил Уильям Джеймс, яблоко кажется больше, если ты голоден. И поскольку это проявление Leib, живого тела, с помощью которого субъект осуществляет восприятие и действия, оно находится в постоянном контакте с миром. Этот контакт представляет собой не просто соприкосновение поверхности кожи с поверхностью объекта — тело активно интегрировано в мир. Быть встроенным в окружающий мир — значит не только физически находиться в определенном месте, но, что важнее, взаимодействовать со своим окружением в прагматически и телесно значимом контексте.

Заключение

Итак, минимальное дорефлексивное самосознание присуще любому сознательному опыту и является его встроенной структурной характеристикой. У субъекта не может быть феноменального опыта без одновременного осознания того, что этот опыт принадлежит этому субъекту, — самосознания. Любой эпизод сознательной жизни сопровождается ощущением его «принадлежности мне». Это качество самопринадлежности представляет собой некую минимальную самореферентность, которая присуща любому сознательному опыту.

Минимальное самосознание укоренено в телесности и тесно связано с дорефлексивными телесными ощущениями. Тело не просто играет важную роль в нашем восприятии и взаимодействии с миром — оно является обязательным условием существования субъекта. Э. Гуссерль подчеркивает, что самосознание и субъективный опыт опосредованы телесностью, которая обеспечивает саму возможность восприятия и взаимодействия с пространственными объектами. М. Мерло-Понти развивает эту идею, отмечая, что бытие-в-мире субъекта реализуется в восприятии через телесно-воплощенное взаимодействие с объектами мира. Через моторные навыки и интенциональность тело конституирует нашу точку зрения на мир от первого лица, определяет возможности для действия и наполняет сознательный опыт смыслом. Мы всегда обладаем имплицитным дорефлексивным ощущением своего тела в пространстве, а также своих возможностей и потенциальных действий, которые тело извлекает из среды. Таким образом, с феноменологической точки зрения, телесность и субъектность неразрывно связаны и восприятие мира субъектом возможно только благодаря его телесно-воплощенной позиции в пространстве. Дорефлексивное телесное самосознание предоставляет субъекту доступ к собственному со-

знательному опыту и обуславливает восприятие и взаимодействие с объектами мира через интенциональность. Этот чрезвычайно важный для современной философии сознания и когнитивной науки вывод имеет ряд следствий. Необходимый характер телесного дорефлексивного самосознания как условия взаимосвязи тела и среды означает, что минимальное «Я» фундирует сознание как единое, включая и феноменальный уровень, и уровень рефлексии. Понятие телесновоплощенного самосознания как необходимой структурной характеристики познания, обоснованное феноменологически, ставит под сомнение возможность реализации «сознания доступа» без феноменального сознания и создание искусственного интеллекта с феноменальным опытом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Zahavi D.* Husserl's phenomenology. Stanford, California: Stanford University Press, 2002. 193 p.
2. *Gallagher S., Zahavi D.* The phenomenological mind: An introduction to philosophy of mind and cognitive science. 2nd ed. L.: Routledge, 2012. 288 p.
3. *Zahavi D.* Subjectivity and selfhood: Investigating the first-person perspective. Cambridge: Bradford Book/MIT Press, 2005. 265 p.
4. *Husserl E.* Erste Philosophie II (1923–1924): Theorie der phänomenologischen Reduktion. Den Haag: Nijhoff, 1959. 592 p.
5. *Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität: Zweiter Teil: 1921–1928. Den Haag: Nijhoff, 1973. 659 p.
6. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. М.: Ювента; Наука, 1945. 608 с.
7. *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie II: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution. Den Haag: Nijhoff, 1952. 890 p.
8. *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie I: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. Den Haag: Nijhoff, 1950. 476 p.
9. *Thompson E.* Mind in life: Biology, phenomenology, and the sciences of mind. Cambridge: Harvard University Press, 2007. 543 p.
10. *Descartes R.* Meditations on first philosophy with selections from the objections and replies. Oxford: Oxford University Press, 2008. 336 p.
11. *Van Gulick R.* Consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2022 ed.) / E.N. Zalta, U. Nodelman (eds). URL: = <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/consciousness/>
12. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии: В 3 т. М.: ДИК, 1999. Т. 1. 336 с.
13. *Romdenh-Romluc K.* Routledge philosophy guidebook to Merleau-Ponty and phenomenology of perception. L.: Routledge, 2010. 260 p.

REFERENCES

1. *Zahavi D.* Husserl's phenomenology. Stanford, California: Stanford University Press, 2002. 193 p.

2. Gallagher S., Zahavi D. *The phenomenological mind: An introduction to philosophy of mind and cognitive science*. 2nd ed. L.: Routledge, 2012. 288 p.
3. Zahavi D. *Subjectivity and selfhood: Investigating the first-person perspective*. Cambridge: Bradford Book/MIT Press, 2005. 265 p.
4. Husserl E. *Erste Philosophie II (1923–1924): Theorie der phänomenologischen Reduktion*. Den Haag: Nijhoff, 1959. 592 p.
5. Husserl E. *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität: Zweiter Teil: 1921–1928*. Den Haag: Nijhoff, 1973. 659 p.
6. Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya*. Moscow: Yuventa; Nauka, 1945. 608 p. (In Russ.)
7. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie II: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Den Haag: Nijhoff, 1952. 890 p.
8. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie I: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. Den Haag: Nijhoff, 1950. 476 p.
9. Thompson E. *Mind in life: Biology, phenomenology, and the sciences of mind*. Cambridge: Harvard University Press, 2007. 543 p.
10. Descartes R. *Meditations on first philosophy with selections from the objections and replies*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 336 p.
11. Van Gulick R. *Consciousness*. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2022 ed.). E.N. Zalta, U. Nodelman (eds). URL: = <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/consciousness/>
12. Husserl E. *Idey k chistoy fenomenologii I fenomenologicheskoy filosofii*: In 3 vol. Moscow: DIK. 1999. Vol. 1. 336 p. (In Russ.)
13. Romdenh-Romluc K. *Routledge philosophy guidebook to Merleau-Ponty and phenomenology of perception*. L.: Routledge, 2010. 260 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Gallagher S. *How the body shapes the mind*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. 294 p.

Информация об авторе: *Белоногова Валерия Олеговна* — аспирант Центра философии когнитивных наук и искусственного интеллекта философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (909) 789-17-75; belonogova.valeria@gmail.com

Information about the author: *Valeria O. Belonogova* — postgraduate student, Center for Philosophy of Cognitive Science and Artificial Intelligence, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (909) 789-17-75; belonogova.valeria@gmail.com

Поступила в редакцию 16.12.2024;
принята к публикации 02.06.2025

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 316.42

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-5-67-86

«ГЕОГРАФИЯ ОТЧАЯНИЯ»: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ЭПОХУ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

И.А. Вершинина¹, Т.С. Мартыненко¹, К.Л. Хомякова²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, г. Москва, Россия

²Независимый исследователь

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления последствий экологического кризиса, который становится источником новых вызовов для человечества. В центре внимания находится проблема экологических беженцев, приведены актуальные данные, свидетельствующие о глобальном масштабе «географии отчаяния». Рассмотрены основные теоретические подходы к изучению данной проблемы, особенности концептуализации понятий «экологические беженцы», «климатические беженцы» и «экологические мигранты». В статье уделяется внимание ключевым факторам возникновения проблемы экологических беженцев, в частности рассмотрена концепция виаполитики. Выявлено влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическое положение экологических беженцев. Проблема экологических беженцев вписана в дискурс об экологическом неокOLONIALИЗМЕ.

Ключевые слова: экологические беженцы, миграция, виаполитика, пандемия, экологический неокOLONIALИЗМ

Благодарности/Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00258, <https://rscf.ru/project/24-28-00258/>

SOCIAL PHILOSOPHY

Original article

“GEOGRAPHY OF DESPAIR”: ENVIRONMENTAL REFUGEES IN THE EPOCH OF CHANGE IN THE CLIMATE

И.А. Вершинина¹, Т.С. Мартыненко¹, К.Л. Хомякова²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, г. Москва, Россия

²Независимый исследователь

Abstract. The article attempts to understand the consequences of the environmental crisis, which is becoming a source of new challenges for humanity. The focus is on the problem of environmental refugees, and current data are provided indicating the global scale of the “geography of despair”. The main theoretical approaches to the study of this problem, the features of the conceptualization of the concepts of “environmental refugees”, “climate refugees” and “environmental migrants” are considered. The article pays attention to the key factors in the emergence of the problem of environmental refugees, in particular, the concept of viapolitics is considered. The impact of the COVID-19 pandemic on the socio-economic situation of environmental refugees is revealed. The problem of environmental refugees is inscribed in the discourse on environmental neocolonialism.

Keywords: environmental refugees, migration, viapolitics, pandemic, environmental neocolonialism

Acknowledgments/Financial Support

The study was supported by the Russian Science Foundation, project N 24-28-00258, <https://rscf.ru/project/24-28-00258/>

Введение

Рост степени загрязнения окружающей среды и изменение климата, последствием которого является увеличение числа природных катаклизмов и стихийных бедствий, актуализировали вопросы определения возможных пределов добычи природных ресурсов и оценки влияния человеческой деятельности на экологию. Последствия этой деятельности многообразны, и, как отметил современный шведский философ И. Иогансон, одна из важнейших онтологических проблем современности заключается в поиске ответа на вопрос, «как разместить общество в природе» [1, 314]. Потребительское отношение к природе во многом можно рассматривать как результат «диа-

лектики Просвещения», согласно которой «единственно чему хотят научиться люди у природы, так это тому, как ее использовать для того, чтобы полностью поработить и ее, и человека» [2, 17]. С одной стороны, стремительное порабощение природы вследствие промышленной революции и урбанизации ведет к тому, что «тема возвращения к земле становится одной из значимых социальных практик» [3, 18]. С другой стороны, среди социальных последствий изменения климата значимое место занимает проблема экологических беженцев, то есть «утраты земли», приобретающая в XXI в. глобальный характер.

Так, в 2022 г. в мире насчитывалось около 33 млн внутренних перемещений, связанных со стихийными бедствиями (преимущественно наводнениями и штормами), из которых примерно две трети приходится всего на пять стран — Пакистан, Филиппины, Китай, Индия и Нигерия¹. За последние 10 лет около 220 млн внутренних перемещений были спровоцированы климатическими причинами, что составляет приблизительно 60000 перемещений в день². Подобная «география отчаяния», предстающая как проблема экологических беженцев, сегодня обсуждается Организацией Объединенных Наций (ООН), Генеральный секретарь которой выражает «обеспокоенность масштабами перемещений населения, возникающих в результате климатических изменений»³ и указывает на то, что ООН нацелена на взаимодействие с другими организациями для защиты людей от подобного риска. Эксперты Всемирного банка прогнозируют, что в некоторых странах число перемещений, вызванных изменением климата, к 2050 г. достигнет 216 млн⁴, что еще раз подчеркивает масштабы проблемы.

Проблема экологических беженцев и вынужденных перемещений в целом приобрела новое звучание после пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Пандемия и сопутствующий ей кризис стали мощными факторами, усугубившими социальное положение

¹ Global report on internal displacement 2023. URL: https://api.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/IDMC_GRID_2023_Global_Report_on_Internal_Displacement_LR.pdf

² Global report on internal displacement 2024. URL: <https://api.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/IDMC-GRID-2024-Global-Report-on-Internal-Displacement.pdf>

³ Environment, disasters and climate change. URL: <https://www.unhcr.org/environment-disasters-and-climate-change.html>

⁴ Climate change could force 216 million people to migrate within their own countries by 2050 / The World Bank. 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/09/13/climate-change-could-force-216-million-people-to-migrate-within-their-own-countries-by-2050>

тех, кто был вынужден покинуть место своего проживания из-за природных катаклизмов и стихийных бедствий. Всемирный банк указывает, что в условиях ухудшения экологической ситуации особенно уязвимыми оказываются люди, живущие за чертой бедности, обладающие меньшей вариативностью источников средств к существованию и большей зависимостью от цен на продовольствие⁵. Согласно данным МОМ, 70% стран, больше всего пострадавших от изменения климата, не могут похвастаться высокими доходами на душу населения⁶, что подчеркивает высокую социальную значимость данной проблемы. Из 216 млн перемещений, вызванных изменением климата, прогнозируемых к 2050 г., 86 млн придется на Африку южнее Сахары, 49 млн — на Восточную Азию и Тихоокеанский регион, 40 млн — на Южную Азию⁷. Ряд исследователей отмечают, что современное состояние «географии отчаяния» необходимо характеризовать как катастрофу [4], ставшую результатом экологического кризиса, в условиях которого целые слои населения могут оказаться в ситуации резкого сокращения средств к существованию.

Особенности взаимосвязи миграции и изменения климата стали одной из основных тем, обсуждаемых в рамках Конференции ООН по изменению климата, последняя из которых прошла осенью 2025 г. в Баку. В выступлениях экспертов на протяжении нескольких лет подчеркивается, что деградация почв уже оказывает негативное влияние на условия жизни 3,2 млрд человек, в то время как повышение уровня моря, связанное с глобальным потеплением (критической отметкой до 2030 г. является потепление на 1,5 градуса по Цельсию), может привести к затоплению земель, на которых проживает около 280 млн человек⁸. Экологическая миграция в целом рассматривается специалистами как сложное и многогранное явление, требующее детального анализа.

О системном характере проблемы экологических беженцев свидетельствует ее взаимосвязь с темой безгражданственности [5], которая также находится в центре внимания современных иссле-

⁵ Groundswell. Acting on internal climate migration. Part II. World Bank Group: Washington, 2021. P. 37.

⁶ Climate mobility road map. IOM MECC 2021-2030 strategy. URL: <https://environmentalmigration.iom.int/sites/g/files/tmzbd11411/files/documents/2024-06/climate-mobility-road-map-final.pdf>. P. 5.

⁷ Climate change could force 216 million people to migrate within their own countries by 2050 / The World Bank. 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/09/13/climate-change-could-force-216-million-people-to-migrate-within-their-own-countries-by-2050>

⁸ Glasgow Climate Change Conference. URL: <https://unfccc.int/>

дователей. Рост интереса к данному явлению обусловлен беспрецедентным увеличением количества людей по всему миру, не имеющих национальной принадлежности, то есть лиц без гражданства. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, на конец 2024 г. насчитывалось около 4,4 млн людей без гражданства, проживающих в 101 стране⁹, однако с учетом официально незарегистрированных случаев данная цифра может достигать 10 млн. Эксперты указывают на то, что в условиях изменения климата и повышения уровня моря риску безгражданственности подвержены в основном островные и прибрежные государства (Бахрейн, Вьетнам и другие). «Последствия повышения уровня моря затронут сотни миллионов людей. Даже в условиях реализации защитных механизмов это явление приведет к длительному перемещению населения и усугублению проблемы безгражданственности» [6: 870].

Необходимо отметить, что в научном дискурсе понятие «география отчаяния» употребляется в двух смыслах. Согласно первому из них, «география отчаяния» позволяет анализировать пространственное распределение самоубийств и вычленять социальные причины этого явления [7]. Однако в данной статье авторы опираются на другой смысл «географии отчаяния», согласно которому под ней понимаются экологическое неравенство и инвайронментальная несправедливость, в том числе в отношении развивающихся стран, результатом которых происходит неравномерное распределение экологических рисков и их последствий [8; 9].

Цель статьи — обозначить основные подходы к исследованию проблемы «географии отчаяния», в центре внимания которой находятся экологические беженцы, выявить особенности интерпретации социального статуса данной категории населения и специфику ее положения в современных условиях.

Кто такие экологические беженцы?

Несмотря на актуальность обозначенной темы, в международном праве статус экологического беженца формально не закреплен, что обуславливает необходимость исследования особенностей концептуализации данного понятия. Так, согласно Конвенции о статусе беженцев, принятой 28 июля 1951 г. в рамках Конференции полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, статус беженца предоставляется лицам, оказывающимся в ситуации преследования «по признаку расы, вероисповедания, гражданства,

⁹ UN High commissioner for refugees, refugee data finder. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/>

принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений»¹⁰. В данном определении изменения окружающей среды не упомянуты в качестве фактора, влияющего на перемещение.

В связи с этим некоторые исследователи считают, что было бы некорректно использовать термин «беженец» в данном контексте, и указывают на то, что следует вести речь об «экологических мигрантах». Глава отдела миграции, окружающей среды и изменения климата Международной организации по миграции Д. Ионеско подчеркивает, что «создание специального статуса экологического беженца может привести к правовой и социальной эксклюзии категорий людей, нуждающихся в защите, особенно беднейших мигрантов, на перемещение которых оказывают влияние наряду с экологическими множество других факторов»¹¹. В данной связи указание на необходимость учета комплекса условий, определяющих состояние проблемы, является справедливым.

В то же время специалисты Европейской парламентской исследовательской службы указывают на то, что «термин “мигрант” не всегда уместен, так как предполагает свободу волеизъявления при принятии решения о перемещении»¹², что оставляет за пределами анализа насильственный характер данного явления. По мнению современных исследователей, «в то время как климатических беженцев можно представить как “жертв” изменения климата, климатические “мигранты”, по сути, становятся свободными личностями с предпринимательским духом, мыслящими стратегически» [10, 12]. Иными словами, использование понятия «мигрант» во многом снимает вопрос об ответственности за происходящие изменения климата и окружающей среды.

Хотя экологический фактор формально не закреплен в нормативно-правовых документах в качестве основания для присуждения статуса беженца, само понятие «экологический беженец» сегодня все чаще используется в общественном и научном дискурсах. На наш взгляд, наиболее адекватным представляется определение экологических беженцев как *перемещенных лиц* в результате экологических и климатических бедствий (а также в связи с постепенным и необратимым ухудшением экологической ситуации). В данном контек-

¹⁰ The concept of “climate refugee”: Towards a possible definition. URL: <https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference>

¹¹ Let's talk about climate migrants, not climate refugees. URL: <https://rosanjose.iom.int/SITE/en/blog/lets-talk-about-climate-migrants-not-climate-refugees>

¹² The concept of “climate refugee”: Towards a possible definition. URL: <https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference>

сте понятие экологических беженцев шире по своему содержанию, чем понятие «климатические беженцы», так как включает в себя не только метеорологические условия местности, но и состояние растительного и животного мира, воды и прочие характеристики окружающей среды. Кроме того, определение данной категории лиц как перемещенных свидетельствует о насильственном, вынужденном характере смены места их пребывания, что еще раз подчеркивает значимость и остроту исследуемой проблемы.

Результатом климатических изменений, имеющих порой необратимый характер, становится возникновение новой реальности, осмысление которой осуществляется в рамках соответствующих теоретических подходов. Исследуя историю трансформации проблематики экологических беженцев, К. Макнамара рассматривает особенности формирования дискуссии вокруг данного вопроса, описывая эволюцию взглядов и перспектив изучения проблемы. В зависимости от того, кто выступает субъектом, ответственным за возникновение проблемы экологических беженцев, а также от комплекса воздействующих на нее факторов, ученый выделяет несколько концепций, которые оказали значительное влияние на текущий статус данной группы населения. В частности, в рамках подхода, предложенного У. Вогтом в середине XX в. и в дальнейшем разрабатываемого в трудах Л. Брауна [11] и Э. Эль-Хиннави [12], экологические беженцы рассматриваются как «преступники», деятельность которых в итоге привела к деградации окружающей среды. Макнамара подчеркивает, что, по мнению данных исследователей, «сокращение ресурсов является прямым результатом уничтожения лесов и нерациональных методов ведения сельского хозяйства, таких как чрезмерный выпас скота и интенсивное растениеводство» [13, 78]. В результате подобной «варварской» деятельности люди были вынуждены покинуть свои земли в поисках пригодных для выживания условий. Тем самым сторонники данного подхода рассматривают экологических беженцев как непосредственных «виновников» их собственного положения.

Иная трактовка причин возникновения данной проблемы была предложена в 1990-е гг. современным американским исследователем Дж. Якобсон [14]. Макнамара подчеркивает, что в рамках его подхода экологические беженцы рассматривались как «жертвы» независящих от них обстоятельств, а именно последствий хищнической политики промышленно развитых стран, отсутствия должной инфраструктуры для ведения сельского хозяйства, роста населения и нищеты. «Ответственность за текущее состояние проблемы была возложена непосредственно на развитые страны, модели потребле-

ния энергии, производственная деятельность которых привели к необратимым изменениям экологии и ухудшению климата» [13, 85]. Во многом подобная интерпретация положения экологических беженцев представляет собой попытку обратить внимание общественности, научного сообщества, государств и субъектов глобального рынка на высокую степень значимости рассматриваемой проблемы. Идеи американского исследователя в дальнейшем поддерживались и разрабатывались другими экспертами по вопросам окружающей среды и климата (Н. Майерсом [15], Дж. Троллдаленом [16] и др.), а также легли в основу дебатов о проблеме экологических мигрантов и беженцев.

Рассматривая особенности международного статуса экологических беженцев, Макнамара особое внимание уделяет анализу подхода, разработанного в рамках Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и в дальнейшем развиваемого Международной организацией по миграции. Согласно решению Симпозиума 1996 г., возглавляемого УВКБ ООН, государствам рекомендовалось проводить политику адаптации населения к изменениям климата, включающую реализацию просветительских кампаний по вопросам рационального использования ресурсов и расширения технических возможностей в условиях окружающей среды. Как отмечает исследователь, «определение лиц, перемещенных в результате процессов деградации земель как “адаптирующихся субъектов”, значительно отличалось от характеристики экологических беженцев как “преступников” или “жертв”» [13: 112]. Данная формулировка с акцентом на длительный процесс адаптации устраняла необходимость в оперативной реализации защитных механизмов со стороны ООН для пострадавших людей, что привело к временному прекращению дебатов по данному вопросу.

Основной причиной подобного замалчивания проблемы, по мнению Макнамары, является нежелание развитых стран брать на себя ответственность за загрязнение окружающей среды. На фоне вступления в силу Рамочной конвенции ООН об изменении климата в 1994 г. любые дополнительные политические дебаты по институционализованному признанию и защите экологических беженцев были не выгодны странам-лидерам, использующим ископаемые виды топлива. «Правительства Австралии и США отказались подписывать Киотский протокол в 1997 г., поскольку он требовал от стран брать на себя ответственность за свои действия, негативные последствия которых ощущаются за пределами их национальных границ» [13, 114]. В результате признание проблемы на официальном уровне было отложено до начала XXI в.

Контуры современной «географии отчаяния»

Концепции экологических беженцев как «адаптирующихся субъектов» и «миграции как адаптации» в целом, в рамках которых подчеркивается положительный потенциал миграции, позволяющей получить доступ к источникам средств к существованию, сегодня подвергаются критике. Так, современные исследователи [17] указывают на следующие моменты, свидетельствующие о спорном характере данного подхода: во-первых, миграция может стать вариантом выживания только для определенных групп населения и при определенных обстоятельствах; во-вторых, миграция может привести к росту уязвимости и снижению адаптационных возможностей; в-третьих, миграция не является успешной адаптацией, если она сопровождается потерей социальных связей, разрывом с традициями, социальным порядком, приводит к размыванию идентичности и проблемам с ментальным здоровьем людей; в-четвертых, миграция, представляющая собой успешную адаптацию на микроуровне, может скрывать системное бездействие правительства на макроуровне и усиливать структурное неравенство. Подобного рода аргументы определяют необходимость учета множества факторов в процессе анализа проблемы, влияющих не только на образование потоков экологических беженцев, но и на рассмотрение условий их социально-экономической и культурной интеграции.

Взаимосвязь между понятиями климатического мигранта, климатического беженца и подходом, в рамках которого перемещения, вызванные изменением климата, трактуются как адаптивная стратегия, рассматривается в работах современного исследователя из Швейцарии Р. Фелли. Ученый выступает с критикой данной концепции и указывает на то, что в подобной трактовке «климатические беженцы определяются не как жертвы изменения климата, вызванного деятельностью промышленно развитых стран, а как “предприниматели”, которые самостоятельно могут не только выбраться из состояния нищеты, но и повысить “устойчивость” общин, к которым они принадлежат, не нуждаясь при этом в государственной помощи и защите [10, 17]. Иными словами, климатическая миграция в данном случае больше не является вынужденной, становится одной из добровольно выбираемых стратегий адаптации к новым условиям окружающей среды и интерпретируется в целом как позитивный процесс. Подобное представление формируется в контексте функционирования и влияния глобальной капиталистической экономики, принципы которой также оказываются в центре дискуссии о проблеме экологических беженцев.

Специфику миграционных процессов, являющихся следствием изменения климата и ухудшения условий окружающей среды, анализирует современный американский социолог С. Сассен. Рассматривая особенности функционирования субъектов глобальной экономики, исследователь уделяет особое внимание экологическим и социальным последствиям реализации программы реструктуризации, проводимой Международным валютным фондом, Всемирным банком и Всемирной торговой организацией в 1980-е гг. Данная программа включала в себя «нормы надлежащего управления экономикой, в случае соблюдения которых страна может добиться роста и процветания» [18, 83], среди которых особенно важными, по мнению ученого, являются приоритет выплаты внешнего долга и приватизация большинства услуг. Результатом реализации подобных мер стало ослабление местных правительств, сокращение финансирования социальной сферы и увеличение доступа к земле, представляющей собой ценный ресурс в условиях глобального рынка.

По мнению Сассен, процессы деградации земель, загрязнения воды и воздуха, таяния вечной мерзлоты и массовых наводнений являются следствием роста объема приобретений земель (большая часть которых приходится на Африку, Латинскую Америку и Центральную Азию), закупаемых иностранными правительствами и фирмами с целью выращивания сельскохозяйственных культур для производства биотоплива. Деятельность по неограниченной добыче природных ресурсов на этих территориях приводит к тому, что земля становится непригодной для жизни и люди вынуждены мигрировать в поисках минимально возможных условий существования. Социолог предлагает понятия «массовая потеря среды обитания» (ситуация вынужденной миграции, в результате которой люди лишаются жизненно необходимых благ, земельной собственности, социальных и политических прав) и «выталкивание» (результат процесса «массовой потери среды обитания», который сопровождается полным исключением субъекта из жизненно важных систем – экономической, социальной и экологической) [19], посредством которых стремится подчеркнуть системный характер процессов, являющихся следствием политики, проводимой субъектами глобального финансового рынка.

В подобной ситуации неопределенности статуса экологических беженцев и нерешенности вопроса соотношения понятий «экологический мигрант» и «экологический беженец» актуальными становятся подходы, в рамках которых миграция представлена как сложный, многогранный и противоречивый процесс, который включает в себя

множество взаимосвязанных компонентов, а также рассматривается с точки зрения политического дискурса. Концепция виаполитики (*viapolitics*) базируется на следующих тезисах: «1) в процессе исследования миграции необходимо уделять особое внимание транспортным средствам, которые вовлечены в миграционные потоки (корабли, поезда, автобусы и другие); 2) транспортные средства являются движимыми пространствами управления и борьбы; 3) транспортные средства могут выступать объектами политических действий» [20, 5]. Иными словами, изучение миграции должно быть основано на изучении транспорта как института, включенного в социально-политический дискурс о миграционной политике, властных отношениях и границах.

Ключевыми аспектами виаполитики, наряду с транспортными средствами, маршрутами и инфраструктурой, являются «характеристики окружающей среды (засушливые пустыни, моря, горные цепи и прочее)» [20, 28], влияющие на формирование миграционных потоков и определяющие особенности законодательства в отношении мигрантов и беженцев. В качестве примера исследователи рассматривают ситуацию между Мексикой и США [20, 28], на границе которых было сосредоточено огромное количество американских полицейских с целью сдерживания миграционных потоков мексиканцев. В результате мигранты, часто рискуя жизнью, были вынуждены искать альтернативные маршруты, прокладывая путь через засушливую и опасную пустыню Сонору.

В целом потенциал концепции виаполитики в исследовании проблемы экологических беженцев заключается, во-первых, в рассмотрении геофизического фактора как важного условия, который во взаимосвязи с проводимой политикой государств определяет особенности направления передвижений. Во-вторых, транспортные средства и инфраструктура становятся, как отмечают исследователи, частью процесса развертывания борьбы беженцев за реализацию своих прав. Подобная идея разрабатывалась в рамках подхода, определяющего экологических беженцев как «жертв», которые вынуждены мигрировать, используя для этого все возможные пути и маршруты, фактически вступая в процесс «борьбы за выживание». Вместе с тем некоторые исследователи не акцентируют внимание на причинах изменения экологической ситуации и ухудшения климата, что является неотъемлемым компонентом анализа проблемы экологических беженцев.

Таким образом, значимость проблемы экологических беженцев признается международными общественными организациями и научным сообществом в целом. Однако в отношении ключевых

причин ее возникновения и субъектов, ответственных за бедственное положение лиц, перемещенных в результате изменения климата и окружающей среды, единой точки зрения на сегодняшний день не сложилось. Кроме того, в рамках данной дискуссии фактически не обсуждается вопрос о социально-экономическом и правовом статусе экологических беженцев, что также является темой для дальнейшего исследования.

Экологические беженцы и пандемия COVID-19

Современная социальная и политическая повестка накладывают свой отпечаток на проблему экологических беженцев. Подчеркнем, что актуальность проблемы экологических беженцев значительно возросла в условиях и после пандемии COVID-19. Анализ особенностей взаимосвязи пандемии COVID-19 и насильственных перемещений, вызванных изменением климата и окружающей среды, представлен в работах британского исследователя А. Беттса. Он отмечает, что «изменение климата и социально-экономические последствия COVID-19 являются наиболее важными глобальными проблемами современного мира, определяющими объем и направления потоков беженцев» [21, 372]. Ученый стремится выявить взаимосвязь между экологическими и климатическими трансформациями, характеристиками перемещений населения и особенностями государственного управления. «В государствах со слабым правительством изменение климата окажет наибольшее влияние на перемещение населения» [21, 41]. В качестве примеров Беттс рассматривает вынужденные переселения местных общин Гондураса, Гватемалы, Сальвадора, Никарагуа в США [21, 41] в целях поиска убежища, вызванные сочетанием ряда таких факторов, как конфликты, слабое государственное управление, изменение климата и экологические бедствия.

Следует отметить близость идей британского исследователя рассмотренной ранее концепции, в рамках которой экологические беженцы представляются «жертвами» проводимой экономической и социальной политики государств и транснациональных субъектов. «Изменение климата, слабость государственного управления и повсеместное насилие приводят к увеличению числа случаев бегства ради *выживания*. При этом лишь некоторые, кто решил оставить свой дом, получают признание в рамках новой системы» [22: 204]. В данном случае Беттс стремится обозначить проблему пограничного, зачастую маргинального положения перемещенных лиц, характеризующихся отсутствием прав и жизненно необходимых благ.

Нельзя не согласиться с британским исследователем в том, что в условиях COVID-19 «как никогда важно сменить парадиг-

му «беженцы как бремя» на «беженцы как благо» [21, 337], обозначив в качестве ведущей цели создание условий для комфортной жизнедеятельности и развития потенциала людей. Подход Бетса можно охарактеризовать как «человекоцентристский», сосредоточивающийся на человеческом капитале беженцев, на их «знаниях, навыках, талантах и устремлениях» [21, 337], которые могут внести заметный вклад в экономическое, социальное и культурное развитие принимающих стран.

Пандемия как ключевой фактор, определяющий современную повестку дня, выявила и во многом усугубила социальные проблемы, которые требуют совместных решений. Речь идет о формировании новой реальности, отличающейся высокой степенью неопределенности, нестабильностью и многообразием социальных рисков. Анализ характеристик постковидного мира и экологической ситуации в условиях пандемии COVID-19 представлен в работе современного французского философа Б. Латура.

В работе «После локдауна. Метаморфозы» [23] исследователь стремится выявить особенности реальности после начала распространения коронавирусной инфекции. При этом он начинает описание именно с экологической проблематики, подчеркивая ее актуальность. «Мне приходится нести за собой длинный след CO₂, который не позволяет просто купить билет на самолет и полететь куда-либо. Этот след мешает каждому моему движению до такой степени, что я едва осмеливаюсь печатать что-то на клавиатуре ноутбука, опасаясь, что где-нибудь далеко тает вечная мерзлота» [23, 13]. Тем самым Латур указывает на проблему изменения климата, которая наряду с пандемией становится фактором, определяющим образ жизни и мысли людей.

Проводя сравнительный анализ доковидного и постковидного миров, французский исследователь приходит к выводу о возникновении принципиально новой реальности, кардинальным образом отличающейся от предшествующей. «На мой взгляд, во время пандемии COVID-19 многие из нас в полной мере осознали риски, связанные с дальнейшим существованием всех форм жизни» [23, 39], — отмечает ученый, подчеркивая состояние комплексного кризиса, охватившего все сферы общественной жизни, в том числе экологию, экологию и социальное взаимодействие.

Одним из центральных моментов сравнения различных типов реальности Латуром является тезис о том, что в рамках постковидного мира меняется понимание природы и ее сущности. Представление о природе как об однородном, гармоничном и непрерывном единстве органического, воспроизводящего порядок вещей, про-

образ которой воплощает в себе древнегреческая богиня земли Гея, трансформируется коренным образом. Как он отмечает, «природа теперь не является чем-то “зеленым”, органическим; прежде всего, она состоит из производителей и производимого» [23, 20], обращая внимание на взаимосвязь проблем экологии, изменения климата и деятельности человека.

Исследователь приходит к выводу о детерминированности всех природных процессов, особенности динамики которых зависят от деятельности человека. По его мнению, «на Земле нет ничего абсолютно “естественного” с точки зрения того, к чему не прикасалось бы ни одно живое существо: все создается, изобретается, собирается воедино и поддерживается организациями, каждая из которых стремится к собственной цели» [23, 25]. Несмотря на то что Латура в своей работе подробно не рассматривает проблему экологических беженцев, можно сделать вывод о том, что все экологические проблемы и связанные с ними вынужденные перемещения возникают как следствие реализации политики определенных государственных или транснациональных субъектов, преследующих собственные интересы.

Рассматривая социально-экономические и экологические проблемы постковидной реальности, французский исследователь вводит понятие «критическая зона», фиксируя состояние напряженности, хрупкости современного мира. «Жить в “критической зоне” означает учиться жить дольше других поколений, не подвергая, при этом опасности формы жизни, которые появятся позже» [23, 31]. Тем самым философ формулирует значимый на сегодняшний день вопрос об ответственности за происходящие изменения в области экологии и окружающей среды, а также в сфере глобального потребления ресурсов в целом. По мнению Латура, пандемия продемонстрировала тот факт, что в современном мире «мы не можем просто бесконечно извлекать ресурсы и избавляться от отходов. В критической зоне мы должны поддерживать то, что у нас есть, потому что оно ограничено, локально, подвержено риску и является объектом современных форм конфликта» [23, 31]. Данным принципом необходимо руководствоваться как на локальном, так и на глобальном уровне принятия решений, определяющих сегодня повестку дня.

Экологический неокOLONиализм в современном мире

Проведенный анализ демонстрирует, что существенное влияние на положение экологических беженцев и их дальнейшую судьбу оказывает не только собственно состояние окружающей среды, но и способы оценки и интерпретации их положения. В этом отноше-

нии фактором, усугубляющим положение подобных уязвимых групп населения, оказывается экологический неокOLONиализм, который представляет собой одну из новейших форм неокOLONиального влияния [24]. Экологический неокOLONиализм представляет собой форму воздействия одних стран (обычно западных и экономически развитых) на другие (находящиеся преимущественно за пределами Европы и не характеризующиеся высоким уровнем благосостояния), при которой происходит эксплуатация природных ресурсов и окружающей среды последних. При этом чаще всего это воздействие носит латентный характер и приводит к несправедливому распределению ресурсов и закреплению и росту социального неравенства. В отношении экологических беженцев и их политического статуса фиксируются категориальные неравенства [25], когда способ их наименования («мигранты», «беженцы» и др.) напрямую влияет на их социальные возможности. При этом сами субъекты наделяются благодаря присваиванию категорий определенными характеристиками, описанными выше: «жертвы», «преступники» и др. Экологический неокOLONиализм оказывает влияние на экологических беженцев одновременно несколькими способами.

Во-первых, речь идет о непосредственной эксплуатации и, как следствие, о деградации окружающей среды развивающихся стран и вынужденном вытеснении людей с привычных территорий. Дешевая стоимость рабочей силы и ресурсов позволяет западным странам вывозить токсичные отходы, перевозить опасные производства за свою границу. Кроме того, деятельность отдельных транснациональных корпораций часто приносит ущерб развивающимся странам. Так, например, в Нигерии регулярно происходят разливы нефти на терминале компании Shell¹³. Подобные ситуации негативно влияют на жизнь и здоровье людей, снижают биоразнообразие и могут затруднить ведение сельскохозяйственных работ.

Во-вторых, следует отметить климатическое влияние. В то время как основной вклад в изменение климата был внесен западными странами, менее обеспеченные государства часто испытывают радикальное влияние этого процесса, например, опустынивание широко распространено в Африке, а отдельные островные государства (Тувалу, Кирибати, Маршалловы острова, Мальдивы и др.) и вовсе могут быть в скором времени полностью затоплены и породить тысячи экологических беженцев.

¹³ Авария на трубопроводе Shell вызвала разлив нефти в Африке / Ecopravda.ru. 15.03.2023. URL: <https://www.ecopravda.ru/mir/avariya-na-truboprovode-shell-vyzvala-razliv-nefti-v-afrike/>

В-третьих, особенно следует отметить навязывание «зеленых» стандартов и практик. Более широкие экономические возможности развитых стран позволяют им, с одной стороны, вводить более эффективные технологические решения в своих странах, а с другой стороны, требовать, например под предлогом непредоставления кредита, реализации экологических практик в развивающихся странах, для которых это становится новой преградой на пути социально-экономического благополучия. Более того, нередко предлагаемые решения не обладают явными экологическими преимуществами в сравнении, например, с традиционными практиками народов, но продвигаются по причине коммерческой выгоды корпораций, которые их предлагают. Тем самым вновь подрывается экологическое благополучие незащищенных стран и регионов.

Представляется, что решение указанных проблем может выстраиваться по нескольким направлениям. Первым шагом должна стать разработка правовой базы для признания экологических беженцев и их возможностей, поскольку ситуация правовой неопределенности создает те самые коллизии, которые негативным образом сказываются на положении рассматриваемых социально уязвимых групп населения. При том, что количество экологических беженцев будет возрастать, подобное решение должно быть разработано в ближайшее время. Вторым шагом по сокращению негативных последствий экологического неокOLONиализма, на наш взгляд, могло бы выступить регулирование деятельности транснациональных корпораций, а также введение обязательной системы компенсации за причиненный вред (подобный тому, который был рассмотрен на примере Нигерии и компании Shell). В настоящее время существуют фонды поддержки стран, тем не менее их работа по-прежнему является непрозрачной и бессистемной, а порой и частью неокOLONиального влияния. Еще одним шагом может стать укрепление местных сообществ, которые будут способствовать распространению традиционных практик природы пользования, а также будут иметь возможность принимать участие в решениях относительно ресурсов на территориях, которые им принадлежат. Игнорирование проблемы экологических беженцев может привести к масштабным гуманитарным кризисам и дестабилизации мирового порядка.

Заключение

Для современного мира характерно неравномерное распределение экологических рисков и их социальных последствий, одним из результатов которого стали десятки миллионов экологических беженцев. Их число, по прогнозам, может вырасти в несколько раз к се-

редине XXI в., причем значительная часть из них будет приходиться на Африку южнее Сахары. Данная ситуация названа «географией отчаяния», поскольку очевидна инвайронментальная несправедливость, когда результаты климатических изменений и связанные с ними вынужденные перемещения ведут к наиболее серьезным социально-экономическим последствиям для людей, живущих за чертой бедности и находящихся в уязвимом положении.

Анализ соответствующих теоретических подходов продемонстрировал, что климатическая миграция рассматривается некоторыми учеными как одна из добровольно выбираемых стратегий адаптации к новым условиям окружающей среды и интерпретируется в целом как позитивный процесс. Однако в данной статье показано, что многие экологические беженцы являются «жертвами» независящих от них обстоятельств, а именно последствий агрессивного освоения природных ресурсов развитыми странами, что позволяет указать на реализуемую в современном мире политику экологического неокOLONиализма, в первую очередь, в отношении развивающихся стран.

На основании рассмотренных в статье концепций можно сделать вывод о том, что проблема экологических беженцев во многом предстает как проблема поиска субъектов, ответственных за ее возникновение. За рамками дискуссий остаются вопросы идентификации правового и социального статуса экологических беженцев, особенности положения данной категории людей в условиях COVID-19. Значительное влияние на проблему экологических беженцев сегодня оказывают практики экологического неокOLONиализма, влияющие не только на загрязнение окружающей среды, но и на способы противостояния стран этим экологическим трансформациям. Обозначенные в статье варианты решения проблемы представляют собой всего лишь контуры потенциальных способов снижения негативных последствий. Поскольку эта проблема в ближайшее время затронет значительное число стран по всему миру, она требует не только международного сотрудничества на политическом поле, но и дальнейших междисциплинарных исследований, а также изменения отношения к окружающей среде.

Основы экологического мышления, в котором будут учтены ценностные аспекты и подходы к природе, могут быть укоренены в художественных произведениях, религиозно ориентированной этике [26] и любых других источниках, но его необходимость не вызывает сомнений, поскольку последствия изменения климата уже очевидны и требуют решительных действий. Проблема экологических беженцев является лишь одним из вызовов современности, который

требует разработки новых исследовательских подходов к ее осмыслению, четкости в определении пересекающихся по смыслу понятий и поиска путей ее преодоления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Johansson I.* Ontological investigations: An inquiry into the categories of nature, man, and society. L.; N.Y.: Routledge, 1989. 377 p.
2. *Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения: Философские фрагменты. СПб.: Медиум, 1997. 311 с.
3. *Козырев А.П.* Концепт «Мать сыра земля»: народная вера и религиозная философия // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2024. № 6. С. 3–21.
4. *Milner J., Davies M., Haines A., Huxley R., et al.* Emerging from COVID-19: Lessons for action on climate change and health in cities // *Journal of Urban Health*. 2021. Vol. 98, N 3. P. 1–5.
5. *Siegelberg M.L.* Statelessness: A modern history. Cambridge: Harvard University Press, 2020. 328 p.
6. *Piguet E.* Climatic statelessness: Risk assessment and policy options // *Population and Development Review*. 2021. Vol. 45, N 4. P. 865–883.
7. *Middleton N., Sterne J.A., Gunnell D.* The geography of despair among 15-44-year-old men in England and Wales: Putting suicide on the map // *Epidemiol Community Health*. 2006. Vol. 60, N 12. P. 1040–1047.
8. *Batisani N., Ranko O.* The geography of despair: Urban environmental injustice through income-based residential zonation, Gaborone City, Botswana // *Journal of Urban and Environmental Engineering*. 2012. Vol. 6, N 2. P. 94–103.
9. *Bolin R., Grineski S., Collins T.* The geography of despair: Environmental racism the making of South Phoenix, Arizona, USA // *Human Ecology Review*. 2005. Vol. 12, N 2. P. 156–168.
10. *Felli R.* Managing climate insecurity by ensuring continuous capital accumulation: “Climate refugees” and “Climate migrants” // *New Political Economy*. 2012. Vol. 18, N 3. P. 337–363.
11. *Brown L., McGrath P., Stokes B.* Twenty-two dimensions of the population problem: Worldwatch Paper 5, Washington: Worldwatch Institute, 1976. 83 p.
12. *El-Hinnawi E.* Environmental refugees. Nairobi: UNEP, 1985. 41 p.
13. *McNamara K.* The politics of ‘environmental refugee’ protection at the United Nations. Sydney: BEnvSc.(Hons) UNSW, 2006. 341 p.
14. *Jacobson J.* Environmental refugees: A yardstick of habitability. Washington: The Worldwatch Institute, 1988. 46 p.
15. *Myers N.* Environmental refugees // *Population and Environment*. November 1997. Vol. 19. P. 167–182.
16. *Trolldalen J.* International environmental conflict resolution: the role of the United Nations / World foundation for the environment. N.Y.: UNITAR, 1992. 199 p.
17. *Vinke K., Bergmann J., Blocher J., Upadhyay H., Hoffmann R.* Migration as adaptation? // *Migration Studies*. 2020. Vol. 8, N 4. P. 626–634.
18. *Sassen S.* Expulsions: Brutality and complexity in the global economy. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014. 304 p.
19. *Хомякова К.Л.* Миграция в условиях глобализации: современные тенденции и социальные проблемы (на примере теории Саскии Сассен) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 136–140.

20. Walters W., Heller C., Pezzani L. *Viapolitics: Borders, migration, and the power of locomotion*. Durham; L.: Duke University press, 2022. 320 p.
21. Betts A. *The wealth of refugees: How displaced people can build economies*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 450 p.
22. Betts A., Collier P. *Refuge: Rethinking refugee policy in a changing world*. Oxford: Oxford University Press. 2017. 292 p.
23. Latour B. *After lockdown: A metamorphosis*. Cambridge, Medford: Polity Press, 2021. 180 p.
24. Вершинина И.А., Лядова А.В., Мартыненко Т.С., Григорьева Е.А. Современный дискурс о неокOLONIALИЗМЕ: Аналитический обзор исследований // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 3. С. 233–256.
25. Tilly Ch. *Durable inequality*. Berkeley: University of California Press, 1998. 299 p.
26. Козырев А.П. Взросление духа: О некоторых философских истоках экологического мышления М.М. Пришвина // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 10–15.

REFERENCES

1. Johansson I. *Ontological investigations: An inquiry into the categories of nature, man, and society*. L.; N.Y.: Routledge, 1989. 377 p.
2. Adorno T., Horkheimer M. *Dialectic of Enlightenment. Philosophical fragments*. St. Petersburg: Medium, 1997. 311 p. (In Russ.)
3. Kozыrev A.P. The concept of “mat’-syra-zemlya”: Folk belief and religious philosophy. *Lomonosov Philosophy Journal*. 2024. N 6. P. 3–21. (In Russ.)
4. Milner J., Davies M., Haines A., Huxley R., et al. Emerging from COVID-19: Lessons for action on climate change and health in cities. *Journal of Urban Health*. 2021. Vol. 98, N 3. P. 1–5.
5. Siegelberg M.L. *Statelessness: A modern history*. Cambridge: Harvard University Press, 2020. 328 p.
6. Piguet E. Climatic statelessness: Risk assessment and policy options. *Population and Development Review*. 2021. Vol. 45, N 4. P. 865–883.
7. Middleton N., Sterne J.A., Gunnell D. The geography of despair among 15-44-year-old men in England and Wales: Putting suicide on the map. *Epidemiol Community Health*. 2006. Vol. 60, N 12. P. 1040–1047.
8. Batisani N., Ranko O. The geography of despair: Urban environmental injustice through income-based residential zonation, Gaborone City, Botswana. *Journal of Urban and Environmental Engineering*. 2012. Vol. 6, N 2. P. 94–103.
9. Bolin R., Grineski S., Collins T. The geography of despair: Environmental racism the making of South Phoenix, Arizona, USA. *Human Ecology Review*. 2005. Vol. 12, N 2. P. 156–168.
10. Felli R. Managing climate insecurity by ensuring continuous capital accumulation: “Climate refugees” and “Climate migrants”. *New Political Economy*. 2012. Vol. 18, N 3. P. 337–363.
11. Brown L., McGrath P., Stokes B. *Twenty-two dimensions of the population problem: Worldwatch Paper 5*, Washington: Worldwatch Institute, 1976. 83 p.
12. El-Hinnawi E. *Environmental refugees*. Nairobi: UNEP, 1985. 41 p.
13. McNamara K. *The politics of ‘environmental refugee’ protection at the United Nations*. Sydney: BEnvSc.(Hons) UNSW, 2006. 341 p.
14. Jacobson J. *Environmental refugees: A yardstick of habitability*. Washington: The Worldwatch Institute, 1988. 46 p.
15. Myers N. *Environmental refugees. Population and Environment*. 1997. Vol. 19. P. 167–182.

16. Trolldalen J. International environmental conflict resolution: the role of the United Nations. World foundation for the environment. N.Y.: UNITAR, 1992. 199 p.
17. Vinke K., Bergmann J., Blocher J., Upadhyay H., Hoffmann R. Migration as adaptation? *Migration Studies*. 2020. Vol. 8, N 4. P. 626–634.
18. Sassen S. Expulsions: Brutality and complexity in the global economy. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014. 304 p.
19. Khomyakova K.L. Migration in the context of globalization: Modern trends and social problems (based on Saskia Sassen's theory). *Tomsk State University Journal*. 2020. N 456. P. 136–140. (In Russ.)
20. Walters W., Heller C., Pezzani L. Viapolitics: Borders, migration, and the power of locomotion. Durham; L.: Duke University press, 2022. 320 p.
21. Betts A. The wealth of refugees: How displaced people can build economies. Oxford: Oxford University Press, 2021. 450 p.
22. Betts A., Collier P. Refuge: Rethinking refugee policy in a changing world. Oxford: Oxford University Press. 2017. 292 p.
23. Latour B. After lockdown: A metamorphosis. Cambridge, Medford: Polity Press, 2021. 180 p.
24. Vershinina I.A., Lyadova A.V., Martynenko T.S., Grigoryeva E.A. The neocolonial dimension of the green economy: The age of globalization: A study of contemporary global processes. 2025. N 1. P. 233–256. (In Russ.)
25. Tilly Ch. Durable inequality. Berkeley: University of California Press, 1998. 299 p.
26. Kozyrev A.P. The maturation of the spirit: On some philosophical origins of M.M. Prishvin's ecological thinking. *Voprosy Filosofii*. 2023. N 11. P. 10–15. (In Russ.)

Информация об авторах:

Вершинина Инна Альфредовна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (495) 939-21-37; urbansociology@yandex.ru

Мартыненко Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (495) 939-21-37; ts.martynenko@gmail.com

Хомякова Кристина Львовна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, тел.: +7 (495) 939-21-37; k.gribova@inbox.ru

Information about the authors:

Inna A. Vershinina — Doct. Sci. (Sociology), Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 939-21-37; urbansociology@yandex.ru

Tatiana S. Martynenko — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 939-21-37; ts.martynenko@gmail.com

Kristina L. Khomyakova — Cand. Sci. (Sociology), independent researcher, tel.: +7 (495) 939-21-37; k.gribova@inbox.ru

Поступила в редакцию 16.02.2025;
принята к публикации 02.06.2025

ЭСТЕТИКА

Научная статья

УДК 7.01

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-5-87-102

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В СВЕТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ НЕЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ И. КАНТА: МЕЖДУ ЖАНРОВЫМ СВОЕОБРАЗИЕМ И ФЕНОМЕНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Д.К. Жуков

Литературный институт им. А.М. Горького, 123104, Тверской бульвар, 25,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблематичность определения «документальных» произведений искусства как эстетических объектов (и произведений искусства как таковых) при обращении к ним с позиций классической эстетики — с учетом представления об эстетической незаинтересованности. Автор заключает, что предлагаемые современными философами искусства определения хотя и предполагают возможность отличия документальных (non-fiction) произведений от игровых (fiction), однако не проясняют их статуса как эстетических объектов, поскольку не отвечают на вопрос о характере (не-)заинтересованности в контексте восприятия. Утверждается, что ответить на тезис о незаинтересованности не удастся по причине эпистемологической проблематики, полагаемой философами искусства в основу различения документальных и игровых произведений. В феноменологическом ключе автором производится уточнение кантовского тезиса о незаинтересованности удовольствия, а также тезиса о «нейтрализации бытия». Исследуется механизм восприятия произведения искусства в отличие его от суждений о произведении. Благодаря такому подходу удастся выявить феноменальную специфику восприятия документальных произведений и обнаружить такой аутентичный опыт взаимодействия с произведением, как «документальный эффект».

Ключевые слова: эстетика, философия искусства, документальное произведение, незаинтересованность, Кант, Майнонг, феноменология, документальный эффект

AESTHETICS

Original article

DOCUMENTARY ART IN THE LIGHT OF I. KANT'S AESTHETIC DISINTEREST: BETWEEN GENRE ORIGINALITY AND THE SPECIFICITY OF PHENOMENAL EXPERIENCE

D.K. Zhukov

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, 25 Tverskaya Boulevard,
123104, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the problem of defining “documentary” works of art as aesthetic objects (and works of art as such) because of the idea of aesthetic disinterest as a normative criterion. The author examines the definitions of documentary film by contemporary philosophers of art and argues that the definitions given by the authors do not clarify the status of these works as aesthetic objects. This impossibility is due to the lack of an answer to the question about the nature of (dis)interest of perception of such works. The author concludes that philosophers fail to answer the thesis of disinterest due to the epistemological issues posed by them as the key to express the distinction between documentary and fiction works. Further, the author, in a phenomenological vein, clarifies Kant’s thesis about the “neutralization of being” and describes the mechanism of perception and the distinction between acts of representation and acts of judgment. Thanks to this solution, the author is able to identify the phenomenal specificity of the perception of documentary works and discover a “documentary effect” as an authentic experience of interaction with the work of art.

Keywords: aesthetics, philosophy of art, (non-)fiction work, disinterest, Kant, Meinong, phenomenology, documentary effect

Введение

Современные дискуссии, посвященные проблеме определения понятия «документальное» (кино, театр, литература), чаще всего обходят более фундаментальный вопрос: является ли такое произведение искусством как таковым. Прежде чем подходить к рассмотрению подобных произведений с точки зрения эстетики (и соответствующих категорий), имеет смысл прояснить принадлежность документальных работ к домену «искусство». То есть мы должны

ответить на следующие вопросы: связано ли документальное произведение с суждением вкуса? а потому связано ли оно с необходимостью с незаинтересованностью?

Формулируя суть эстетического суждения, Кант утверждает, что «благорасположение, которое определяет суждение вкуса, свободно от всякого интереса» [1, 153]. Так что первым моментом такого вида суждений оказывается его «незаинтересованный» характер, специфика которого проявляется через то, что «суждение вкуса есть чисто созерцательное суждения, то есть такое, которое, будучи безразличным к бытию предмета, лишь связывает его свойства с чувством удовольствия и неудовольствия» [1, 165–167].

При рассмотрении понятия незаинтересованности исследователи стремятся в том числе определить таким образом нормативность эстетического опыта и связанных с ним суждений — указать характеристику, которая делает некоторый опыт эстетическим. Также и само явление понимается здесь как эстетическое — как минимум, уместное для эстетической оценки¹.

Обращаясь к недавно опубликованной Л. Бергером монографии, посвященной специальному рассмотрению проблемы незаинтересованности [2, 4–7], мы можем обнаружить взгляды как «за» нормативность феномена незаинтересованности, так и «против». Не углубляясь в дискуссию, мы лишь обозначим свою позицию как полагающую незаинтересованность необходимым (хотя и недостаточным вместе с тем) условием эстетического опыта. Это такая позиция, которую Ник Зангвилл определяет как «скромное притязание» (the modest claim) утверждения незаинтересованности эстетического удовольствия [3, 60].

Понятие незаинтересованности обычно рассматривается в двух аспектах: негативном и позитивном. Первый выражается следующим образом: «Если удовольствие в предмете является эстетическим, то это не из-за того, как предмет удовлетворяет желания, потребности или повседневную [практическую] активность» [2, 4]. Положительную характеристику Зангвилл предлагает определять в том смысле, что «удовольствие или любовь к прекрасному — это просто прямой ответ на представление» [3, 62]².

¹ Подобные характеристики, по Канту, необъективны, ведь «целесообразность вещи, поскольку она представляется в восприятии, также не есть свойство самого объекта», она есть «то субъективное в представлении, что не может стать моментом познания» [1, 123].

² К. Городейски определяет этот аспект через характеристику «рефлексивности» эстетического суждения: удовольствие, непосредственно связанное с таким суждением, понимается как «имеющее активную, совершающуюся, рациональную и сознательную внутреннюю причинность» [4, 146].

В рамках статьи мы сосредоточимся на отсутствии интереса в *существовании* созерцаемого объекта³. Это уточнение необходимо по той причине, что известный тезис Канта, утверждающий, что «бытие не есть реальный предикат» [5, 771], рассматривается некоторыми философами как метафизический [6], а потому как будто идет в противоречие с незаинтересованностью удовольствия (и суждения) в акте эстетического восприятия. Так, например, считает Пол Гайер, замечая, что «имплицитное определение Кантом незаинтересованности в противовес интересу в существовании объекта кажется ненужным дополнением» [7, 15]. В виде полагания уместности произведенного Кантом уточнения незаинтересованности в существовании мы предлагаем развернуть феноменологическую линию понимания⁴ этой специфики эстетического опыта с опорой на идею немецкого философа о схватывании «представления о целесообразности»⁵, а не самого объекта. Подробнее наш вариант трактовки будет представлен в разделе «Феноменология незаинтересованности».

Философия искусства о специфике документальных произведений

Уяснив необходимые для дальнейшего продвижения тезисы, обратимся за ответом о принадлежности документальных произведений к философам искусства, разрабатывающим критерии различения документальных (non-fiction) и игровых (fiction) фильмов.

Реализм Г. Карри заложен в его определении документальных фильмов через понятие «след» (trace). Каждое изображение всегда «о чем-то», то есть является представлением реальности. Так, фотография, лежащая в основании кино, оказывается «о реальности». Сущность «следов» (к ним философ относит также отпечатки пальцев

³ Об отсутствии других разновидностей интереса в тезисе о незаинтересованности отсылаем к статье Городейски [4, 139–150].

⁴ Бергер, называя свой подход «феноменологическим», замечает, что имеет в виду не конкретную историческую традицию, а специфику ментальных состояний, определяемых через «на что это похоже» (what-is-it-likeness) [8, 33]. При этом удовольствие (как составной элемент «эстетического удовольствия») она предлагает понимать как ментальное состояние, ссылаясь на первое введение к «Критике способности суждения», в которой «фактически Кант определяет удовольствие как ментальное состояние или “состояние ума” (state of mind)» [8, 33]. Мы, в свою очередь, аналогично с Бергер определяем свой подход как феноменологический, отсылая к субъективному характеру опыта реципиента в процессе восприятия произведения — к вопросу «как это переживается?».

⁵ Так, Кант утверждает, что «не всегда же нам необходимо усматривать через разум то, что мы наблюдаем (по его возможности). Поэтому мы можем по крайней мере наблюдать целесообразность по форме...» [1, 195].

и посмертные маски) в том, что они отличаются от «свидетельств» (высказываний о чем-то) своей свободой от взглядов и убеждений автора — «интенционально независимы» (intention-independent) [9, 97]. Это так, поскольку снятые на камеру «события сами по себе регистрируемы независимо от агента, который в другой ситуации мог бы быть автором процесса» [9, 99]. Так, фильм определяется Карри документальным, когда однозначно и говорит о том, и демонстрирует то, на что указывает — «следом» чего является.

По Н. Кэрроллу, документальные фильмы — это «фильмы предполагаемых утверждений» (films of presumptive assertion) [10, 154]. В основании такого понимания лежит «интенционально-ответная (intention-respone) модель коммуникации»: реакция аудитории складывается из распознавания «смысловых знаков» (sense-bearing signs), формирующих соответствующее «пропозициональное содержание» (propositional content), посредством чего зритель считывает интенцию режиссера и занимает по отношению к фильму соответствующую позицию [10, 159, 162]. В документальном фильме режиссер занимает «ассерторическую позицию» (assertoric stance), обусловленную «ассерторическим намерением» (assertoric intention), в игровом (fiction) — мы встречаемся с «фиктивными» (fictive) позициями и намерениями [10, 162]. В распознавании зрителем намерения режиссера, а потому и в понимании картины имеют значение также «категориальные интенции» (categorical intentions), имеющие отношение к определению жанра [10, 166]. Так, «структура смыслового содержания» (of sense-bearing) фильма, представленная «ассерторическим авторским намерением» о восприятии «пропозиционального содержания» как «утверждаемой мысли» (asserted thought), есть «фильм предполагаемого утверждения» (of the presumptive assertion) [10, 164–165].

К. Плантинга предлагает комплексный подход, при котором «мы не можем ограничить наше описание внутренними характеристиками текста, процессами восприятия зрителя или культурным контекстом. Мы должны включить в наше описание роль всех трех» [11, 120]. Делая больший упор на культурную обусловленность, Плантинга утверждает, что «культурные разграничения... лежат в... практиках культуры, в... системах, предназначенных для поощрения таких практик, и в артефактах, созданных как инструменты, которые будут использоваться для этих практик» [11, 122]. В нашей культуре, утверждает он, документальные фильмы функционируют как «источник информации и исследования аспектов реального мира» [11, 123].

«Теория жанров», предлагаемая С. Френд (наследующей К. Уолтону и его идее «категории искусства» [12]), утверждает влияние

жанрового определения на восприятие [13, 155–156]. В целом этот подход близок и понятию «категориальная интенция» Кэрролла и акцентуации Плантингой «культурных разграничений».

Как отмечает В. Мура, перечисленные парадигмальные подходы опираются на идею «эпистемической устойчивости изображений», при которой «они могут сопротивляться ошибочным интерпретациям и повествованиям[-комментариями к ним] и опровергать их», что открывает «два репрезентативных уровня»: «репрезентацию по происхождению или физическое изображение» и «репрезентацию посредством использования или номинальное изображение» [14, 624].

С точки зрения незаинтересованности, упомянутые подходы проигрывают по обоим пунктам. Если мы утверждаем непосредственность демонстрации документальными произведениями объектов реальности, то мы не способны ответить утвердительно на вопрос о незаинтересованности в существовании изображаемого, поскольку оно оказывается «следом» реальности (читай: самой реальностью) и не связано с представлением о ней. Помещение же во главу различия критерия истинности или ложности/фиктивности демонстрируемого в произведении тоже противоречит тезису Канта, поскольку философ настаивает, что «целесообразность», с опорой на которую мы познаем объект, «предшествует познанию объекта» и «более того, — пусть и при отсутствии желания использовать это представление для познания — все же непосредственно связывается с представлением об объекте» [1, 123].

Определенным выходом из затруднения является вводимое Френд понятие «реалистическое допущение», которое предпосылается реципиентом восприятию произведения и снимает таким образом эпистемологическую проблематику большей истинности нон-фикшн разновидности искусства. Истина об актуальном нам мире преподносится в рамках обеих разновидностей, утверждает исследовательница, поскольку при «реалистическом допущении» «мы автоматически предполагаем, что “мир истории” такой же, как мир, в котором мы живем» [13, 160], ведь «реалистическое допущение обеспечивает надежную отправную точку для интерпретации [произведения/мира произведения], направляя нас в принятии реального мира как фона в деле умозаключений о рассказываемых событиях [в мире произведения]» [15, 39].

Однако введение такого «допущения» еще более подчеркивает проблемность отнесения документальной разновидности искусства к эстетическому объекту (более того — искусства и фикционального) в перспективе незаинтересованности.

Феноменология незаинтересованности

Так мы оказываемся перед фундаментальным вопросом: что предшествует нашему восприятию на уровне феноменальной установки (в смысле «реалистического допущения» Френд, или «реалистического принципа» (the Reality Principle) Уолтона [16, 144], или «естественной установки» Гуссерля [17, 95])? Как определяется нами — воспринимающими — произведение: как имеющее отношение к реальности или лишь как отделенный от нее мир вымысла? С точки зрения Канта, это тот сущностный характер вопроса, который имеет непосредственное влияние на наше восприятие. И модальность существования воспринимаемого объекта, и заинтересованность в нем должны, по Канту, быть редуцированными в связи с самой спецификой эстетического опыта. Здесь мы просто имеем дело с представлением о предмете и встречаемся с так называемым «сознанием чисто формальной целесообразности в игре познавательных способностей субъекта при представлении» [1, 199], при которой априорным принципом оказывается понятие «целесообразность»⁶.

Определенным выходом из затруднения является феноменологический подход. Ему способствует как тот факт, что эстетический опыт является опытом от первого лица, а потому и феноменальным опытом, так и тезис самого Канта о схватывании лишь представления объекта, а не его явления: «То, что в представлении об объекте чисто субъективно, т.е. составляет отношение представления к субъекту, а не к предмету, есть эстетическое свойство представления» [1, 121]. Кант также уточняет, что в рамках эстетического суждения схватывается не само представление, а «соответствие представления с гармонической (субъективно-целесообразной) деятельностью обеих способностей познания» [1, 373]. Так, учитывая учение немецкого философа о различении предиката существования по отношению к идеальным и эмпирическим объектам [18, 116–117], становится яснее, почему произведения, связанные со схватыванием целесообразности, не способны побуждать наше восприятие их как существующих.

⁶ Из такой перспективы, кажется, нет возможности принять «реалистическое допущение» Френд на том основании, что оно как полагает оцениваемые объекты существующими, так и подразумевает возможность обращения к ним с пристрастием (или интересом), присущим повседневной жизни, поскольку в ситуации, когда предметы не воспринимаются более ради них самих, мы встречаемся с «приятным», которое «возбуждает склонность», и «полезным», «которое нравится мне как средство для чего-либо приятного»: оба «имеют отношение к способности желания», неуместной для эстетического опыта, по Канту [1, 159, 165].

Утверждение о незаинтересованном характере восприятия нематериальных объектов мы встречаем и в подходе А. Майнонга, разработавшего «теорию объектов». Философ выделяет «главные классы предметов» исходя из «главных классов схватывающих переживаний», так что «представлению, мышлению, чувству и желанию» соответствуют «объекты, объективы, дигнитативы и дезидеративы». Каждый последующий класс является более высшим по отношению к предыдущему в том смысле, что опирается на него в своем существовании [19, 23]. Фундаментальным классом являются «объекты», в отношении существования которых можно сказать, что они «устроены так, что их природа либо словно бы позволяет им существовать и быть воспринимаемыми, либо запрещает им это [существование], так что в случае, если им вообще полагается бытие, это бытие не может быть существованием [Existenz], но лишь наличием [Bestand] ⁷» [19, 23].

Важное место здесь играет концепция «внебытийственности» (интенциональных) объектов. Различая «так-бытие» (как набор свойств) и «бытие» (как «А есть») объекта, Майнонг приходит к введению «принципа внебытия», поскольку если мы не можем говорить о характеристиках реальных предметов без полагания их существования, то аналогична ситуация и с предметами абстрактными: хотя геометрические фигуры не существуют реально, это не мешает высказывать нам суждения об их свойствах (их так-бытии). Этот принцип касается как предметов, «которые не существуют фактически», так и тех, «которые не могут существовать, так как их существование в принципе невозможно» [там же].

Введение Майнонгом принципа внебытия особенно важно в случае абстрактных объектов⁸, поскольку, по Канту, в эстетическом опыте схватывается не сам объект, но его соответствие нашим познавательным способностям — «представление о целесообраз-

⁷ В. Селивестров проясняет понятие следующим образом: «Майнонг использует термин “Bestand” (глагол — “bestehen”), который означает некое идеальное бытие предмета» [20, 70].

⁸ Майнонг вводит его в отношении так называемых «чистых предметов». К ним относится рассматриваемое философом понятие «синева» (иные примеры: «круглый квадрат», «сущность», «отношение»): «...мы можем говорить о предмете представления синевы (Blauvorstellung) только в смысле способности к этому представлению, которому действительность, так сказать, не позволяет осуществиться» [21, 209]. То есть это явления, которые не могут быть адекватно даны в акте восприятия, хотя мы и способны выносить о них суждения и познавать их свойства. Потому здесь и вступает в силу принцип, согласно которому «бытие не является условием, на основании которого познание может найти свою точку приложения» [21, 212].

ности», которое, по-видимому, и следует понимать как абстрактный объект, то есть как некоторое схватываемое «отношение».

Важным является и различие Майнонгом объектов восприятия и объектов высказывания (и соответствующих им актов презентации и актов суждения). Если в случае с первыми мы говорим об их внебытийственности, то вторые, касающиеся нашего взаимодействия с членами общества, должны быть ясно обозначены как существующие или как несуществующие. Акты суждения об объектах являются отдельным «предметом» у Майнонга, который он именуется «объектив». Его особенность такова, что «только объективу (другим предметам опять же самое большее как бы сквозь объектив) может быть приписана в благоприятном случае фактичность» [19, 27]. Хотя сам по себе объектив лишь «наличествует», посредством него мы способны высказывать что-либо о рассматриваемых нами объектах⁹.

С опорой на указанное различие и на функцию определения статуса существования объектов в случае актов суждения мы могли бы лучше понять проблематичность обращения к современным философам искусства для ответа на вопрос об эстетическом статусе документальных произведений. Большинство исследователей опираются в своем определении документальных картин на лингвистическую концепцию «интенционально-ответной модели коммуникации», разработанную Г.П. Грайсом [14, 619], а также на теорию речевых актов Дж. Остина [22, 29], так что фильм предлагается понимать как высказывание, относительно которого выносятся оценка о его корректности и валидности. Так, через фильм/акт суждения (объектив, по Майнонгу) мы утверждаем некоторый объект, притом в аспекте его «фактичности»¹⁰, то есть когда для нас важно понимать, существует значение, выраженное в суждении, или нет. В. Мура описывает эту процедуру понимания следующим образом: «Всякий раз, когда вы желаете сообщить какую-то информацию кому-то другому, вы выражаете ее (имеется информативное намерение), но вы также транслируете намерение передать такую информацию определенным образом (коммуникативное намерение). Часть этого коммуникативного намерения состоит из сигналов, которые позволят вашему респонденту распознать способ, которым вы хотите, чтобы он от-

⁹ Важно уточнить, что Майнонг различает объективы о бытии и объективы о так-бытии, бытие не учитывающие/игнорирующие [21, 207]. Мы вернемся к этому, когда коснемся комментариев по поводу просматриваемого фильма.

¹⁰ Воспринимаемый объект, данный в акте представления (а не суждения), «находится «по ту сторону бытия и небытия» [21, 212].

реагировал на эту информацию... (категорическое намерение)» [14, 618–619].

Подходя к тезису о незаинтересованности с точки зрения феноменального опыта, мы могли бы сказать, что для Канта важным было указать, что именно акт восприятия должен быть незаинтересованным в существовании объекта, в то время как суждение о нем обязательно бывает таковым. К тому же сам философ, по-видимому, подразумевает градуальный характер эстетических суждений, утверждая: «...суждения, на которые оказывается такое воздействие [доставление наслаждения или причинение боли], или вовсе не могут притязать на общезначимое благорасположение, или же могут притязать тем меньше, чем больше указанного рода ощущений находится среди определяющих оснований вкуса» [1, 201]¹¹.

«Документальный эффект»

При определении документального произведения философы искусства нередко обращаются к феноменальной составляющей опыта, понимая соответствующее переживание как «феноменологическую близость» (phenomenological intimacy) или «чувство близости» (sense of intimacy) [14, 610, 613], «ожидание точности» (expectation of accuracy) [13, 158–159], «феноменологическое приближение» (phenomenological approximation) [23, 115]. Ими отмечается и возможность оперирования художником соответствующими техническими приемами для создания соответствующего (документального) эффекта от фильма. Говорить же о «чистоте» таких произведений не приходится: общим местом является понимание любого из фильмов как «смеси фикшна и нон-фикшна» [13, 157], так что если фильм и понимается как документальный, то при том условии, «если он состоит в первую очередь или преимущественно из этих основных элементов [— кинематографических утверждений (assertions)]» [13, 157].

Мы решились бы утверждать, что и факт неоднородности произведений, и возможность обнаружения элементов, присущих документальным картинам, в фильмах игровых отсылают нас к такой составляющей восприятия искусства, как «документальный эффект». Это такой характер восприятия, при котором демонстрируемое событие воспринимается как имеющее большее отношение к реальности, нежели те фрагменты произведения, которые отсылают сами

¹¹ Хотя в этом случае, конечно, мы не можем говорить о «чистоте» суждения вкуса и полагать его за образцовое [1, 201]. Эту особенность градуальности суждения в рамках кантовского проекта отмечает и Н. Зангвилл [3, 66].

к себе или к миру, конституируемому им. Так, В. Собчак замечает, что демонстрация смерти на экране вызывает в нас шок и включает этическую проблематику в восприятие видеоматериала [24, 152]¹².

Некоторой разгадкой к этой смене характера восприятия оказывается наблюдение Мура о связи «эпистемического интереса» с переживанием «феноменологической близости»: «Именно это эпистемическое качество вызывает у зрителя феноменологическое ощущение “присутствия здесь”» [14, 624]. Комментируя исследователя, мы могли бы сказать, что это такое вторжение интереса в наш поток восприятия, при котором внебытийственный статус наблюдаемого оказывается маркирован свойством существования. Мура при этом замечает, что эффект «феноменологического приближения» является ключевым компонентом фотографической эпистемической устойчивости, которая, в свою очередь, является фундаментальным компонентом стремления зрителя к фальсификации» [14, 624]. Под этим «стремлением» предлагается понимать вопрос реципиента к произведению типа: «Это реально или нет?» (суждение о бытии объекта). То есть (в предлагаемой Майнотом модели) в тот момент, когда в потоке восприятия зрителя возникает подобный вопрос-комментарий (о бытии), демонстрируемые на экране явления приобретают иной бытийственный статус. Вернее даже было бы сказать, что они просто его приобретают, ведь в ситуации просто-созерцания (акта представления) — до всякого вопроса-комментария, а потому и обнаружения произведения в акте суждения о нем — воспринимаемое схватывалось в внебытийственности и было нейтрально к существованию. В кантовской парадигме это случай, при котором мы перестали воспринимать представление ради него самого.

При этом, как отмечала Собчак, эстетизация такого этически нагруженного явления, как смерть, способствует более приемлемому его восприятию на экране, так что не шокирует зрителя [24, 152]. То есть существует некоторый вариант художественного решения, при котором ужасы трагедии (как жанра) не вызывают в нас отвращения. В ином случае — при чрезмерной натуралистичности изображаемого — реципиент вынужден выпасть из незаинтересованного характера восприятия и задаться практическим вопросом: «Это реально происходило с героями?» — вопросом, который открывает горизонт практического (политического и этического) интереса восприятия произведения.

¹² Здесь вспоминается и «парадокс трагедии», сформулированный Аристотелем, а после и Юмом: «Необыкновенным кажется то удовольствие, которое зрители получают от скорби, ужаса, тревоги и других сильных переживаний, изображаемых в хорошо написанной трагедии, но самих по себе неприятных и тяжелых» [25, 351].

Такой эффект мы можем наблюдать и в художественных фильмах, в которых показываемое «выбрасывает» реципиента из акта восприятия в акт рефлексии над просматриваемым в связи с возникаемым в его уме вопросом. Особенно показателен здесь иранский кинематограф «новой волны» [26], при просмотре которого зритель, привыкший к более однозначным художественным решениям, то и дело задается вопросом: «Это реально или срежиссировано?»¹³. В ситуации же полноценного погружения в произведение мы редко обнаруживаем себя задающими вопрос относительно того, что происходит на экране: мы можем давать какие-то комментарии о так бытии объектов, но они настолько в духе наблюдаемого, что, скорее, только подкрепляют нашу вовлеченность. Так, следуя за Майнонгом, мы могли бы заключить, что до тех пор, пока мы не помещаем произведение в акт суждения о нем, свойство существования не приписывается нами наблюдаемому, а потому и не лишает эстетический опыт незаинтересованного характера¹⁴.

Заключение

Когнитивистский характер подхода современных философов искусства, основанный на понимании восприятия произведения как акта коммуникации, приводит к определению опыта просмотра через «инструкции» или «руководства», с которыми реципиент подходит к произведению. Так, концентрируясь на эпистемологии, философы забывают о поле эстетики и игнорируют эстетическую проблематику. Здесь ближе и вернее оказывается замечание Кейт Дромм, уточняющей, что перед нами все-таки не просто зафиксированный на камеру материал, но «творческое обращение с фактами», что, в частности, позволяет исследовательнице говорить о «документальном» как о художественном приеме [28, 425].

Вопрошание из сферы классической эстетики открывает иные подходы к рецепции произведения и позволяет не только сосредоточиться на обнаружении нормативного условия (незаинтересованности) взаимодействия с ним, но и развернуть описание феноменального опыта с учетом включения в него «интереса», приводящего

¹³ Поэтому примечательно то, что Д. ЛаРокка во вступительной статье к сборнику, посвященному рецепции философами искусства документального кино, приводит высказывание иранского режиссера Аббаса Киаростами, который амбивалентно утверждает как достоверность, так и ложность любого из фильмов [21, 10].

¹⁴ Другое дело, что мы нередко бываем захвачены привнесением собственных жизненных проблем и интересов в акт восприятия, например, на это указывает Э. Баллоу, обсуждая случай с режиссером, смотрящим «Отелло» [27, 157].

к «документальному эффекту» от просмотра. Смысл указания нами подобного эффекта, однако, не в попытке введения строгого и окончательного различия, но лишь в уточнении необходимого условия для восприятия чего-либо как «документального». Преимуществом такого подхода является то, что обнаруживается этот эффект в самом акте восприятия, позволяя, таким образом, избежать дискуссий из области эпистемологии. Хотя, безусловно, этот опыт, прерываемый вновь и вновь вопросом о существовании наблюдаемого, вряд ли может быть назван «чистым» эстетическим опытом, по Канту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кант И.* Критика способности суждения: В 2 ч. // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Ред. Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. М.: Наука, 2001. Ч. 1. 1120 с.
2. *Berger L.* Introduction // *Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics* / Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 1–8.
3. *Zangwill N.* Disinterestedness: Analysis and partial defense // *Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics* / Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 59–85.
4. *Gorodeisky K.* The myth of the absent self: Disinterest, the self, and evaluative self-consciousness // *Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics* / Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 135–165.
5. *Кант И.* Критика чистого разума: В 2 ч. // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Ред. Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. М.: Наука, 2006. Ч. 1. 1081 с.
6. *Nelson M.* Existence // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by N. Zalta, U. Nodelman U. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/existence/>
7. *Guyer P.* Disinterestedness by any other name: Kant and Mendelssohn // *Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics* / Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 11–30.
8. *Berger L.* What is it like to feel beauty? The complex meaning of Kant's thesis of disinterestedness // *Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics* / Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 31–57.
9. *Currie G.* Documentary traces: Film and the content of photographs // *The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth* / Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 95–112.
10. *Carroll N.* Fiction, non-fiction, and the film of presumptive assertion: A conceptual analysis // *Philosophy of film and motion pictures* / Ed. by N. Carroll, J. Choi. Malden; MA: Blackwell Publishing, 2006. P. 154–171.
11. *Plantinga C.* The limits of appropriation: Subjectivist accounts of the fiction/non-fiction distinction // *The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth* / Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 113–124.
12. *Wallton K.* Categories of art // *Philosophical Review*. 1970. Vol. 79, N 3. P. 334–367.
13. *Friend S.* Falsehoods in film: documentary vs fiction // *Studies in Documentary Film*. 2021. Vol. 15, N 1. P. 151–162.
14. *Moura V.* Show and tell: The identification of documentary film // *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Film and Motion Pictures* / Ed. by N. Carroll, L. Di Summa, S. Loht. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 603–626.

15. *Friend S.* The real foundation of fictional worlds // *Australasian Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 95, N 1. P. 29–42 p.
16. *Wallton K.* Mimesis as make-believe: on the foundations of the representational arts. Cambridge: Harvard University Press, 1990. P. 450.
17. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М.: Академический Проект, 2009. С. 489.
18. *Доброхотов А.* Кант о бытии: трансфигурация темы // *Историко-философский ежегодник*. М.: Наука, 2005. С. 108–120.
19. *Майнонг А.* Самоизложение. М.: ДИК, 2003. 80 с.
20. *Селивестров В.* Проблема статуса несуществующих вещей в майнонгианской философской традиции. 2013 URL: <https://www.hse.ru/data/2014/03/21/1318377520/dis%20selivers.pdf?ysclid=lp6wbnnprl242369042>
21. *Майнонг А.* О теории предметов // *Эпистемология и философия науки*. 2011. Т. 27, № 1. С. 202–229.
22. *LaRocca D.* Introduction: Representative qualities and questions of documentary film // *The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth* / Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 1–54.
23. *Plantinga C.* What a documentary is, after all // *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 2005. Vol. 63, N 2. P. 105–117.
24. *Sobchak V.* Inscribing ethical space: Ten propositions on death, representation, and documentary // *The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth* / Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 125–156.
25. *Юм Д.* О трагедии // *Эстетика* / Ред. И.С. Нарский. М.: Искусство, 1973. С. 351–361.
26. *Zhenshen L.* The Iranian New Wave: Poetic neorealist cinema // *Frontiers in Art Research*. 2023. Vol. 5, N 5. P. 9–13.
27. *Баллоу Э.* «Психическая дистанция» как фактор в искусстве и как эстетический принцип // *Современная книга по эстетике: Антология* / Под ред. А. Егоровой. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 151–175.
28. *Dromm K.* Understanding (and) the legacy of the trace: Reflections after Carroll, Currie, and Plantinga // *The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth* / Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 413–429.

REFERENCES

1. Kant I. *Kritika sposobnosti suzheniya*: V 2 ch. *In*: Kant I. *Sochineniya na nemecom i russkom yazykah*. Red. N.V. Motroshilova, B. Tushling. Moscow: Nauka, 2001. Ch. 1. 1120 p. (In Russ.)
2. Berger L. Introduction. *In*: *Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics*. Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 1–8.
3. Zangwill N. Disinterestedness: Analysis and partialdefense. *In*: *Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics*. Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 59–85.
4. Gorodeisky K. The myth of the absent self: Disinterest, the self, and evaluative self-consciousness. *In*: *Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics*. Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 135–165.
5. Kant I. *Kritika chistogo razuma*: V 2 ch. *In*: Kant I. *Sochineniya na nemeckom i russkom yazykah*. Red. N.V. Motroshilova, B. Tushling. Moscow: Nauka, 2006. Ch. 1. 1081 p. (In Russ.)

6. Nelson M. Existence. *In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Ed. by N. Zalta, U. Nodelman U. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/existence/>
7. Guyer P. Disinterestedness by any other name: Kant and Mendelssohn. *In: Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics*. Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 11–30.
8. Berger L. What is it like to feel beauty? The complex meaning of Kant's thesis of disinterestedness. *In: Disinterested pleasure and beauty: Perspectives from Kantian and contemporary aesthetics*. Ed. by L. Berger. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2023. P. 31–57.
9. Currie G. Documentary traces: Film and the content of photographs. *In: The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth*. Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 95–112.
10. Carroll N. Fiction, non-fiction, and the film of presumptive assertion: A conceptual analysis. *In: Philosophy of film and motion pictures*. Ed. by N. Carroll, J. Choi. Malden; MA: Blackwell Publishing, 2006. P. 154–171.
11. Plantinga C. The limits of appropriation: Subjectivist accounts of the fiction/nonfiction distinction. *In: The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth*. Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 113–124.
12. Wallton K. Categories of art. *Philosophical Review*. 1970. Vol. 79, N 3. P. 334–367.
13. Friend S. Falsehoods in film: documentary vs fiction // *Studies in Documentary Film*. 2021. Vol. 15, N 1. P. 151–162.
14. Moura V. Show and tell: The identification of documentary film. *In: The Palgrave Handbook of the Philosophy of Film and Motion Pictures*. Ed. by N. Carroll, L. Di Summa, S. Loht. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 603–626.
15. Friend S. The real foundation of fictional worlds. *Australasian Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 95, N 1. P. 29–42 p.
16. Wallton K. Mimesis as make-believe: on the foundations of the representational arts. Cambridge: Harvard University Press, 1990. P. 450.
17. Husserl E. *Ideji k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii*. Kniga pervaya. Moskva: Akademicheskii Proekt, 2009. 489 p. (In Russ.)
18. Dobrohotov A. Kant o bytii: transfiguraciya temy. *In: Istoriko-filosofskij ezhegodnik*. Moscow: Nauka, 2005. P. 108–120. (In Russ.)
19. Meinong A. Samoizlozhenie. Moscow: DIK, 2003. 80 p. (In Russ.)
20. Selivestrov V. Problema statusa nesushchestvuyushchih veshchej v majnongianskoj filosofskoj tradicii. 2013 URL: <https://www.hse.ru/data/2014/03/21/1318377520/dis%20selivers.pdf?ysclid=lp6wbnnprl242369042>. (In Russ.)
21. Majnong A. O teorii predmetov. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2011. Vol. 27, N 1. P. 202–229. (In Russ.)
22. LaRocca D. Introduction: Representative qualities and questions of documentary film. *In: The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth*. Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 1–54.
23. Plantinga C. What a documentary is, after all. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 2005. Vol. 63, N 2. P. 105–117.
24. Sobchak V. Inscribing ethical space: Ten propositions on death, representation, and documentary. *In: The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth*. Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 125–156.
25. Hume D. O tragedii. *In: Estetika*. Red. I.S. Narskij. Moscow: Iskustvo, 1973. P. 351–361. (In Russ.)
26. Zhenshen L. The Iranian New Wave: Poetic neorealist cinema. *Frontiers in Art Research*. 2023. Vol. 5, N 5. P. 9–13.

27. Ballou E. “Psihicheskaya distanciya” kak faktor v iskusstve i kak esteticheskij princip. *In: Sovremennaya kniga po estetike: Antologiya*. Pod red. A. Egorovoj. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1957. P. 151–175. (In Russ.)

28. Dromm K. Understanding (and) the legacy of the trace: Reflections after Carroll, Currie, and Plantinga. *In: The philosophy of documentary film: Image, sound, fiction, truth*. Ed. by D. LaRocca. L.: Lexington Books, 2017. P. 413–429.

Информация об авторе: *Жуков Дмитрий Константинович* — аспирант кафедры социальных наук Литературного института им. А.М. Горького, тел.: +7 (903) 570-18-34; dimancheg57@yandex.ru

Information about the author: *Dmitry K. Zhukov* — postgraduate student, Department of Social Sciences, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, tel.: +7 (903) 570-18-34; dimancheg57@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.12.2024;
принята к публикации 25.02.2025

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 294.321

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2025-5-103-120

ПОЛИМОРФИЗМ БУДДИЗМА В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.С. Каимова¹, М.Ю. Оренбург², О.М. Хомушку³

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. МГУ, Институт стран Азии и Африки, г. Москва, Россия.

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», г. Москва, Россия.

³Тувинский государственный университет, 667000, ул. Ленина, д. 36, г. Кызыл, Россия.

Аннотация: Статья посвящена исследованию адаптационных механизмов буддизма в России, рассматриваемых на основе методологии структурного полиморфизма. Проведен анализ трех аспектов изучения российского буддизма: методологии структурного полиморфизма в российской буддологии, синкретизма буддизма и шаманизма в Республике Тыва как основы культурной идентичности тувинцев, а также восприятия российского буддизма в современной китайской историографии. В результате исследования установлено, что концепция структурного полиморфизма, несмотря на наличие критических замечаний, сохраняет свою актуальность для анализа процессов адаптации буддизма к поликонфессиональной среде. Тувинский синкретизм, в свою очередь, демонстрирует механизмы интеграции универсальных буддийских и локальных традиционных элементов. Китайские исследования акцентируют внимание на геополитическом контексте, зачастую игнорируя религиозно-философское содержание буддизма. Статья подчеркивает необходимость применения междисциплинарного подхода при изучении буддизма в условиях глобальных трансформаций.

Ключевые слова: структурный полиморфизм, религиозный синкретизм, российский буддизм, тибето-монгольская Ваджраяна, шаманизм Тувы, буддизм Тувы, религиозная идентичность, российская буддология, китайская буддология

Благодарности / Финансирование

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта 23-Ш02-13 Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

RELIGIOUS STUDIES

Original article

POLYMORPHISM OF BUDDHISM IN THE RUSSIAN SOCIO-CULTURAL SPACE: ON THE RESEARCH METHODOLOGY

A.S. Kaimova¹, M.Yu. Orenburg², O.M. Khomushku³

¹Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, 11 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia.

²Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Teaching and Scientific Building “Shuvalovsky”, 119991, Russia.

³Tuvan State University, 36 Lenin Str., Kyzyl, 667000, Russia.

Abstract: The article is devoted to the study of adaptation mechanisms of Buddhism in Russia, considered on the basis of the methodology of structural polymorphism. Three aspects of the study of Russian Buddhism are analyzed: the methodology of structural polymorphism in Russian Buddhology, the syncretism of Buddhism and shamanism in the Republic of Tuva as the basis of the cultural identity of Tuvinians, as well as the perception of Russian Buddhism in modern Chinese historiography. The study found that the concept of structural polymorphism, despite the presence of critical remarks, retains its relevance for analyzing the processes of Buddhism's adaptation to a multi-confessional environment. Tuvan syncretism, in turn, demonstrates the mechanisms of integration of universal Buddhist and local traditional elements. Chinese studies emphasize the geopolitical context, often ignoring the religious and philosophical content of Buddhism. The article emphasizes the need for an interdisciplinary approach in studying Buddhism in the context of global transformations.

Keywords: structural polymorphism, religious syncretism, Russian Buddhism, Tibetan-Mongolian Vajrayana, Tuva shamanism, Buddhism of Tuva, religious identity, Russian Buddhist studies, Chinese Buddhist studies

Acknowledgments/Financial Support

The research was carried out within the framework of the scientific project 23-Sh02-13 of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the world cultural and historical heritage”.

Введение

Буддийская традиция как предмет научного изучения представляет собой сложный и многогранный феномен. Буддизм может быть рассмотрен как мировая религия, открытая для представителей всех национальностей и социальных слоев, а также как совокупность локальных традиций, адаптированных к региональным культурно-историческим условиям. Например, изучение тибето-монгольской традиции Ваджраяны, которую в России исповедуют буряты, калмыки, тувинцы, часть алтайцев, предполагает анализ взаимодействия и конвергенции архаических и автохтонных религиозных практик небуддийского происхождения (шаманизм, анимистические культы) с классической буддийской йогой и религиозно-философской мыслью. Анализ современных трансформаций религиозной культуры (цифровизация медитативных практик, светский подход к “mindfulness”, социально-экологический активизм) позволяет глубже понять механизмы сохранения буддизмом своей самобытности и уникальности, а также его способность к гибкой интеграции новых элементов в ответ на вызовы межкультурного и межрелигиозного диалога.

Исследование направлено на анализ адаптационных стратегий буддизма в России с использованием методологии структурного полиморфизма. Основное внимание уделяется истории и современному содержанию религиозных синкретических процессов в Республике Тыва, а также политическому аспекту развития буддийской традиции в рамках международных отношений.

Цель статьи — систематизировать ключевые методологические подходы к изучению российского буддизма, для достижения которой должны быть выделены три взаимосвязанных аспекта:

- 1) концепция структурного полиморфизма как инструмент анализа адаптации буддизма;
- 2) Тува как локус институционализации российских исследований буддизма в контексте поликонфессионального ландшафта;
- 3) политико-идеологический контекст восприятия российской буддийской традиции в современной китайской историографии.

Методологическую основу исследования составляет синтез религиоведческого, исторического и политологического подходов, которые позволяют раскрыть многоуровневую динамику исторического развития буддизма в России¹.

Концепция структурного полиморфизма в российской буддологии

Теория структурного полиморфизма, разработанная в середине 1980-х гг. петербургскими учеными Валерием Исаевичем Рудым (1940–2009) и Еленой Петровной Островской (род. 1948), предлагает трехуровневую модель анализа буддизма, объединяющую доктринальные, психотехнические и философские аспекты [1]. Она опирается на наследие основоположников отечественной школы буддологии — Оттона Оттоновича Розенберга (1888–1919) и Фёдора Ипполитовича Щербатского (1866–1942).

Работа О.О. Розенберга «Проблемы буддийской философии» (1918) [2] до сих остается классикой научного изучения буддизма. Розенберг отверг господствовавший в его эпоху филологизм, утверждая, что лингвистическая точность перевода не гарантирует понимания подлинного смысла текстов. Новаторские идеи ученого включали разделение буддизма на «популярный» (народный) и «схоластический» (философский) уровни². Буддолог акцентировал внимание на необходимости изучения прежде всего философских трактатов (шастр), которые, в отличие от сутр, системно раскрывают содержание буддийской мысли, используя понятийный язык и логическую аргументацию. Исследовать «народный буддизм», часто включающий в себя множество небуддийских элементов, нужно только после предварительной реконструкции философской основы учения, которое формирует подлинное «ядро» традиции.

Развивая методологию Розенберга, Ф.И. Щербатский продолжил изучение буддийской философии, сосредоточившись на логико-эпистемологическом направлении школ йогачары и мадхьямаки. В трудах «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов»

¹ Анализ методологии концепции структурного полиморфизма и оценку эффективности концепции полиморфизма при изучении форм адаптации буддизма к иным культурам провел М.Ю. Оренбург (философский факультет МГУ); анализ современной институционализации буддологических исследований в российских регионах и истории формирования тувинского религиозного синкретизма буддизма и шаманизма в Туве провела О.М. Хомушку (Тувинский государственный университет); анализ ключевых исследовательских направлений, представляющих интерес для китайских ученых при изучении современного буддизма в России, провела А.С. Каимова (ИСАА МГУ).

² Ср. традиционное разделение буддийской общины на мирян и монахов.

и “The Buddhist Logic” («Буддийская логика») [3] он реформировал научные методики перевода на европейские языки. Щербатской настаивал на философской интерпретации текстов, акцентировал полемический контекст буддийской мысли в диалоге друг с другом и с брахманистскими школами, а также формализовал логику буддизма через реконструкцию учений Дигнаги и Дхармакирти и сравнительный анализ с европейской философией (прежде всего с Кантом и философией неокантианства).

В.И. Рудой и Е.П. Островская систематизировали идеи предшественников, предложив модель, выделяющую три взаимосвязанных уровня буддизма.

1. *Доктринальный* уровень охватывает религиозные цели, выраженные в сутрах, прежде всего путь освобождения от страданий сансары.
2. *Психотехнический* (йогический) уровень включает практики преобразования сознания, служащие основой для философского анализа.
3. *Логико-дискурсивный* (философский) уровень объединяет метапсихологический анализ и формально-логические построения³.

Перечисленные уровни не изолированы друг от друга: йога поставляет материал для философии, а философия структурирует и систематизирует доктринальные положения. Например, йогические практики становятся объектом рефлексии в философских трактатах, которые, в свою очередь, обосновывают религиозные цели. Концепция структурного полиморфизма использовалась учеными при переводе с санскрита на русский язык трактата Васубандху «Абхидхармакоша».

Одним из критиков методологии структурного полиморфизма в версии Рудого и Островской был петербургский востоковед и буддолог Евгений Алексеевич Торчинов (1956–2003). В его работе «Пути философии Востока и Запада» [4] можно выделить следующие критические замечания:

- европоцентризм в интерпретации индийской философии;
- чрезмерную аналитичность модели, которая за выделением относительно автономных уровней теряет целостность текста и традиции.

Главный недостаток теории, по Е.А. Торчинову, заключается в предположении, что философия в Индии по своему содержанию тождественна европейской. Соотношение индийской и западной

³ Ср. традиционное разделение буддийских текстов на сутры, винаю и абхидхарму.

философий — это многогранная проблема, в которой можно выделить следующие особенности «европоцентрического» подхода:

- характерное для западной мысли сведение философии исключительно к логико-дискурсивной деятельности как высшей формы человеческого познания искажает буддийское понимание абхидхармы как методологии йоги, которая при работе с сознанием использует далеко не только понятийное мышление;
- перевод буддийских текстов с использованием понятий и категорий западной философии в ряде случаев «подменяет» предмет буддийской мысли на нечто совершенно ей несвойственное.

Критику Торчиновым модели структурного полиморфизма за чрезмерную аналитичность можно сравнить с методологией британского исследователя Пола Уильямса. В работе “Buddhist thought: A complete introduction to the Indian tradition” («Буддийская мысль: полное введение в индийскую традицию») (2000) [5] он оспаривает искусственное разделение буддизма на «философию» и «религию», подчеркивая характерное для самой буддийской традиции единство теории и практики, и настаивает на контекстуальном изучении текстов в рамках религиозных целей и ритуальных практик.

Между тем нам представляется, что выделение отдельного и самостоятельного философского уровня является оправданным методологическим решением. Можно по-разному определять содержательное соответствие или несоответствие между буддийской абхидхармой и западной философией. Однако сама традиция с первых веков своего существования отдельно выделяла тексты абхидхармы и формировала на их основе самостоятельную культуру аргументированного диспута как между буддийскими школами, так и с представителями иных религий, что является непреложным историческим фактом (см., например, анализ общего полемического контекста индийской мысли: [6]).

Концепция структурного полиморфизма, несмотря на критику, остается значимым инструментом буддологии. Ее ключевое преимущество заключается в системности, позволяющей анализировать буддизм как многослойный феномен. При этом, в зависимости от конкретной традиции и изучаемых историко-культурных условий, можно выделять дополнительные «уровни» и «формы» существования буддизма. Наиболее наглядно это можно проиллюстрировать на примере тибето-монгольской традиции Ваджраяны. Проникновение буддизма в Тибет с VII в. сопровождалось противостоянием, но одновременно и синтезом с местной религией Бон, основанной на

шаманских практиках. Легендарный Падмасамбхава, приглашенный тибетским царем Трисонг Децен в VIII в., символизирует эту конвергенцию: подчинив богов и демонов Бон, он трансформировал их в защитников Дхармы (дхармапал), интегрировав мифопоэтический пласт в буддийскую доктрину.

На *логико-дискурсивном* уровне ключевой стала полемика в монастыре Самье (около 790 г.) между индийским философом Камалашилой и китайским монахом Хэшан Махаяной. Победа Камалашилы утвердила приоритет индийского буддизма над китайским. В дальнейшем тема соотношения пустоты (шунья) и изначально пробужденного сознания как основы феноменальной реальности стала одной из ключевых тем тибетской комментаторской и религиозно-философской литературы.

Психопрактический уровень обогатился тантрическими методами сублимации страстей, которые восходят к махасиддам — легендарным индийским йогинам, отвергавшим монастырский формализм. Их радикальные практики, включая использование магии и визуализаций, стали инструментом преобразования глубинных слоев психики, направленным на достижение недвойственной реальности Дхармакаи.

Мифопоэтический уровень отразил синтез буддийского учения с тибетскими мифами. Божества традиционного пантеона, такие как защитники-дхармапалы, стали «рабочим материалом» для психопрактики и техник визуализации, а вера в Чистые Земли — основой народной религиозности. Этот симбиоз позволил буддизму укорениться в тибетской культуре, сохранив при этом доктринальную строгость. Важно отметить, что как философский, так и мифопоэтический уровень могут выступать основанием для психопрактики, так как имплицитно содержат в себе ключевые цели и методы буддийского пути, являясь выражением невербального переживания истины как плода подвижничества.

Пример тибето-монгольской традиции показывает, что теория полиморфизма может быть продуктивна при анализе того, как буддийская традиция сохраняет доктринальное ядро, адаптируясь к локальному культурно-историческому контексту.

Тува как локус институционализации русских исследований буддизма в контексте поликонфессионального ландшафта

Современные исследования в области буддологии требуют комплексного подхода, включающего изучение разноплановых региональных аспектов развития буддизма. В настоящее время большую

актуальность получает проблематика осмысления буддийских традиций: от обрядово-бытовых (что иногда в литературе называют «народной религией») до философско-догматических, связанных с переводами классических буддийских текстов, их сравнительным анализом, а также с исследованиями фундаментального плана. Стоит отметить работы калмыцких исследователей (Э.П. Бакаева, Г.Ш. Дорджиева, Б.У. Китинов), бурятских (К.М. Герасимова, Н.Л. Жуковская, Г.С. Митыпова, Л.Е. Янгутов) и тувинских ученых (М.В. Монгуш, О.М. Хомушку), которые посвящены как историческим, так и методологическим аспектам изучения буддизма в России.

В настоящее время научное изучение буддийского регионально-го религиозного ландшафта активно институционализируется. На данный процесс влияет несколько факторов. Большую роль играет поддержка со стороны различных ветвей власти, реализующих политику сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей и развития традиционных религий России, в том числе и буддизма. В рамках реализации указанной политики по поручению Президента России В.В. Путина в 2022 г. был создан Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям. Фонд оказывает существенную поддержку в развитии буддологических исследований, в том числе в создании новых переводов классических буддийских текстов, осмыслении буддийских философских трактатов, а также в просветительской деятельности — проведении конференций, круглых столов, школ молодых буддологов и т.д.

Важным событием в процессе развития буддийского образования в России стало создание Консорциума вузов «Буддийское образование», в который вошли пять высших учебных заведений⁴. В консорциум объединились как учебные заведения, дающие религиозное образование, так и вузы, ведущие научно-исследовательскую деятельность: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Тувинский государственный университет, Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева и Агинская буддийская академия. В 2024 г. к консорциуму присоединились Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) и Восточно-Сибирский государственный институт культуры (ВСГИК). Общей целью всех участников консорциума является консолидация усилий ученых-исследователей буддизма и организация совместной работы вузов, разработка программ в области буддийской теории и практики.

⁴ Договор был подписан во время Первого Международного буддийского форума (г. Улан-Уде, 17–19 августа 2023 г.)

Партнерами по выстраиванию совместной научно-исследовательской работы в сфере изучения многообразия буддийских традиций, представленных в религиозном ландшафте России, являются философский факультет Московского университета и Тувинский государственный университет. Согласно подписанному в апреле 2025 г. и.о. декана философского факультета МГУ А.П. Козыревым и ректором ТувГУ О.М. Хомушку договору, профессорско-преподавательский состав кафедры философии религии и религиоведения философского факультета примет участие в реализации открывающейся в Туве образовательной программы бакалавриата по религиоведению.

В Туве признанным центром развития буддологических исследований можно по праву считать Тувинский государственный университет. Так, в 2012 г. при Тувинском государственном университете был открыт научно-образовательный центр буддологии и тибетологии, в 2024 г. разработана и реализована Программа повышения квалификации для буддийских лам Тувы «Основы социально-гуманитарных наук для буддийского духовенства и молодежи Тувы». С 2025 г. планируется открытие основной образовательной программы бакалавриата по направлению 47.03.03 Религиоведение, профиль «История, культура и философия буддизма».

Тувинский университет выступает не только площадкой, но и организатором международных и всероссийских конференций («Тува в буддийском мире: история и современность» — 2021; «Духовно-психологическая реабилитация участников специальной военной операции и членов их семей: использование буддийских практик и опыта буддийских общин Российской Федерации» — 2023; «Буддийские духовно-нравственные ценности в формировании семьи как фундамента российского общества» — 2024; «Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая» — 2024), научные семинары («Буддизм и наука в Туве: точки соприкосновения и перспективы развития» — 2023; «Вопросы терминологии и обозначения высшей должности буддийского духовенства Тувы» — 2024; «Буддизм как детерминанта сохранения и укрепления традиционных ценностей» — 2024).

В 2023–2025 гг. ряд научных проектов, реализуемых на базе университета, был поддержан Фондом содействия буддийскому образованию и исследованиям. Среди них: «Основы социально-гуманитарных наук для буддийского духовенства и молодежи Тувы»; «Духовное наследие храма Цеченлиг: тексты, переводы»; «Становление буддизма на территории современной Тувы как религиозно-духовной и образовательной системы» и др.

На сегодняшний день одной из важнейших задач является привлечение молодых кадров в буддологию — и в систему науки, и в систему образования. В Туве для ее решения выстраиваются связи с другими вузами и проводится «Школа молодого буддолога». В 2024 г. в ней приняли участие молодые ученые и аспиранты из Бурятии, Калмыкии и, что очень важно, из Москвы — преподаватели и студенты философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Активная институционализация буддологических исследований содействует выработке и апробации научной методологии, необходимой для корректного и эффективного изучения поликонфессионального ландшафта, ярким примером которого является Тува. Республика представляет собой уникальный пример синкретизма, где буддизм адаптировался к автохтонным шаманистическим практикам. Этот процесс стал результатом многовекового взаимопроникновения шаманизма, тенгрианства и тибетского буддизма, что в итоге сформировало этнокультурную специфику региона [7; 8].

До вхождения в состав России в XX в. Тува находилась под влиянием Тюркского каганата, Уйгурского ханства, с XIII в. — Монгольской империи и с XVIII в. — Китайской империи династии Цин. Религиозная культура тувинцев и в настоящее время сохраняет архаические пласты древних верований. Автохтонные культы включали анимизм с почитанием духов гор (хозяева оваа), рек, целебных источников (аржааны) и деревьев, тотемизм, промысловые обряды и магические практики, а также шаманизм. Ключевой особенностью тувинского мировоззрения было отсутствие четкой границы между сакральным и профанным. Религия пронизывала все аспекты жизни, от быта до космологии, основанной на трехъярусной модели: Верхний мир (обитель Курбусту-хана), Средний мир (пространство людей) и Нижний мир, населенный злыми существами, которые могут вредить людям. Магические обряды, такие как подношения духам перевалов у священных оваа или ритуалы у целебных источников, отражали глубинную связь с природой. Деревья у родников становились объектами почитания, а чалама — ленты на ветвях — символизировали просьбы о благополучии [9].

Шаманы выполняли функции целителей, предсказателей и хранителей традиций. Их ритуалы (камлания) соответствовали мифопоэтике тувинцев. Например, путешествие в Нижний мир для «спасения» души больного воспроизводило космологическую модель вселенной. Как отмечает В.Н. Басилов, «мировоззрение шамана было мировоззрением его народа» [10, 64]. Социальная роль шаманов выходила за рамки ритуалов: они участвовали в критических моментах жизни общины — во время эпидемий, охоты или природных бед-

ствий. Примечательно, что плата за камлание носила символический характер, а чрезмерные требования могли, по поверьям, лишить шамана силы. Эта этика взаимности укрепляла доверие к шаманам среди простого населения Тувы.

С XVII–XVIII вв. тибетский буддизм Ваджраяны начал проникать в Туву, однако вместо вытеснения автохтонных практик произошла их интеграция. Космологический синтез проявился в переосмыслении пантеона: Эрлик, ранее считавшийся небожителем, стал владыкой подземного царства (Нижний мир), а буддийский Бурхан-башкы стал одним из небожителей. Ритуальный симбиоз выразился в модификации обрядов. Священные оваа стали ассоциироваться не только с духами, но и с буддийскими божествами. Культ огня, где ритуал «кормления» хозяина огня совмещался с подношениями статуэткам Будды, демонстрирует соединение религиозных практик.

Религиозный синкретизм можно рассмотреть как сложный многоуровневый процесс соединения и взаимовлияния различных религиозных систем, при котором одна религия не поглощается другой, но происходит взаимопереплетение мировой религии с местными религиозными верованиями с сохранением автохтонных сакральных образов и архетипов и с формированием религиозно-синкретичной системы при относительной самостоятельности ее религиозных компонентов.

Синкретизм в Туву проявился не только в ритуальной практике, но и в сложном переплетении социальных ролей, идеологии и культурных кодов. Буддизм, став опорой феодальной власти, трансформировал монастыри (хурээ) в центры образования и принес с собой развитую письменную культуру, которая, помимо исключительно религиозного содержания, включает в себя традиции диспута и аргументации. Наряду с изучением священных текстов и буддийской философии передавались медицинские и традиционные научные знания. Однако распространение буддизма не привело к исчезновению автохтонных верований. В народном сознании «сильные» шаманы, связанные со «своей» культурой, могли противостоять «ученым» ламам, олицетворявшим внешнюю авторитетность аристократии. Элита погружалась в сложные буддийские доктрины, тогда как простые тувинцы воспринимали буддизм через упрощенные проповеди о страдании и освобождении. В то же время ламы, стремясь сделать учение доступным, искусно вплели традиционную мифологию и некоторые шаманские обряды в буддийскую практику.

Тувинский синкретизм — это не механическое смешение, а органичный сплав традиций, где автохтонная основа обогащается буддийской философией, не теряя своей сути. Ярким примером служит

культ Тенгри, «вечного синего Неба», переосмысленный буддийскими ламами как абсолютный источник мудрости и милосердия. Этот симбиоз стал возможен благодаря гибкости буддизма, адаптировавшего локальные культы, и устойчивости автохтонных верований, укорененных в повседневной жизни.

Современные социологические исследования фиксируют, что в 2022 г. к числу верующих людей себя относят 63,6 % опрошенных [7, 132]. При ответе на вопрос: «Какая религия может в наибольшей степени способствовать возрождению Тувы?» подавляющее большинство отдали предпочтение буддизму, чуть меньше 6% — шаманизму, 8 % ответили, что все религии в равной степени этому способствуют [7, 148–149].

Синкретизм в Туве — это динамичная система, где разные религиозные традиции, с одной стороны, конкурируют, а с другой — обогащают друг друга. Так, современный шаманизм, сохранившийся как часть традиционной культуры Тувы, демонстрирует не только устойчивость, но и институционализацию. В республике зарегистрировано 12 шаманских религиозных организаций, объединяющих более 300 практикующих шаманов. Их деятельность, которая включает в себя целительство, гадание и магико-ритуальные услуги, в настоящее время осуществляется не только в природных святилищах, но и в специально оборудованных помещениях. Однако крупные обряды, сохраняя связь с сакральными ландшафтами, по-прежнему проводятся на природе.

В качестве примера взаимной интеграции шаманизма и буддизма в современной культуре Тувы можно привести феномен аржанов — священных источников. Минеральные воды, обладающие доказанными лечебными свойствами, окружены комплексом ритуальных практик: подношения духам-хранителям, психологическая подготовка к лечению, вера в необходимость «внутреннего настроя». При этом шаманские представления о болезни как внешнем вмешательстве переплетаются с буддийским акцентом на гармонизацию внутреннего психического состояния. Тибетская буддийская медицина, ранее доступная лишь элите, находит все большую поддержку в обществе благодаря активной деятельности лам-лекарей. Эти процессы, объединяющие как буддизм, так и шаманизм, являются важным фактором развития современного национального самосознания тувинцев и сохранения культурной и этнической идентичности [11].

Современная Тува демонстрирует сохранение и одновременно переосмысление архаических практик. Добуддийские верования, интегрированные в повседневность, зачастую утрачивают изначальный сакральный смысл, сохраняясь как элементы культурной

идентичности. Такие ритуалы, как разбрызгивание молока, чая или араки, ранее направленные на умилоствление духов-хозяев местности, сегодня выполняются преимущественно как знак принадлежности к культурной и национальной традиции. Этот процесс отражает десакрализацию ритуала при сохранении его культурной значимости, демонстрирует форму адаптации архаичных практик в условиях секуляризации.

Таким образом, современная религиозность Тувы иллюстрирует ключевой тезис структурного полиморфизма: адаптация буддизма не подавляет локальные традиции, но создает новые гибридные формы, где сакральное и профанное, рациональное и мифопоэтическое сосуществуют в рамках единого культурного пространства.

Российский буддизм в китайской историографии

История Тувы до XX столетия неразрывно связана с монгольскими народами, под влиянием которых долгое время находились тувинцы. С XVIII в. Тува была включена в состав китайской империи Цин. Тувинцы приняли буддизм под влиянием монголов, а в дальнейшем испытывали как культурное, так и политическое влияние Китая. Изучение буддизма как мировой религии, распространенной в значительной части Азии, должно учитывать как исторический, так и современный геополитический контекст взаимоотношения государств Азии. При этом китайская историография, обладая развитыми традициями исследования буддизма в рамках концепции «сань цзяо» («три учения»), демонстрирует избирательность при изучении российского буддизма, что во многом обусловлено политико-идеологическими факторами.

Как правило, внимание китайских ученых больше привлекают проблемы изучения процессов внутри Китая и, следовательно, их усилия чаще направлены на анализ работ зарубежных авторов, исследующих данную тематику. Так, имеется довольно много работ, посвященных российской тибетологии и, соответственно, русскоязычным исследованиям тибетского буддизма (например: [12]). Что же касается исследований, посвященных буддизму на территории России, то предпринятый анализ показал, что значительная часть подобных работ на китайском языке представляет собой либо переводы статей российских авторов, либо выводы, построенные на обобщении тезисов отечественных ученых (например: [13]).

Современная китайская историография российского буддизма отдает явное предпочтение политико-аналитическому подходу. Несмотря на развитую буддологическую школу, китайские исследователи фокусируются преимущественно на аспектах, связанных с госу-

дарственной политикой и культурным влиянием. В работах о России доминирует анализ буддизма как инструмента «мягкой силы»: поднимаются темы исторических территориальных споров с Цинской империей, роли тибетского буддизма в пограничных регионах, а также его восприятие в контексте современных российско-китайских отношений. При этом религиозно-философское содержание российской традиции остается на периферии. Этот акцент отражает общую тенденцию в китайской науке, где изучение зарубежного буддизма подчинено задачам анализа политико-идеологического потенциала религии.

Стоит отметить небольшое количество работ, а также тот факт, что большинство публикаций носит компилятивный характер, опираясь на переводы зарубежных источников или поверхностные обзоры. Ярким примером служит монография «История российской религии» (2008) [14], изданная Академией общественных наук КНР в рамках грантового проекта. Несмотря на масштабность исследования, буддизму в двухтомнике отведен заключительный раздел, что, по мнению авторов, отражает периферийность религии в российском контексте, обусловленную малым количеством последователей.

Еще более показателен случай со статьей «Буддийская цивилизация России» (2011) в журнале «Исследования Сибири» [15]. Несмотря на китайские выходные данные и указание редактора-переводчика Хуан Цюди из Академии общественных наук провинции Хэйлуцзян, текст является адаптированным переводом работы индийского ученого из Университета Джавахарлала Неру (2007). Информация о переводе указана лишь в конце текста мелким шрифтом, что создает иллюзию авторства китайского исследователя.

Китайские авторы склонны редуцировать российский буддизм к историко-политическому содержанию. В статье Ли Чжуйю «История, особенности и современное состояние российского буддизма» (2013) современный период рассмотрен поверхностно, а анализ опирается на вторичные источники, включая данные проекта «Арена» (2012) и публицистику. При написании данной статьи, как указывает сама автор, она опирается на статью Мяо Суна «История и современное состояние тибетского буддизма в России», которая представляет собой довольно любопытное и примечательное исследование проблемы развития российского буддизма, затрагивающее и относительно современный период. Мяо Сун связывает распространение тибетского буддизма в России с «агрессией царской России против Китая», делая акцент на исторических территориальных спорах между Цинской империей и Россией: «...китайские ученые пока не осветили тесную связь между возникновением тибетского буддизма

в России и агрессией царской России против Китая» [16]. Тем самым автор демонстрирует характерную для некоторых китайских исследователей риторику, истоки которой восходят к восприятию в Китае ранней истории контактов между Россией и китайской Империей Цин в связи с расширением Российского государства на восток. Автор подчеркивает, что территории бурят, калмыков и тувинцев, традиционно исповедующих буддизм, были «отторгнуты» Российской империей, и указывает на их культурные связи с Монголией, часть которой входит в состав КНР. Мяо Сун отмечает, что тувинские ламы получают высшее образование преимущественно в Монголии, что косвенно подтверждает тезис о сохраняющемся влиянии китайско-монгольского культурного ареала.

В работах о современном буддизме в России авторы редко используют полевые данные или статистику. При этом они охотнее, чем российские коллеги, фиксируют системные проблемы буддийской общины: острую нехватку образованных лам, слабую инфраструктуру монастырей и недостаток государственной поддержки. Однако эти выводы часто не подкрепляются эмпирикой. Показательно, что даже в статье Мяо Суна, затрагивающей современный период, статистические данные отсутствуют, а утверждения о социальном составе российских буддистов основаны на анонимных «наблюдениях» и публицистических материалах.

Когда речь идет о современном состоянии буддизма в России, то отмечается не только возрождение этой религии в традиционных буддийских регионах, но и появление ранее не распространенных в России школ буддизма (как дальневосточного в рамках тибетской традиции, так и южного), а также распространение светских форм буддийских практик среди представителей русского этноса. Однако не приводятся никакие конкретные статистические данные и отмечается, что большая часть подобных последователей буддизма относится к интеллигенции, которая «обладает широким кругозором» и «не имеет политических и национальных предрассудков (пристрастий)».

Таким образом, несмотря на отдельные попытки анализа, китайская историография российского буддизма остается вторичной по отношению к западным и российским исследованиям. Преобладание переводных материалов, политизированная интерпретация истории и ограниченность методологии создают своеобразный фильтр, через который китайские ученые воспринимают религиозные процессы в России. Это отражает не столько академические приоритеты, сколько восприятие буддизма как инструмента мягкой силы, который необходимо использовать при реализации целей внешней политики Китая. Акцент на территориальных спорах прошлого, связь тувинских

и бурятских общин с Монголией, а также критика системных проблем российского буддизма подчеркивают историческую и культурную близость этих регионов к КНР. Однако отсутствие полевых исследований, зависимость от переводов и идеологическая ангажированность ставят под вопрос объективность таких работ, ограничивая их ценность для международного академического сообщества.

Заключение

Концепция структурного полиморфизма, несмотря на критику за излишнюю аналитичность и европоцентризм, обладает существенной эвристической ценностью при анализе адаптации буддизма к различным культурным контекстам. Пример тибето-монгольской традиции Ваджраяны, интегрировавшей буддийскую философию, тантрические практики и мифопоэтику автохтонных культов, иллюстрирует, как полиморфизм позволяет сохранять доктринальное ядро учения, гибко трансформируя его внешние формы. Синкретизм буддизма и шаманизма в Туве, рассмотренный как модель культурной консолидации, подчеркивает роль буддизма как динамично развивающейся традиции, способной адаптироваться к локальным условиям без утраты своих сущностных элементов. Анализ китайской историографии российского буддизма обозначает политическое измерение буддийской традиции, в рамках которого религиозные процессы могут редуцироваться до инструментов «мягкой силы».

Методологический синтез религиоведческого, исторического и политологического подходов позволил раскрыть многоуровневую динамику традиции — от философских дискурсов до повседневных практик. Междисциплинарный подход остается ключевым условием понимания буддизма как живой традиции, продолжающей развиваться в контексте вызовов современности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Рудой В.И., Островская Е.П.* О специфике историко-философского подхода к изучению индийских религиозно-философских систем // *Методологические проблемы изучения истории философии зарубежного Востока.* М.: Институт философии Академии наук СССР, 1987. С. 74–93.
2. *Розенберг О.О.* Проблемы буддийской философии. М.: Юрайт, 2019. 309 с.
3. *Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов: В 2 ч. / Ред. и примеч. А.В. Парибка. СПб.: Аста-пресс, 1995. 395 с.
4. *Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2007. 473 с.
5. *Williams P., Tribe A., Wynne A.* *Buddhist thought: A complete introduction to the Indian tradition.* N.Y.: Routledge, 2011. 288 p.

6. Шохин В.К. Индийская философия: Шраманский период. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 423 с.
7. Хомушку О.М. Религии в Туве: история и современность. Новосибирск: Наука, 2024. 176 с.
8. Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
9. Хомушку О.М. Особенности традиционного мифологического мышления народов Саяно-Алтая // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 13–20.
10. Басилов В.Н. Избранники духов. М.: Политиздат, 1984. 208 с.
11. Хомушку О.М. Религиозные традиции народов Саяно-Алтая как фактор формирования этноэкологической культуры // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С. 489–492.
12. Хэ Бинци (何冰琦). Российский тибетолог Г.Ц. Цыбиков и его работы по тибетскому буддизму (俄国藏学家齐比科夫及其藏传佛教著作) // Тибетские исследования (西藏研究). Август 2019. № 4. С. 145–153.
13. Янгутов Л.Е., Цыренов Ч.Ц. Буддизм в России (佛教在俄罗斯) // Исследования буддийской культуры (佛教文化研究). Вып. 4. Пекин: Народное издательство Цзянсу, 2016. С. 297–310.
14. История российской религии (俄国宗教史): В 2 т. / Гл. ред. Юэ Фэн (乐峰). Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2008.
15. Буддийская цивилизация России (俄国的佛教文明) / Ред. и пер. Хуан Цюди (黄秋迪) // Исследования Сибири (西伯利亚研究). 2011. № 6. URL: http://euroasia.cssn.cn/xsyj/xsyj_elswh/201205/t20120530_1785600.shtml
16. Мяо Сун (苗嵩). История и современное состояние тибетского буддизма в России (俄罗斯藏传佛教的历史与现状) // Международное научное обозрение (国际研究参考). 2013. № 11. С. 15–19.

REFERENCES

1. Rudoy V.I., Ostrovskaya E.P. On the specifics of the historical-philosophical approach to the study of Indian religious-philosophical systems. *In: Methodological Problems of Studying the History of Philosophy of the Foreign East*. Moscow: Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences, 1987. P. 74–93. (In Russ.)
2. Rozenberg O.O. Problems of Buddhist philosophy. Moscow: Yurait, 2019. 309 p. (In Russ.)
3. Shcherbatskoy F.I. Theory of knowledge and logic according to the teachings of Later Buddhists: In 2 parts. Ed. and notes by A.V. Paribk. Saint Petersburg: Asta-press, 1995. 395 p. (In Russ.)
4. Torchinov E.A. Paths of Eastern and Western philosophy: Cognition of the transcendent. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; Peterburgskoe vostokovedenie, 2007. 473 p. (In Russ.)
5. Williams P., Tribe A., Wynne A. Buddhist thought: A complete introduction to the Indian tradition. N.Y.: Routledge, 2011. 288 p.
6. Shokhin V.K. Indian philosophy. The Shramana period. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 2007. 423 p. (In Russ.)
7. Khomushku O.M. Religions in Tuva: History and modernity. Novosibirsk: Nauka, 2024. 176 p. (In Russ.)
8. Mongush M.V. History of Buddhism in Tuva (second half of the 6th — end of the 20th century). Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)

9. Khomushku O.M. Features of traditional mythological thinking of the peoples of Sayan-Altai. *Bulletin of Tuvan State University. Social and Human Sciences*. 2009. N 1. P. 13–20. (In Russ.)
10. Basilov V.N. Chosen by the spirits. Moscow: Politizdat, 1984. 208 p. (In Russ.)
11. Khomushku O.M. Religious traditions of the peoples of Sayan-Altai as a factor in the formation of ethnoecological culture. *World of Science, Culture, Education*. 2013. N 6 (43). P. 489–492. (In Russ.)
12. He Bingqi (何冰琦). Russian tibetologist G.Ts. Tsybikov and his works on Tibetan Buddhism (俄国藏学家齐比科夫及其藏传佛教著作). *Tibetan Studies* (西藏研究). August 2019. N 4. P. 145–153. (In Chinese)
13. Yangutov L.E., Tsyrenov Ch.Ts. Buddhism in Russia (佛教在俄罗斯). In: Research on Buddhist Culture (佛教文化研究). Vol. 4. Beijing: Jiangsu People's Publishing House, 2016. P. 297–310. (In Chinese)
14. History of Russian religion (俄国宗教史): In 2 vols. Ed.-in-chief Yue Feng (乐峰). Beijing: Social Sciences Literature Publishing House, 2008. (In Chinese)
15. Buddhist civilization of Russia (俄国的佛教文明). Ed. and transl. Huang Qiudi (黄秋迪). *Siberian Studies* (西伯利亚研究). 2011. N 6. URL: http://euroasia.cssn.cn/xsyj/xsyj_elswh/201205/t20120530_1785600.shtml. (In Chinese)
16. Miao Song (苗嵩). History and currestate of Tibetan Buddhism in Russia (俄罗斯藏传佛教的历史与现状). *International Scientific Review* (国际研究参考). 2013. N 11. P. 15–19. (In Chinese)

Информация об авторах:

Каимова Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Китая Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (495) 629-43-03; annansja@gmail.com

Оренбург Михаил Юльевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (495) 939-27-94; orenburg@philos.msu.ru

Хомушку Ольга Матпаевна — доктор философских наук, профессор, ректор Тувинского государственного университета, тел.: +7 (394) 222-19-69; hom17@mail.ru

Information about the authors

Anna S. Kaimova — Cand.Sci. (History), Associate Professor, Department of Chinese History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 629-43-03; annansja@gmail.com

Mikhail Yu. Orenburg — Cand.Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 939-27-94; orenburg@philos.msu.ru

Olga M. Khomushku — Doct.Sci. (Philosophy), Full Professor, Principal, Tuvan State University; tel.: +7 (394) 222-19-69; hom17@mail.ru

Поступила в редакцию 14.01.2025;
принята к публикации 02.06.2025

ПАМЯТИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА МАСЛИНА (1947–2025)

20 июня 2025 г. ушел из жизни Михаил Александрович Маслин, заслуженный профессор Московского университета, выдающийся ученый, историк русской философии, имевший много заслуг и много наград, лауреат высшей научной премии Московского университета — Ломоносовской премии I степени (2017) за монографию «Разноликость и единство русской философии», лауреат премии «Наследие русской мысли» им. Н.А. Бердяева (2016) и Евразийской философской премии (2024) за энциклопедию «Русская философия», которая вышла пятью изданиями в 2007, 2014, 2019, 2022, 2024 гг., была переведена на сербский (2009) и французский (2010) языки. Последнее, пятое, доработанное издание было приурочено к 270-летию Московского университета и вышло в издательстве МГУ.

Михаил Александрович окончил философский факультет МГУ в 1970 г. и прожил на нем всю последующую научную жизнь: с 1970 по 1973 г. был аспирантом кафедры истории философии народов СССР, ученым секретарем крупнейшего в Москве отделения Российского философского общества в МГУ. На кафедре истории русской философии Михаил Александрович прошел путь от младшего научного сотрудника (1973–1977), старшего научного сотрудника, и.о. профессора (1977–1989) до профессора (с 1990 г.), заведующего кафедрой (1992–2025).

Начало энциклопедии положил словарь «Русская философия», который вышел в 1995 г. в издательстве «Республика». Я был тогда младшим научным сотрудником. Помню, как мы работали над этим словарем, и помню, как обсуждали, могут ли на обложке соседствовать Ленин и Бердяев. Михаил Александрович утверждал, что могут, потому что он был сторонником концепции единства в многообразии русской философии. И одна из первых больших конференций, которые мы проводили на философском факультете в 2001 г. еще в первом гуманитарном корпусе МГУ, так и называлась «Русская философия: единство в многообразии». Она была приурочена к 60-летию воссоздания философского факультета в структуре Московского университета. Возглавляемая Михаилом Александровичем кафедра истории русской философии была в числе первых кафедр, она была открыта 15 мая 1943 г. Михаил Александрович

постоянно напоминал нам об этой дате. Представление о русской философии стремительно менялось, открывались архивы, выходили новые журнальные публикации, новые книги. И конечно, изменялось и профессиональное сообщество историков русской философии, и Михаил Александрович играл в этом переформатировании сообщества ключевую роль.

Михаил Александрович был выдающимся организатором науки. Кроме энциклопедии и словаря можно вспомнить и другие издания, которые он составлял. В 1990 г. в издательстве «Наука» вышел том «О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья». Он включил туда теперь уже хрестоматийно известные тексты: фрагменты из «Путей русского богословия» Г.В. Флоровского, работы Г.П. Федотова, В.В. Зеньковского, Б.П. Вышеславцева, П.А. Сорокина, главы из «Русской идеи» Н.А. Бердяева. Тогда большинство этих текстов было еще не переиздано в России и их было трудно доставать, некоторые из них вообще находились в спецхране Ленинской библиотеки.

Затем был не менее важный и этапный сборник «Русская идея» («Республика», 1992), он актуализировал тексты, написанные в этом тематическом ключе, от митрополита Илариона до Н.И. Кареева, от XI до XX в. Можно сказать, что разговоры в обществе о поиске «русской идеи» начались именно с выхода этого сборника. Его тираж для советской издательской практики был небольшой — 25 тыс. экземпляров, но сейчас он представляется огромным.

Под его общей редакцией и с его авторским участием был издан университетский учебник «История русской философии» (2001), имеющий гриф УМО классических университетов России, который впоследствии неоднократно переиздавался и стал самым авторитетным учебником по истории русской философии на долгие годы.

По правде сказать, в определенной степени Михаил Александрович изучал русскую философию вместе с нами, тогдашними студентами, потому что его советский бэкграунд — философия народников, а русская религиозная философия открывалась с появлением книг. На кафедре тогда было много специализирующихся: только на моем курсе — 14 человек. Михаил Александрович впитывал в себя эти работы, он был человек невероятно любознательный, с цепкой памятью, с очень личным отношением к философскому тексту. Как и положено историку русской философии, его интересовали не только сами идеи, но и личность философа, его творческая судьба.

Особой его любовью был Василий Васильевич Розанов, которого Михаил Александрович ценил за эпистолярность его письма — он даже спецкурс читал, посвященный эпистолярной в русской фило-

софии. Умение найти доверительный тон, излить себя, исповедальность — это ему было близко, это было интересно, и он всегда говорил, что письма — это самый интересный философский жанр. Одна из последних публикаций Михаила Александровича — издание писем к нему Анджея Валицкого (1930–2020), выдающегося польского историка русской и польской философии, к которому Михаил Александрович относился с большим уважением, в том числе и за твердую позицию последних лет его жизни, когда Валицкий, в отличие от многих его западных коллег, остался предан России и русской мысли.

Михаил Александрович призывал искать русскую идею в самой русской культуре, русской философии, русской литературе. В меньшей степени его интересовали живопись и музыка, надо сказать, он об этом мало говорил, а вот к русской литературе он часто обращался. Отсюда родился проект целой учебной дисциплины, которую Михаил Александрович разрабатывал и одно время читал в качестве общего курса. Эта дисциплина называлась «Россиеведение» — комплексное изучение России, не только русской философии, но и публицистики, и политической мысли, и русского искусства, русской культуры в целом.

Надо сказать, что Михаил Александрович не всегда одинаково относился к религии, он вышел из советского атеизма.

Его отец, Александр Никифорович Маслин, был заместителем директора Института философии Российской академии наук, тогда это была номенклатурная должность. Михаил Александрович рассказывал, что его раннее детство прошло в Чистом переулке на Арбате, а уже школьные годы — в доме на Кутузовском проспекте, где жили тогда генсеки и партийные работники. Он ходил в школу на Кутузовском проспекте, где учились и дети многих высокопоставленных чиновников. Они вместе общались, дружили, играли в футбол. Так что он, по сути, относился к тому, что называлось тогда советской элитой. И решусь утверждать, что во многом занятие русской философией привело его к вере. Я могу свидетельствовать, потому что я присутствовал при его крещении, которое происходило в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры. Там похоронены великие русские мыслители Константин Леонтьев и Василий Розанов. Просветительское общество «Радонеж» в начале 90-х гг. восстановило кресты на этих утраченных уже могилах, а игумен Феофилакт, ныне уже покойный, привечал писателей и устраивал панихиды в дни памяти Розанова 5 февраля и Леонтьева 12 ноября. Каждый год организатором и застрельщиком этих мероприятий был Станислав Степанович Лесневский, замечательный блоковед, исследователь

и издатель А.А. Блока. Российский Фонд культуры выделял автобус от метро Кропоткинская, и мы с Михаилом Александровичем с удовольствием отправлялись на эти мероприятия. И вот однажды Михаил Александрович изъявил желание креститься. Крестным его был Михаил Николаевич Громов, замечательный исследователь русской философии и большой друг нашей кафедры, которого тоже в этом году мы проводили в последний путь, незадолго до Михаила Александровича. А мы вместе с Борисом Межуевым носили с кухни в ведрах горячую воду, которую подогревали, для того чтобы налить в купель храма...

Повлияли на это два события. Первое — это, что называется, несчастье помогло. Как-то Михаил Александрович возвращался домой и на него напали в переулках, отняли кошелек, в котором была мелочь, и нанесли ему удар по голове — травма была очень опасной и это не сразу было выявлено. О другом событии рассказал на поминках Петр Вячеславович Калитин, один из любимых его учеников и докторантов. Как-то он повел Михаила Александровича в пещерный храм Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры. И они оказались в келье старца Варнавы, где бил источник и во мраке горела свеча. После поругания, которому подвергся этот храм в годы торжествующего атеизма, в алтаре подземного храма был устроен вагтерклозет, была пробита дырка в апсиде и туда хлестали нечистоты, многие помещения подземного храма были затоплены водой и ее нужно было откачивать. И вот, увидев это непарадное православие, аскетическое, где подвязались монахи, тот же старец Варнава, который беседовал с Николаем II и предсказал ему трагическую смерть в 1906 г., Михаил Александрович решил креститься.

По своим личным качествам Михаил Александрович был поистине добрым человеком. Под его руководством было защищено более 30 кандидатских диссертаций, в качестве научного консультанта он подготовил к защите двух докторов философских наук. В течение долгих лет он был председателем Диссертационного совета при Московском университете по специальности «История философии» (с 1992 по 2016 г.), в последние годы работал в составе Диссертационного совета МГУ по специальности 057.2. Многие люди, которые были его аспирантами или защищались в Диссертационном совете по истории философии, который он долгие годы возглавлял, составляют сегодня цвет нашей отечественной истории философии и философии вообще. Поэтому общий результат его деятельности в качестве научного наставника был в высшей степени положительный. А в личном общении Михаил Александрович был добрым, от-

звчивым, чутким человеком, но всегда умел отстаивать свой подход, свою философскую и гражданскую позицию.

Михаил Александрович очень любил ездить на конференции. Я с ним бывал, и не один раз, во Франции — в Париже и Лионе, в Сербии, Венгрии, в Будапеште и в Сегеде. С теплотой вспоминаю, как в бытовом отношении он себя вел. Во Франции он не был сторонником посещения дорогих ресторанов. Мы заходили с ним в супермаркет, покупали бутылку красного вина, несколько французских сыров, багет и шли в гостиничный номер. Когда все это откупоривалось, раскладывалось, он был просто счастлив, он умел наслаждаться простыми вещами, и это очень вдохновляло. Не случайно, один из важных его проектов — издание коллективной монографии «Русская философия за рубежом. История и современность» (М., Кнорус, 2017). Он делал этот сборник совместно с профессором Л.Е. Моториной. В него вошли интеллектуальные портреты ведущих мировых ученых, исследователей русской философии и обзорные статьи по историографии русской философии в различных странах. Сборник этот очень ценен и, кажется, не имеет аналогов, хотя тираж его совсем небольшой.

Михаила Александровича очень любили принимать, куда бы он ни приезжал, у него были и радующиеся ему друзья и коллеги, и свои любимые места. Саранск, Нижний Новгород. Везде его ждали, и он относился к людям с ответной любовью и щедростью. Никогда не отказывал в просьбах стать оппонентом, написать какой-то отзыв на работу, на статью. Он был членом объединенного Диссертационного совета по теологии Московского университета и Общецерковной аспирантуры и докторантуры, с ответственностью относился к этой работе, не жалел времени выступить, прочитать работу, написать отзыв. По-моему, за весь свой огромный путь в науке Михаил Александрович только на одну работу дал отрицательное заключение. Даже если его что-то не устраивало и он критично относился к какой-либо работе, то высказывал свое мнение, но при этом он всегда старался дать «зеленый свет» начинающим ученым. Поэтому, конечно, он был «крестным отцом» в науке для многих исследователей, в том числе и наших аспирантов, которые сейчас у нас на кафедре продолжают работать над диссертациями.

Весной этого года он предложил мне поехать вместе с ним в Китай на конференцию историков русской философии в Харбине. Ее проводил наш друг, в прошлом стажер нашей кафедры профессор Чжан Байчунь, ныне профессор Хайнаньского университета в Китае. Его русское имя Василий: такова традиция у китайских исследователей, которые занимаются русской культурой и стажируются

в Московском университете. Однако по разным причинам поездка не состоялась. Мы договорились, что запишем доклады и пошлем их. Так получилось, что мы записывали с ним доклады в один день — я у себя в кабинете, а он на кафедре. Это было в понедельник. А в пятницу его не стало.

Доклад Михаила Александровича был посвящен Николаю Васильевичу Устрялову. Сменовеховец Устрялов был связан с Харбином, продолжительное время работал там советником на КВЖД, преподавал на юридическом факультете в университете. Поэтому и тема была выбрана таким образом, что доклад был привязан к месту, где проходила конференция. Конференция открылась в субботу, рано утром. И вот первым выступлением на конференции стал доклад Михаила Александровича. Он звучал, когда его автора уже не было в живых. И я умышленно с некоторой задержкой сообщил китайским коллегам о смерти Михаил Александровича — мне хотелось, чтобы он «прочитал» этот доклад живым. Уже в середине дня я послал в Китай горестное сообщение и моментально получил ответ — китайские коллеги почтили память Михаила Александровича минутой молчания в завершение этой конференции.

Подытоживая эти во многом личные воспоминания, конечно, хочется обратиться к строчкам В.А. Жуковского, нашего гениального поэта: «Не говори с тоской их нет, но с благодарностью были...» «Как жаль, что Михаила Александровича нет с нами», — написала мне коллега. Я ответил ей: «Он есть, но только в другом качестве». Он есть, есть наши воспоминания. Есть его энциклопедия, которая познакомила с русской философией очень многих людей. Есть его книги, его ученики. Есть благодарная память о нем.

А.П. Козырев

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия» публикует статьи по различным направлениям философской науки, выходит один раз в два месяца. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал издается на русском языке, индексируется в РИНЦ.

Объем статей, как правило, не должен превышать 1 печатный лист (24 страницы формата А4 с полями 3 см слева и 1 см справа, набранные шрифтом Times New Roman 12 через 1,5 интервала), включая рисунки, таблицы, Список источников. Первый лист статьи должен начинаться с УДК, затем следует название статьи. Ниже даются инициалы и фамилия автора (-ов) с указанием места работы (организация, почтовый адрес с индексом, страна) (в случае соавторства ис пользуется нумерация при перечислении мест работы или учебы). Текст статьи начинается с аннотации на русском («Аннотация») и английском («Abstract») языках, объем которой не должен превышать 200 слов, или 10–12 строк. После аннотации приводятся ключевые слова («Ключевые слова»/«Keywords») (не более восьми), а затем следует раздел «Благодарности»/«Финансирование» («Acknowledgments»/«Financial Support») и отдельной строкой — сведения о грантах. Знак охраны авторского права © приводят внизу первой полосы статьи с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) и года публикации статьи.

Подстрочные притекстовые примечания помещают внизу соответствующей страницы статьи, связывая их с текстом статьи сквозной нумерацией. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после текста статьи в раздел Список источников, который дополнительно приводят на латинице («References»). Полную информацию об оформлении Списка источников и библиографического материала см.: www.philos.msu.ru/vestnik/philos

После раздела «Список источников» приводится Информация об авторе (-ах). Запись повторяется на английском языке в Information about the author. Более подробную информацию см.: www.philos.msu.ru/vestnik/philos

Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать текст и название статьи. Статьи рецензируются. Направленные на доработку работы должны быть возвращены в течение одного месяца.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСИ

Рукописи рецензируются двумя ведущими специалистами, назначенными на заседании редколлегии. На основании рецензии и обсуждения статьи на заседании редколлегии принимается решение о ее публикации, отправке на доработку или об отказе в публикации. Рецензии в электронном виде передаются ответственному секретарю и предоставляются по запросам авторов статей и экспертных советов ВАК. Заседания редколлегии проводятся не реже 4 раз в год.

Рукописи направляются по адресу: vestnikmsu@mail.ru

Сайт журнала — www.philos.msu.ru/vestnik/philos

Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

КОЗЫРЕВ А. П., канд. филос. наук, доцент — главный редактор,
БОЙЦОВА О. Ю., докт. полит. наук, профессор — зам. главного редактора,
ЗАЙЦЕВ Д. В., докт. филос. наук, профессор — зам. главного редактора,
ЛОГИНОВ Е. В., канд. филос. наук, доцент — ответственный секретарь

АЛАСАНИЯ К. Ю., канд. полит. наук, доцент, **БЕЛИКОВ А. А.**, канд. филос. наук,
БУГАЙ Д. В., докт. филос. наук, профессор, **КОЗОЛУПЕНКО Д. П.**, докт. филос.
наук, профессор, **КЛЮЕВА Н. Ю.**, канд. филос. наук, доцент, **КОНДРАТЬЕВ Е. А.**,
канд. филос. наук, доцент, **КРЖЕВОВ В. С.**, канд. филос. наук, доцент,
КРУПНИК И. Л., канд. филос. наук, доцент, **КУЗНЕЦОВ А. В.**, канд. филос. наук,
доцент, **ЛУНГИНА Д. А.**, канд. филос. наук, доцент, **РАЗИН А. В.**, докт. филос. наук,
профессор, **СОКУЛЕР З. А.**, докт. филос. наук, профессор, **ШАПОШНИКОВ В. А.**,
канд. филос. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЕКСЕЕВ А. П., докт. филос. наук, профессор, **БЕХМАНН Г.**, докт. философии,
профессор (Германия), **БРЫЗГАЛИНА Е. В.**, канд. филос. наук, доцент,
ВАСИЛЬЕВ В. В., докт. филос. наук, профессор, член-корр. РАН, **ГУСЕЙНОВ А. А.**,
докт. филос. наук, профессор, академик РАН, **КИРАБАЕВ Н. С.**, докт. филос. наук,
профессор, **КОСТИКОВА А. А.**, канд. филос. наук, доцент, **КУЗНЕЦОВА Т. В.**,
докт. филос. наук, профессор, **МАРКИН В. И.**, докт. филос. наук, профессор,
МОЩЕЛКОВ Е. Н., докт. полит. наук, профессор, **ЯБЛОКОВ И. Н.**, докт. филос.
наук, профессор

Редактор канд. филос. наук И. И. Жиброва
Корректор *А. В. Ленкова*
Верстка *В. Н. Кокорев*

Адрес редколлегии:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова,
учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет, каб. Г-554.

Сайт журнала: www.philos.msu.ru/vestnik/philos

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 1553 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 05.11.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 55 экз. Изд. № 13032. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В,
стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62

ИНДЕКС 39313 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0201-7385
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 7. ФИЛОСОФИЯ. Т. 49. 2025. № 5. С. 1-128